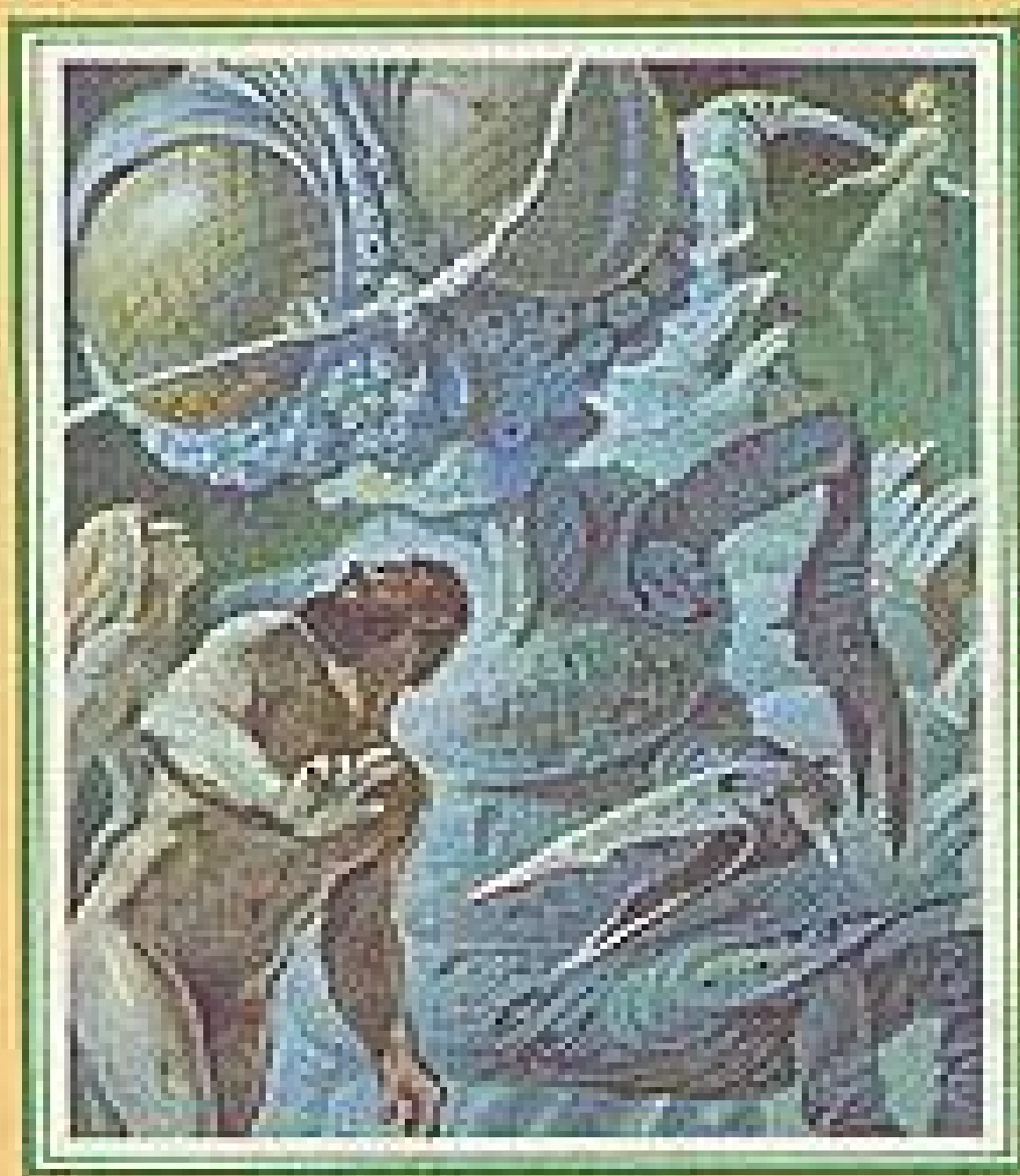

Пирс ЭНТОНИ

ХТОН

Annotation

Роман американского фантаста Пирса Энтони «Хтон» знакомит читателя с удивительным миром планеты, где люди живут под землей, где в темных каменных тоннелях таятся неведомые чудовища и где в человеческой памяти воскресают давно уже забытые древние боги.

Пирс Энтони

Хтон

ХТОН — существительное от «хтонический», имеющий отношение к подземному миру, преисподней; происходит от греческого «chthon» — «земля».

1. Подземная тюрьма для неисправимых, местонахождение засекречено.

2. Гранатовый рудник.

«Энциклопедия сектора», § 398

В Раю, вы слышали, нет браков...

Джон Кроу Рэнсом, «Канатоходцы»

ПРОЛОГ

С!

Сверхновая Факториал

Вспышка звезды столь всеохватывающая и молниеносная, что свет отстает на века.

Наша сцена: Сверхновая жизни.

Она разрастается от микрокосма — до планеты Эонами;

От планеты — до вселенной

Веками;

Ее длительность — обратная функция ее величины.

§

Параграф, символическая дата появления на свет человека: рывок к звездам.

Все, происшедшее до этого, — древность.

Нумеруют новые года: Параграф 1, параграф 100 итак далее;

Общаются на мудреном галактическом языке —

Хотя удобства разговорного языка сохраняются.

Изменяют для нужд космоса человеческие гены,

Но скрывают странные отклонения. Создают мифы о тех...

5

Династия Пярых

Пятый ранг среди Семей-основателей Хвеи,

Заселивших мир-сад в § 9

В поисках своего запредельного рая.

Но Пярых скопил озноб в § 305.

В старшем поколении остаются две линии:

Аврелий (§ 348–402), обрученный с одной из дочерей Десятых;

Вениамин (§ 352–460), холостой;

Надежды этой высокородной Династии должен оправдать
сын Аврелия:

Атон (§ 374–400)

Атон — агонист;

Атон — протагонист;

Оспаривавший знание природы зла;

Осужденный за это.

Атон — пока твоё тело умирает в темнице, душа живет вне ее;

Но оба суть одно; смерть отражает жизнь.

Все, переживаемое здесь, имеет параллель в ином существовании

Сейчас

В прошлом

И в грядущем.

Атон, Атон — дитя солнца —

Сойди, сойди же в наш подземный мир:

Мы нуждаемся в проклятых.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АТОН

§ 400

В кабине было жарко. Атон облизал соленые губы. Пот стекал по шее и пропитывал грубую тюремную рубаху. На глянцевой обложке книги, которую держал в руках, он разглядел темноволосого свежевыбритого мужчину.

«Нормальные черты, средний рост — разве я похож на преступника? Разве я, — думал он, — разве я?..»

Не важно. Хтон был тюрьмой проклятых, и человек, помещенный сюда, справедливо или нет, был проклят. Юридически проклят и юридически мертв: из Хтона никто не бежал.

Тюрьма являла собой обширную естественную полость глубоко под поверхностью засекреченной планеты, навеки скрытую от звезд. Там не было ни камер, ни охраны: живые отбросы человеческой империи гнили среди немыслимого богатства. Ибо Хтон был гранатовым рудником; умеренная ценность отдельных камней перекрывалась их огромным количеством. Режим на этом предприятии таков: каждые двадцать четыре часа спускался единственный лифт, загруженный едой. Поднимался он с несколькими сотнями гранатов. Если ценность камней была недостаточной, следующая партия еды становилась меньше.

Атон представлял Хтон именно таким, каким мог представить его любой свободный человек. Теперь предстояло изучить обратную, нижнюю сторону. Тесная клеть дрожала, выматывая напрягшиеся внутренности, и Атон покачивался в такт движению. Вдыхая собственную вонь, он чувствовал, что становится все жарче.

«Разве я мечтаю о невозможном? — думал он. — Разве глупо верить слухам о возможности побега? Возвращение из смерти. Свобода. Вероятно, даже... Завершение?»

Спуск прекратился. Дверь отворилась в ревущую тьму. Хлынула удушливая жара. Пот насквозь пропитал легкую одежду.

Зная, что выбора нет, Атон шагнул во мрак.

— В сторону! — проорал ему в ухо чей-то голос.

Грубые руки с силой толкнули. Он вывалился на середину пещеры — книга под мышкой — едва различая фигуры людей, сновавших между ним и освещенным лифтом.

Они работали молча, вдвоем, вытаскивая корзины и размещая их у ближайшей стены. Когда лифт опустел, они бережно внесли внутрь маленькие металлические шкатулки-гробики. «Гранаты», — сообразил Атон. Люди были рослыми, бородатыми, длинноволосыми и нагими, и у каждого на спине висел какой-то склизкий мешок. Картина при тусклом свете была гротескной, они напоминали Атону горбатых гномов.

Один из них захлопнул дверь и отключил свет. Шум в помещении был такой сильный, что Атон не услышал, как поднимается лифт, но догадался, что единственная его связь с внешним миром оборвана. Теперь он находился во власти Хтона.

В конце концов, и здесь был свет — шипящее зеленоватое свечение, испускаемое стенами и потолком, которые словно бы тлели. Постепенно глаза приспособились. Он мог ориентироваться.

К нему подошли люди.

— Новичок? Имя?

— Атон Пятый.

— Пятый?

— Не нравится, не ешь.

Реплику приняли во внимание, оценивая его: так стая волков оценивает чужака.

— Ладно, Пятый, — слушай и мотай на ус. Здесь внизу мы не задаем вопросов. И не отвечаем на них. Нам все равно, почему тебя послали сюда, только не делай этого впредь. Не создавай неприятности, делай свое дело и протянешь. Понял?

Они ждали реакции сурово, по-волчьи.

— Где я...

Один из них шагнул вперед, взмахнул открытой ладонью. Атон автоматически блокировал удар предплечьем. Но опоздал на мгновение, удар пришелся в ухо — достаточно сильный, чтоб в голове загудело.

Он отшатнулся.

— Что?..

— Не лезь куда не надо. Дважды не повторяем.

Атон, все еще злой, отступил. Какое-то мгновение он размышлял о сдаче. Что означало бы драку против троих. Этого-то они и хотели? Но, несмотря на нараставший гнев, он понимал, что совет верный. Не создавать неприятности — по крайней мере, пока не узнаешь, что к чему. Нет смысла начинать с драки. Для нее время еще будет. Он кивнул.

— Молодец, — сказал мужчина и рассмеялся. — Помни — мы все умрем вместе!

Остальные загоготали и пошли забирать корзины. Атон запомнит их.

— Один совет, — вполне дружелюбно сказал, минуя его, один из них. — Разденься, как мы. Жарко.

Все ушли, оставив Атона одного. Можно ли им верить? Он знал, что в Хтоне есть женщины, но в тюрьме без охраны и связи с окружающим миром условности должны были давно подчиниться удушающей жаре. Ненормальные нравы должны господствовать — если над ним не подшутили.

Атон огляделся. Пещера круглая, стены неровные, но явно обработанные. Камень, покрытый свечением. Давным-давно какая-то разведгруппа изучила эти пещеры или, по крайней мере, достаточное их количество, чтобы обнаружить гранаты и установить, что выхода отсюда нет. Он задумался, местный ли здесь воздух или его как-то сюда накачивают: наличие воздуха казалось явлением скорее нарочитым, чем случайным.

Наверняка этот ужасный жар долго не выдержать.

Настоящая печь-душегубка. Есть, вероятно, и более прохладные пещеры, иначе не выжить. Он скинул мокрую от пота одежду, взял книгу и вышел из пещеры. По пути осторожно коснулся стены: она была горячее, но не пылала, а зеленоватая слизь несколько секунд продолжала светиться на его пальцах. Очевидно, жар в пещере проистекал не от химических реакций.

Атон оказался в коротком туннеле. Ему говорили, что Хтон состоит из лабиринта лавовых каналов, и рассудком он понимал, что они возникли много веков назад, но в это трудно было поверить: дальний конец туннеля пульсировал жаром, а рев становился все громче, словно первобытные силы по-прежнему находились в движении. Однако другого пути не было.

Наконец он вошел в большой поперечный туннель диаметром метра в три — и сразу же был впечатан в гладкую стену воздушным потоком. Ветер в замкнутых пещерах? Он-то и был источником шума; но откуда здесь такой сквозняк? Его знаний об inferнальной области было явно недостаточно.

Атон собрался с силами и вошел в воздушный поток, позволив тому вести его тело по туннелю. В стенах ничего особенного, кроме свечения; туннель почти круглый. Могла ли его прокопать и обработать за несчетные годы воздушная эрозия? Хтон становился все более странным.

Пронизывающий ветер — метров десять в секунду, если не больше — приятно охлаждал его медленно шагающее тело, отвечая отчасти на вопрос о выживании. И тут же он ощутил последствие ветра: обезвоживание. Нужна вода и как можно быстрее, пока тело совсем не иссохло. Где-то должны быть люди и запасы воды.

Одной рукой придерживаясь за стену, Атон медленно двигался вперед, но внезапно ввалился в какой-то проем. Ветер стих, зато жара вернулась; радуясь перемене, Атон решил идти вниз. Проход был маленький, чуть выше его роста, и вел в пещеру, вроде той, куда он попал первоначально. Тупик.

Он пошел было назад, но вдруг со страхом понял, что в пещере он не один. Послышалось бормотание, кто-то зашевелился, чья-то фигура поднялась с неровного пола. Она двинулась к нему, соблазнительная и слегка пугающая, вызывая в памяти смутный облик из прошлого: красота и ужас одновременно, слишком искушающие и слишком болезненные, чтобы относиться к ним беспристрастно. Завывания ветра, казалось, превратились в зловещую музыку. «Песня... — подумал он, — жуткая прерванная песня, мелодия смерти... Или это мой демон, мой суккуб, с усмешкой лишающий меня всего человеческого?»

Фигура заговорила женским голосом — чуть слащавым, но обворожительным.

— Ты хочешь полюбить меня? — спросила она.

Теперь Атон разглядел очертания обнаженного женского тела. Сознывая свою незащищенность, он при ее приближении, словно щит, выставил вперед книгу. Он не знал ее намерений, она же отшвырнула книгу и скользнула в кольцо его рук. Женщина ступала уверенно; в этом полумраке она ориентировалась явно лучше, чем Атон.

— Полюби, — сказала она. — Полюби Лазу. — Ее голые груди прижались к его животу. Он боялся женщину и мнимого сходства. Почувствовав, как напряглось ее тело, Атон отпрянул назад. Рука женщины рванулась сверху вниз: острый камень, зажаты в кулаке, слегка поцарапал ему щеку. Не прошло еще и часа, а на него напали уже дважды.

— Тогда умри, ублюдок! — закричала она. — Умри, умри...

Она поперхнулась, зашлась кашлем и отбежала к дальней стене, где свернулась в дрожащий комок. Атон по-прежнему слышал искаженный шепот: «Умри, умри...» Неужели она собиралась его убить?

Он отступил в туннель. Лаза услышала звуки и тут же вскочила.

— Ты хочешь полюбить меня? — спросила она тем же голосом, что и прежде.

Главный туннель все тянулся и тянулся, пересекая многочисленные аркады. Некоторые из них казались пустыми; из других доносился непонятный шум, сопенье и скрежет. Атон быстро миновал их.

Его вела жажда. Жестокий ветер бил в спину, лишая последней влаги. Он снял башмаки, чтобы дать потным ногам подышать. И двинулся дальше.

Наконец звук голосов привлек его в большую пещеру. Ветер стих, разлетевшись по обширному пространству, а шум уменьшился. Оглушенные чувства Атона приходили в себя. Здесь оказалось несколько человек, они работали и вяло переговаривались. В центре зала возвышалось массивное металлическое устройство на колесах, в верхней части которого находился вал с рукоятками. Два человека толкали рукоятки и медленно, словно жернова, вращали устройство. У стены сидели на корточках еще двое и вырезали тонкими лезвиями какие-то маленькие предмета. Мужчина за ними кидал камешки в корзины. Все были голыми.

Рядом с ним стояла дородная, почти безволосая женщина, которая тотчас же заметила вошедшего.

— Новичок? — спросила она, используя то же приветствие. — Опять неприятность?

— Атон Пятый.

— Ты верно пришел, — сказала она. — Все приходят к Меховой Матушке.

Она рассмеялась непонимающему взгляду Атона.

— Это потому, что я заведу мехами. Мех тебе понадобится, чтоб не ссохнуть. Вот.

Она подошла к механизму. Мужчины прервали движения, позволив ей снять с трубы сбоку мешок. Она протянула его Атону.

— Твой мех. Ни за что не захочешь с ним расстаться!

Атон машинально взял мех. Тот был сделан из какого-то крепкого материала, весил килограммов восемь и имел лямки. Только теперь он разглядел, что все носят такие мешки — единственный предмет туалета. Но каково их назначение?

Меховая Матушка взяла пустой мешок и повесила его на трубу. Мужчины возобновили работу. Мех начал медленно наполняться.

Атон понял.

— Вода! — воскликнул он, поднес узкое горлышко меха к губам и жадно отпил. Жидкость была сравнительно холодная и восхитительная на вкус.

Женщина взглянула с одобрением.

— Подороже любых гранатов, — сказала она. — Мы осаждаем воду в конденсатном баке, и все довольны. И потому все за старую Матушку.

Атон принял информацию к сведению. Какая бы подземная иерархия здесь ни существовала, у этой женщины имелась власть.

Она принялась представлять остальных.

— Народ, вот Пятый. Эти двое — мои толкачи, эта смена — Жид и Козел. Вот там старик Шахматист. Он делает из ломаных гранатов шахматы и кое-что еще. Красивые вещицы.

Вновь удивившись, Атон кивнул. Наверху эти фигурки стоили целое состояние, как из-за материала, так и из-за работы. Художник оказался седым стариком, который сидел на корточках и ковырял погнутым ножом.

— Его Подмастерка... Они понимают друг друга.

Подмастерьем была девушка чуть старше двадцати, симпатичная и хорошо сложенная. Атону захотелось узнать, за какое преступление она оказалась в таком возрасте в Хтоне. Он представил, что их «понимание» ублажало скорее стариковское тщеславие, чем его романтическую удачу. Доброе имя, вероятно, здесь самое важное — надо запомнить.

Меховая Матушка подвела его к мужчине с корзинами.

— Счетовод, — сказала она. — Отлично считает, наметанный глаз на гранаты. Не перечь ему. — Счетовод сортировал камешки по цвету: в каждой корзинке разные оттенки красного и коричневого, едва различимые при плохом освещении. Симпатичная девушка сортировала гранаты по размеру. — Это Кретинка, — сказала Матушка. — Ее зовут Кристинка-Кретинка. — Девушка подняла глаза и хихикнула.

— У каждого своя работа, — заключила Матушка. — Ты походи тут немного, Пятый, освойся, мы тебя к чему-нибудь пристроим. Не торопись. — Потом негромко добавила: — Ты принес какой-нибудь инструмент?

— Инструмент?

Ее зоркий взгляд упал на книгу. Зря бы она этот вопрос не задала. Атон открыл книгу.

— ДЗЛ, — сказал он. — Книга. Мне разрешили всего одну вещь.

Матушка отвернулась с молчаливым отвращением.

Таковы были обстоятельства. Привыкнув к жаре и ветру, научившись определять дорогу в переплетении туннелей по звуку и виду, Атон нашел тюремную жизнь на удивление легкой. Чересчур легкой — в их положении могло и не существовать постоянной тяги к побегу. Обитатели были довольны, он — нет. Придется искать катализатор.

Пещеры простирались вниз до бесконечности. Гранаты поступали откуда-то снизу для сортировки и обмена с внешним миром. Цены назначались далекие от истинной стоимости драгоценных камней. Искусственные камни превосходили их по качеству, но им не доставало привкуса дурной славы. Эти же добывались проклятыми руками, происходили из жуткого Хтона. Патология притягивает человека.

Атон счел положение узников необъяснимым. Это наверняка худшая тюрьма в человеческом секторе галактики, созданная для душевнобольных преступников и неисправимых извращенцев — для всех тех, кого общество не могло ни излечить, ни игнорировать. Хтон рисовался извне обителью непрерывных буйств и оргий, изощренных пыток и садизма.

Вместо этого Атон открыл грубоватое, но тихое сообщество, члены которого следовали правилу: не создавать неприятности. Подлинные сумасшедшие были изолированы в пещерах, их опекали добровольные стражи. Тех, кто был не опасен, предоставляли самим себе.

Даже нормальные люди вряд ли бы устроились лучше. Преступники ли они на самом деле? Если нет, то почему принимают свою участь с такой легкостью? Наверняка здесь имелся какой-то сокровенный элемент, связующая сила. Чтобы действовать, Атону необходимо было ее постичь.

2

— Атон.

Голос — теплый, чуть хрипловатый.

Он перестал грезить, увидев Кристину в вызывающей позе. Она уже не хихикала. Ее взгляд задерживался на нем, когда бы они не встречались. Но даже зная об этом, Атон чувствовал, что должен сторониться женщин, пока не разгаданы остальные тайны. Женщина где угодно создаст неприятности.

Она подошла к нему, выставив грудь.

— Я — не Лаза, Атон, — сказала она, опередив его мысль. — С тобой ничего не случится. Можешь подойти поближе.

Атон не шелохнулся.

— Женщина Счетовода?

— Счетовод знает, где я. Он всегда знает, кто где. — Она подошла к нему вплотную, мягкая и гибкая, как кошка. — Давно у тебя была женщина, Атон?

Один-ноль в ее пользу. Слишком давно. Он изучал порядок вещей в космосе, но с космосом теперь — все; возможно, навсегда. Судя по всему, она сказала о Счетоводе правду. Тот даже мог послать ее в виде дружеского жеста.

Кристина повернулась к нему спиной и отошла. Уверенная в том, что ей удалось завладеть его вниманием, она начала танцевать, ритмично подпрыгивая и покачиваясь — настолько соблазнительно, что Атон отложил книгу к стене и пошел за ней.

Она хихикнула и отбежала. Играя в замысловатые прятки руками и телом, она привела его к боковому проходу. Атон осторожно заглянул туда, но никого не увидел.

Кристина дотронулась до него. Он поймал ее и прижал вместе с мехом к стене. Их губы соединились в поцелуе, окрашенном страстью, затем она вырвалась и оттанцевала на середину пещеры. Ее глаза горели.

Атон последовал за ней, отрезая выход и загоняя ее в нишу, она с удовольствием уворачивалась.

Когда Кристина увидела, что поймана, она принялась напевать какую-то мелодию. Заключительная уловка: невинный, безразличный напев, будто она одна. Это должно было подвинуть его на последний шаг.

Вместо этого его отбросило назад, и весь пыл в один миг улетучился. Звучала прерванная песня!

Кристина увидела: что-то не так.

— В чем дело, Атон?

Он отвернулся:

— Уходи, Кретинка. Ты совсем не та женщина, которую я хочу.

Потрясенная и разгневанная она убежала. Атон прислушался к звуку ее шагов — шлепанье босых ног в завывающем ветре. Они складывались в мелодию прерванной песни.

«Злоба, — подумал он. — О Злоба, неужели ты никогда меня не оставишь?»

Это был, конечно, сон, но лишь Атон знал это. Увлеченный иллюзорным соблазном, он по глупости обо всем забыл. В его сознании он не стоял один в туннеле, женщина в гневе не убегала. Было поражение, да, но не полное.

Когда они пошли по мрачному туннелю, Кристина взяла его за руку. Светлая блузка и темная юбка говорили о ее фигуре лучше всякой наготы.

— Люба, — сказал он, — я хочу извиниться за случившееся. Но ты должна понять, какую боль причиняет мне эта песня. Когда...

Она потащила его за локоть. Сквозь куртку он чувствовал нежное прикосновение ее пальцев.

— Меня зовут Кристина, — сказала она.

Они свернули в боковой туннель. Постепенно расширяясь, он вел вниз.

— Твой интерес ко мне застал меня врасплох, — продолжал он, сознавая неуклюжесть своего объяснения. — Я никогда не думал о тебе как о женщине, Люба.

— Почему ты зовешь меня «Люба»? — спросила она. — Взгляни на меня, Атон. Я Кристина. Кретинка-Кристинка, пещерная девушка.

Он посмотрел на нее.

— Возможно, — сказал он. — Я не признал тебя одетой.

— Спасибо.

Он провел ее к креслу и сел рядом.

— Я не думал, что в Хтоне есть такое. У нас на «Иокасте» был театр для команды, но я ни разу туда не ходил...

Атон растерянно замолк. Ее рука коснулась его паха и расстегнула застёжку брюк. Потом пальцы проникли внутрь, двинулись вниз, в поисках того, что там скрывается. Он попробовал воспротивиться, но тут обернулись люди в соседних креслах, и чтобы не выставить себя напоказ, ему пришлось умолкнуть.

На большом экране появилась фигура. Атон сосредоточил внимание на экране. По крутой тропе взбирался человек; сильный мужчина в античном одеянии; молодой мужчина, облаченный в ниспадающие складки неопределенного цвета. Всего один мужчина, но исполненный глубокого смысла. Дорога позади него уходила по каменистому, мшистому склону — необыкновенно привлекательный пейзаж.

Картина сменилась другой. На переднем плане виднелся резкий обрыв с пугающим намеком на глубину. Тропа поднималась, словно шла через перевал: в поле зрения выделялся покатым холм, а окружающий пейзаж ступенчатся. Двое мужчин, поднявшись по разным склонам и встретившись на вершине, стояли лицом друг к другу. Справа — сильный молодой человек из предыдущей картины; слева — пожилой мужчина в таком же одеянии. Они то ли беседовали, то ли спорили. Рука старика была поднята в повелительном жесте.

Третий кадр более динамичный: тело юноши искривлено в яростном движении, руки раскинуты, лицо искажено. Пожилой мужчина завис над пропастью — он раскинул руки, словно по-птичьи отталкивался от воздуха — но не летел, а падал. У них произошла ссора, спор, возможно, стычка за право пройти первому. Как знать, если образы обрывочны и бессловесны? Но все было совершено — и бесповоротно. Далеко внизу находилось невидимое глазу узкое русло реки — Атон удивился, откуда он это знал.

Еще одна картина, вряд ли связанная с предыдущими: огромное животное с могучими сложенными крыльями и чувственной грудью зрелой женщины. Рот вопросительно приоткрыт, словно загадывает загадку, и все.

Невыразимый ужас охватил Атона, приступ тошноты от отвращения к чудовищу скрутил желудок и бросил в жар.

Вскоре ощущения переменились. Он глянул вниз и увидел, что к нему безжалостно, словно клещи, тянется женская рука. Нет, это был шнур — змееподобный, кроваво-красный в полумраке — связывающий их животы. Он видел женское лицо, не лицо Лазы, которая убила бы его, а другое лицо, невероятно прелестное и злое.

Атон попытался освободиться, но не смог сдвинуться с места. Страшную душевную боль причиняло растяжение упругой связки, которое извлекало его корень прочь из плоти. Внезапно из этой боли вырвалась мелодия, и он познал, наконец, завершение.

Атон проснулся от звука приближающихся шагов, обливаясь холодным потом, дрожа и понимая, что он обязан выбраться из Хтона.

3

— Пятый.

На этот раз голос принадлежал мужчине. Кристине не понадобилось много времени, чтобы наябедничать. Он обернулся и увидел Счетовода с двумя дюжими помощниками.

— Я не дотрагивался до нее, — сообщил Атон.

Счетовод был суров.

— Знаю. Поэтому я здесь.

Атон настороженно взглянул на двух других. Он понял их задачу и узнал одного из них.

— Потому что Кретинка строила мне глазки?

— Отчасти, — без обиняков заявил Счетовод. — Она не должна этого делать. Но ты-то ее отверг.

— Не хотел неприятностей.

— Не хотел! — взорвался Счетовод. — Проклятый чужак! Ты выставил меня на посмешище всему Хтону, как будто моя девушка не стоит того, чтобы с ней переспать. Приставая к ней, ты мог, в конце концов, чего-то добиться. Если ты этого не хотел, мог бы сразу сказать «Нет», но нет же, ты...

— Все не так. Я хотел ее, но...

Глаза Счетовода оценивали:

— «Но»?.. Чего ты боялся? Снаружи никто тебя больше не увидит. Теперь ты живешь по-нашему. Никаких церемоний, никаких двусмысленностей. Она хотела тебя, и я разрешил ей развлечься. Здесь внизу ты не сможешь зачать ублюдков, если это тебя так беспокоит. В нашем климате все к черту отторгается.

— Я знал. Я...

— Из-за тебя, Пятый, я потерял лицо. Есть только один способ вернуть его.

— Не только... — начал Атон, но Счетовод уже дал сигнал, и двое мужчин приблизились к нему. Оба мускулистые, один из числа встречавших у лифта. Оба сбросили меха.

Атон увидел, что разумного пути к отступлению нет. Он облизал губы, но мех снимать не стал. В самом ли деле он хотел объяснить?

Время. Координация. Решение. Атон прыгнул. Первый получил босой ногой в солнечное сплетение, не успев ничего осознать, и начал падать, сжимаясь в комок. Не успел он коснуться земли, как Атон занялся его спутником — запустил тренированную ладонь во всклоченную бороду и стремительно дернул вниз. Мозолистые костяшки пальцев свободной руки глухо хрустнули о затылок противника.

Первый без сознания беспомощно к чему-то тянулся. Другой умирал с проломленным черепом. Все заняло от силы четыре секунды.

Пораженный Счетовод потупился.

— Космогард, — сказал он.

— Ты же сам хотел, чтоб все без обмана, — Атон чувствовал, что заслужил его уважение. — Я хотел объяснить.

Счетовод оттащил мужчин и вернулся один.

— Хорошо. Я не могу сводить с тобой счеты таким образом. Я знаю только одного человека, который дерется так же, но он... недосыгаем.

— Космогард? — с интересом спросил Атон.

— Креллевод.

Атону хотелось бы его увидеть. Члены гильдии, выращивающей смертоносную траву крелль, культивировали древнее искусство каратэ — кара-атэ, бой без оружия — в ином направлении, нежели их

космические собратья. И те, и другие наносили удар, чтобы отключить, искалечить или убить; но за ударом космогарда скрывалась убийственная мощь, а за ударом креллевода — наука смерти. Какая школа выше? Этот вопрос, по его сведениям, никогда не задавали.

— Где он?

— Внизу, его зовут Старшой.

Счетовод сменил тему.

— Я признаю свое поражение и забуду о нем. Но я хочу знать одну вещь, хотя это не совсем мое дело. Готов с тобой обменяться.

Атон понял важность предложения — в таком-то месте, где информация ценится дороже собственности.

— Я тоже хочу кое-что знать, — сказал он. — Честные ответы?

Но тут же понял, что вопрос ошибочный. Человек, мошенничавший с информацией, долго бы здесь не прожил.

— Давай задавать вопросы, — сказал Счетовод. — Сделка заключена.

— Устройство Хтона.

— Причина, по которой ты ее отверг.

Атон с запозданием понял, почему Счетовод оборвал его объяснение. Он не мог допустить свободного знания. Проще сразу же вызвать недоброжелательство, чем потом распутывать клубок. Это был честный человек, в стиле Хтона.

— Ответ может тебе не понравиться, — сказал Атон.

— Я хочу начистоту.

Они переглянулись и кивнули.

— Тебе кажется, здесь слишком тихо? — издали начал Счетовод. — Не удивительно. Это только часть Хтона — лучшая его часть. Примерные заключенные: безвредные невротики, политические, предсказуемые сумасшедшие. У нас легкая жизнь, потому что мы избраны, знаем друг друга, и мы — высшая инстанция. Но внизу... туда путь есть, а назад нет. Всех, с кем мы не можем справиться, бросают в дыру и забывают о них. Там-то и находится рудник; мы спускаем вниз еду, а они посылают вверх добытые гранаты.

— Тюрьма в тюрьме!

— Верно. Снаружи думают, что мы все — одна большая несчастная семья, занятая драками и добычей. Может, внизу так и есть. Не знаю. Но нам нравится, что здесь тихо, и мы поступаем с шахтой так же, как внешний мир с нами: нет гранатов — нет пищи. Нам первым достается еда; и нам не приходится много работать, разве что для поддержания привычного хода вещей. Мы не можем выбраться — но живем, в общем, неплохо. Порой спускают новичка, вроде тебя, это на время разнообразит жизнь, пока мы не ставим его на место.

— Не выбраться, — сказал Атон.

— Наши пещеры заперты. Это удерживает нас внутри, а чудовищ — снаружи. Внизу... никто не знает, где заканчиваются туннели и что в них.

Неисследованные пещеры! Единственная надежда на побег. Иначе говоря — столкнуться с тюрьмой, которой страшатся самые отпетые заключенные, смешаться с людьми, слишком порочными, чтобы принимать какие-либо нравственные запреты. Ничего другого не оставалось.

— Насчет Кретинки, — сказал Атон, делая свой ход и зная продолжение. — Не при чем ни она, ни ты. Она — славная девушка; я бы овладел ей, если бы мог. Но что-то остановило меня, что-то, с чем мне не совладать.

— Остановило космогарда в такой интересный момент? Станный ты человек! Ты и твоя проклятая

книга.

Атон произнес слово, приговорившее его:

— Миньонетка.

Счетовод уставился на него:

— Я слышал об этом. Сказки... ты хочешь сказать, что встречал ее? Они в самом деле существуют?

Атон не ответил. Счетовод отступил.

— Я слышал о том, что они делают. О мужчинах, которые... — его голос, до этого дружелюбный, стал безучастным. — Неприятность в тебе. А я послал к тебе Кретинку.

Счетовод принял решение:

— Я не хочу знать больше. Ты не наш, Пятый. Ты должен спуститься вниз. Меня не волнует, сколько людей ты убьешь: с нами ты не останешься.

Такой реакции Атон и ожидал.

— Никаких убийств, — сказал он. — Я пошел.

§ 381

ОДИН

Хвея была пасторальным миром без пасторальных животных. Ее невысокие горы и тихие долины не требовали борьбы. Постройки не заполняли всю поверхность, лишь несколько угловатых объектов человеческой цивилизации уродовали естественный пейзаж. Население было небольшое и избранное, оно едва бы заполнило самый маленький из городов мегаполисной Земли. Основное занятие было одно, как и предмет экспорта: хвеи.

Маленький мальчик бродил по круговым полям Династии Пятой, стараясь не наступать на зеленые цветы, тянувшиеся к нему. Слишком юный, чтобы их выращивать, он мог быть лишь их другом. Растения вокруг него выступали совокупной личностью, почти осязаемой аурой, которая ласкала его, успокаивала...

Вчера ему исполнилось семь лет, и он все еще благоговел перед этим чудом — очередной год так внезапно свалился на него. На восьмом году жизни планета стала меньше, и он хотел исследовать ее вдоль и поперек и освоить новые измерения.

В руках он нес большой тяжелый предмет — подарок на день рождения. Это была книга в лоснящемся водонепроницаемом переплете, с блестящей металлической застежкой, снабженной цифровым замком. Витиеватые буквы на обложке гласили: ДЗЛ, а ниже от руки было приписано его имя: АТОН ПЯТЫЙ.

Девственный лес Хвеи подступал к самым садам, деревья были менее восприимчивы к настроению человека, чем выращиваемые растения, но так же дружелюбны. Мальчик вошел в тень леса, оглянувшись напоследок на дом своего отца, Аврелия, далеко за полем. Атон постоял у новой садовой беседки, построенной в этом году, застенчиво поглядывая на высокую остроконечную крышу и обдумывая чересчур огромные для него мысли. Потом заглянул за беседку, где горячее черное шоссе извивалось в сторону космопорта — асфальт, ведущий за его мальчишеские горизонты.

В эту минуту задумчивости слышались звуки музыки, несомые слабым ветром, — слишком воздушные, чтобы быть реальными. Мальчик остановился и прислушался, — он поворачивал голову то туда, то сюда, улавливая напев, его музыкальный слух был неразвит, но не поддаться неотразимой красоте мелодии было невозможно.

Песня поднималась и опускалась призрачными завываниями — тончайшая мелодия, исполняемая на каком-то сказочном инструменте. В ней были и трели птиц, и журчание не приметного ручейка, и изящные звуки полузабытых мелодий древних трубадуров. Атону вспомнилась музыка, в которой позднее он узнал «Зеленые рукава» и «Римские фонтаны», а также более старые и новые вещи — и он был очарован.

Песня прервалась незаконченной. Семилетний мальчик забыл обо всех делах, охваченный желанием услышать окончание. Он обязательно должен его услышать.

Волнующая мелодия слышалась опять, и он, прижав к груди огромную книгу, пошел вслед за своим любопытством в лес. Очарование росло, все крепче цепляясь за его разум; прекраснее этой вещи он еще не слышал... Громадные деревья сами, казалось, реагировали на песню, замирая и позволяя ей плыть меж ними. Атон дотрагивался до стволов, храбрился, когда проходил мимо бездонного лесного колодца (он боялся его черной глубины), и шел дальше.

Теперь он различал музыку более отчетливо, но она завела его в незнакомую часть леса. Слышался женский голос, в котором угадывались обертоны обещания и восторга. Ему в контрапункт аккомпанировали изящные арпеджио нежнозвучного струнного инструмента. Женщина пела песню, и смысл едва слышных слов вполне соответствовал настроению леса и дня.

Атон вышел на поляну и заглянул за высокие папоротники, вздымавшиеся вдоль ее края. Здесь он увидел лесную нимфу — молодую женщину такой потрясающей и изысканной красоты, что даже ребенок, едва перешагнувший рубеж семи лет, смог понять, что на его планете подобных ей нет. Завороженный, он

смотрел и слушал.

Нимфа почувствовала чужое присутствие в папоротнике и замолчала. «Нет!» — хотелось крикнуть ему, когда песня прервалась посреди припева, но она уже отложила инструмент.

— Подойди ко мне, молодой человек, — сказала нимфа отчетливо, но негромко. Неожиданно обнаруженный, он робко направился к ней.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Атон Пятый, — ответил он, гордый своим звучным именем. — Вчера мне исполнилось семь.

— Семь, — повторила она, заставив его почувствовать, что это и впрямь солидный возраст. — А что ты несешь? — спросила она, дотронувшись до книги и улыбнувшись.

— Это моя книга, — сказал он со скромным тщеславием. — На ней мое имя.

— Можно взглянуть?

Атон сделал шаг назад:

— Она моя!

Нимфа взглянула на него, и мальчик устыдился своего эгоизма.

— Она заперта, — объяснил он.

— А ты умеешь читать, Атон?

Он хотел объяснить, что заглавные буквы ДЗЛ означают «Древнеземлянская литература», а остальные — его собственное имя в знак того, что книга принадлежит ему. Но когда мальчик встретил ее глубокий молчаливый взгляд, слова застряли в его горле.

— Она заперта.

— Никто не должен знать шифр, — сказала нимфа. — Но я закрою глаза, и ты откроешь ее сам.

Она закрыла глаза, ее черты были спокойны и совершенны, как у изваяния, и Атон, почувствовав, что ему доверяют, несколько не смутился. Он принялся возиться с замком, набирая недавно выученный набор цифр. Застежка щелкнула и распахнулась, показались тонированные листы.

При этом звуке ее глаза открылись, и взгляд снова упал на него — теплый и ясный, как луч солнца. Мальчик сунул том в ее ждущие руки и со страхом наблюдал, как она перелистывает тонкие страницы.

— Прекрасная книга, Атон! — похвалила она, и он от гордости зарделся. — Ты должен выучить старинный язык — английский, а это нелегко, поскольку символы в нем не всегда соответствуют словам. Они не так ясны, как в галактическом. Как думаешь, сможешь?

— Не знаю.

Она улыбнулась.

— Сможешь, если захочешь, — она нашла какое то место и разгладила лист. — Сейчас ты ребенок, Атон, но эта книга будет для тебя многое значить. Вот как Вордсворт говорит о бессмертии детства:

О радость! В нашем пепле

Жизнь теплится еще,

Природа помнит вечно,

Что мигом утекло.

Атон слушал, не понимая.

— Звучит туманно, — сказала нимфа, — поскольку твои символы не вполне совпадают с символами поэта. Но когда ты начнешь схватывать суть, язык поэзии станет для тебя прямым путем к истине. Ты поймешь его, Атон, вероятно, когда тебе исполнится два раза по семь. Кем, интересно, ты станешь тогда, что будешь делать?

— Я буду выращивать хвеи, — сказал он.

— Расскажи мне о хвеях.

И Атон рассказал о зеленых цветах, растущих на полях в ожидании любви, и о том, что когда человек срывает цветок, тот любит его и остается зеленым, пока человек жив, и не может пережить его отсутствия, и что когда владелец цветка вырастет и собирается жениться, он отдает хвею своей суженой, и цветок живет, если она любит его, и умирает, если ее любовь неискренна, а если цветок не умирает, они женятся, и муж забирает цветок обратно и никогда уже больше не проверяет ее любовь, и что хвеи растут только на Хвее, планете, названной в их честь, или, возможно, наоборот, и что их рассылают по всему человеческому сектору галактики, потому что люди, где бы они ни жили, хотят знать, что они любимы.

— Верно, — сказала нимфа, когда у мальчика прервалось дыхание. — Любовь — самая мучительная вещь на свете. Но скажи мне, молодой человек, неужели ты в самом деле знаешь, что это такое?

— Нет, — признался он, ибо его красноречивые слова были повторением рассказов взрослых. Он задумался, верно ли он расслышал ее определение любви.

Потом она сказала ему нечто, весьма необычное.

— Посмотри на меня. Посмотри, Атон, и скажи, что я прекрасна.

Мальчик послушно посмотрел ей в лицо, но увидел лишь темно-зеленые глаза и волосы — огонь и дым, горящие и кружащиеся на ветру.

— Да, — сказал он, находя в этом неожиданное удовольствие. — Ты прекрасна, как пламя над водой, когда отец выжигает весной болото.

Нимфа рассмеялась с легким отзвуком недавней музыки, восприняв комплимент буквально.

— Пожалуй, я и в самом деле такова, — согласилась она. Потом протянула руку и подняла холодными пальцами его подбородок, так что он еще раз посмотрел ей в глаза. Воздействие было гипнотическим. — Ты никогда не увидишь такой прекрасной женщины, как я, — сказала она, и он понял, что вынужден ей безусловно верить и, покуда жив, не сможет оспорить ее слов.

Она отпустила его.

— Скажи, — спросила она, — скажи мне — тебя когда-нибудь целовали?

— Когда к нам в гости приходит моя тетка, она целует меня, — сказал Атон, морща нос.

— Я похожа на твою тетку?

Он посмотрел на нее. В патриархальной генеалогии Хвеи с женщинами почти не считались, а внешность сестер отца была довольно невзрачной.

— Нет.

— Тогда я сейчас поцелую тебя.

Нимфа снова дотронулась пальцами до его подбородка, а другую руку положила на макушку, наклонив голову чуть в сторону. Держа его так, она нежно поцеловала его в губы.

Семилетний Атон не знал, что делать. «Я ничего не ощутил», — говорил он себе впоследствии, вновь и вновь переживая этот миг, но понять это «ничего» он не мог.

— Тебя раньше так целовали?

— Нет.

Она ослепительно улыбнулась.

— Никто, никто не поцелует тебя так... никогда.

Взгляд нимфы упал на крошечное растение у ее ног.

— Оно тоже прекрасно, — сказала она, протягивая к нему руки.

Атон резко заговорил:

— Это же хвоя! Дикая хвоя.

— Мне не позволено ее сорвать?

— Не позволена, — сказал он, бессознательно подражая ее выбору слов. — Хвоя — только для мужчин. Я уже тебе говорил.

Она снова рассмеялась.

— До тех пор, пока они любимы, — она сорвала цветок. — Смотри! Смотри, она не вянет в моей руке. Я даю ее тебе в подарок, и она будет любить тебя и оставаться с тобой, пока ты будешь помнить мою песню.

— Я не знаю твоей песней.

Ока воткнула зеленый стебель ему в волосы.

— Ты должен прийти ко мне еще раз и выучить ее, — руки нимфы легли на плечи мальчика, разворачивая его кругом. — Иди, иди же, не оглядываясь.

Атон пошел, смущенный и восторженный одновременно.

Он вернулся на следующий день, но поляна была пуста. Лесная нимфа исчезла и забрала с собой песню. Он вспоминал ее, пытаясь восстановить мелодию, но возникали лишь мимолетные обрывки. Атон дотронулся до пня, на котором она сидела, желая узнать, сохранилось ли в нем ее тепло. Потом начал сомневаться, существовала ли она вообще, но не смог избавиться от видения нимфы. Она разговаривала с ним, она поцеловала его, она подарила ему хвою и часть песни; воспоминание было необычным, сильным и таинственным.

В последующие дни Атон продолжал посещать поляну в лесу, надеясь найти хоть какой-то намек на музыку. В конце концов он перестал делать это и сдался более унылому миру действительности — почти сдался.

Ближайшие соседи жили в долине, в пяти километрах от них. Они принадлежали к одной из ветвей низкородной Династии Восемьдесят-Первых, которые возделывали неплодородную землю и делали это не слишком усердно. Аврелий никогда о них не вспоминал. Атон не знал об их существовании до тех пор, пока нимфа косвенно не познакомила его с детьми Восемьдесят-Первых.

После того, как и десятое посещение леса ничего не дало, одолеваемый одиночеством Атон вынужден был предположить, что прекрасная женщина ушла навсегда (сделать это было ему легче, чем считать двузначные числа с помощью всего-навсего десяти пальцев), или же начать ее поиски в других местах. Он выбрал последнее. Наверняка она **где-то** была, и естественно было исследовать длинную равнину, поскольку гулять по горячему черному шоссе ему запрещали. Его тетка всегда прибывала на аэромобиле оттуда, пересекая равнину, и пока он не представлял себе ее местожительство в пространстве, да и не желал его посещать, это прибавило логики его решению.

Вооруженный увесистой ДЗЛ он отправился в путь и зашагал по удивительным полям, мимо извилистых потоков и перелесков. Представший перед ним мир оказался обширнее, чем он предвкушал, но Атон перекладывал тяжелую книгу из руки в руку, иногда отдыхал, приказывал ногам не страшиться немыслимых расстояний и, наконец, оказался у границы Восемьдесят-Первых.

Там он встретил не нимфу, которую искал, а мальчиков-близнецов своего возраста, Лешу и Леню, и их младшую сестренку Любу. Так завязалась дружба, длившаяся ровно семь лет.

— Смотрите, у него хвоя! — закричал Леша, заметив целеустремленного путника.

Дети Восемьдесят-Первых окружили Атона, который отреагировал на интерес к его знаку отличия со снисходительной хмуростью.

— А почему у вас нет? — спросил он.

Леня замялся:

— Я пробовал. Она умерла.

— А где ты взял свою? — задал вопрос Леша.

Атон объяснил, что красивая лесная женщина подарила ему цветок на день рождения и что теперь он ее ищет.

— Ну, и врать ты мастер! — завистливо произнес Леня. — А ты можешь сделать бомбу?

— Мы делаем бомбу! — воскликнула маленькая Люба.

Леня хлопнул ее по голой спине.

— Без девчонок, — произнес он. — Это мужское дело.

— Ага, — сказал Леша.

— Ага, — отозвался Атон, хотя бомба была ему неинтересна. — Только мне нужно безопасное место для книги. В ней Словесная Земля.^[1]

— Это вроде багрового песка? — поинтересовался Леша. — Может, использовать ее для бомбы?

— Нет! Словесная Земля — поэт. Он пишет в рифму о теплом пепле. «О радость! В нашем пепле...»

— Кому это надо? — сказал Леня. — **Настоящие мужчины** делают бомбы.

Затем они спрятались втроем в укрытии близнецов — скрытой в густом кустарнике землянке возле загона для свиней. Они мастерили бомбу из камней и разноцветного песка. Леня слышал, что смесь серы (которую они узнавали по желтому цветку) и калийной соли взрывается, если бросить ее достаточно сильно. Но почему-то смесь не взрывалась.

— Наверняка из-за соли, — сказал Леня. — Это обычный белый песок. А нам нужна **настоящая соль**.

Люба, вертевшаяся возле землянки, не упустила благоприятного случая.

— Я могу достать!

Вскоре она вернулась с солонкой, которую стащила из кухни, но не отдавала ее мальчикам до тех пор, пока они не пообещали принять ее в игру. Оставшуюся часть дня она приставала к Атону, порой вызывая у него отвращение. Она была в грязи с ног до головы, а ее длинные черные косы все время лезли в бомбу.

ДВА

Прошли годы. Началось обучение. Атон узнал об истории и обычаях своей планеты и о великой Династии Пярых. Он научился читать на трудном древнем языке и с изумлением пробирался сквозь огромный текст ДЗЛ. Считал он теперь куда дальше, чем до десяти, и производил с числами разные действия. Он знал К-шкалу температур и §-шкалу времени. Он начал долгое ученичество в хвееведении.

Свое свободное время, теперь более редкое, Атон проводил, в основном, на хуторе Восемьдесят-Первых. Мальчишки бросили заниматься бомбой и перешли к другим затеям. Лешу и Леню не обязывали получать объем знаний, требуемый от сына Пятого, и учеба у них шла гораздо легче. Люба никогда не отказывалась от своей привязанности к Атону. Близнецы же то и дело его дразнили «Поцелуй ее, и она принесет соли. **Крепкой** соли». Но он воспринимал Любу как сестру, которой у него никогда не было, и довольствовался тем, что дергал ее за косы, достаточно сильно, впрочем, чтобы она вела себя как следует. А время неумолимо воздействовало на всех.

Выращивание нежных зеленых цветов представляло собой сложное дело: смесь науки, искусства и характера. Вскоре стало очевидно, что у Атона к этому призвание. Растения, за которыми он ухаживал, были крупнее и красивее остальных, а его опытные участки цвели вовсю. Будущее хвеевода казалось ему гарантированным.

Был и другой варианта профессия механика. Атон научился управлять аэромобилем Пярых, точно определяя координаты планеты на географическом нониусе машины. Локационная сетка была размечена в стандартных единицах для восточного склонения и нордовой разности широт с наложенной нониусной шкалой, выводящей из фокуса все, кроме правильного показания. Здесь Атон столкнулся с безмерными трудностями. Ему, похоже, не хватало тяги к механике, по крайней мере, в таком возрасте. «Только не ходи на Флот, — предупреждал домашний учитель. — Там из тебя обязательно сделают машиниста. У них жуткая способность выбирать для работы совершенно не тех людей». Но, освоив технику, Атон начал уважать ее. Что-то радостное было в мгновенном фокусировании после нескончаемых попыток.

«Вероятно, — думал он, — красоту фокусирования можно оценить только **потому**, что она возникает после борьбы».

Одно продолжало затуманивать выбор судьбы: не покидающий его образ лесной нимфы. Пока оставалась эта тайна, Атон не мог верить в себя вполне. Когда он, обливаясь потом под жарким солнцем, работал в поле на прополке сорняков (он думал, что это крелль, хотя крелль намного опаснее), прерванная песня звучала в его голове — настойчивая и мучительная. Откуда пришла нимфа? Зачем? Что она хотела от маленького мальчика?

Постепенно возраст смазал воспоминание. Оставалось лишь ядро неудовлетворения, придававшее Атону чуть неуравновешенности и заставлявшее гадать, правда ли, что жизнь в роли хвеевода — лучшая из возможных? Однако что еще могло быть?

Ему исполнилось четырнадцать лет. Он пересаживал саженцы хвей возле границы усадьбы, когда издали послышалась знакомая мелодия. Руки у него задрожали. Неужели она... неужели она вернулась наконец на поляну?

Он оставил цветы и то бегом, то сдерживая себя последовал за волшебным звуком. Возбуждение бурлило в нем, пока он кружил по лесу у заброшенного колодца. Неужели это нимфа? Неужели она зовет его?

Атон пришел на поляну, не изменившуюся, если верить его памяти, за семь лет. Нимфа была там! Она была там, она сидела и пела; ее легкие пальцы перебирали струны маленького инструмента — иномирянской шестиструнной лютни — которая звучала воистину завораживающе. Прежний образ в душе Атона побледнел перед действительностью. Лес, поляна, даже воздух вокруг были прекрасны.

Он стоял на краю поляны, впитывая ее присутствие. Казалось, лишь мгновение прошло с тех пор, как он стоял здесь впервые; время одинокой мечты — мгновение и вечность. Она не изменилась — он же повзрослел на семь лет. И теперь он видел не только то, что видел семилетним ребенком.

На ней было полупрозрачное в лучах солнца светло-зеленое платье со шнуровкой на лифе — на Хвее

таких не носили. Ее лицо, бледное и чистое, обрамляли великолепные волосы — поток темно-красного и иссиня-черного в обворожительном союзе. В фигуре была изящная цельность — не чувственная, не хрупкая. Ее внешность являла собой соединение противоположностей, о поиске которого Атон никогда сознательно не думал. Огонь и вода, обычные враги, совмещались здесь в резком фокусе, наподобие пересечения шкал нониуса.

Атон стоял словно в трансе и в восторге от этого зрелища забыл о времени и о себе.

Нимфа, как и раньше, заметила его и оборвала песню.

— Атон, Атон, иди ко мне!

Она его узнала? Подросток стоял перед прекрасной женщиной смущенный, зардевшийся от первых неловких мужских побуждений. Она была желанием мужчины, ее присутствие делало его большим и грубым, Атон ощущал на своих ладонях землю, а на рубахе — пот. Он не мог остаться, он не мог уйти.

— Четырнадцать, — сказала она, вкладывая в это слово некое волшебство. — Четырнадцать. Ты уже выше меня. — Она поднялась, распускаясь как цветок, чтобы подтвердить, что это правда. — И носишь мою хвёу, — продолжала она, протягивая руку к его волосам. Цветок лег на ее ладонь, зеленые лепестки были темнее платья. — Ты подаришь ее мне, Атон?

Он молча таращил глаза, не в силах воспринять вопрос.

— Еще рано, слишком рано, — сказала она. — Я не возьму ее, Атон. Не сейчас. — Она заметила его обветренные пустые руки. — А где же твоя книга?

— Я работал в поле...

— Ах, да, — подхватила она, покачивая в руках хвёу. — Тебе два раза по семь, и ты теперь хвеевод. А помнишь ли ты...

— «Указания на бессмертие» Вильяма Вордсворта, — выпалил он, пораженный своим громким голосом.

Она схватила его за руку, сжала ее.

— Не забывай никогда, Атон, как чудно быть ребенком. В тебе есть та бессмертная частица света, тот луч солнца, в честь которого тебя называли. Ты должен лелеять эту искру и никогда не давать ей погаснуть, независимо от своего возраста.

— Да, — сказал он, не в силах сказать ничего больше.

Нимфа поднесла хвёу к щеке.

— Скажи мне, скажи снова, Атон, — разве я не прекрасна?

Он заглянул в черно-зеленую глубину ее глаз и растерялся.

— Да, — сказал он. — Лесной пожар и тихий омут. Ты топишь меня в огне...

Ее смех был отзвуком горящих свечей и лесных потоков.

— Неужели я так опасна?

«Неотразимое создание, — подумал он. — Ты играешь мной, а я беспомощен».

Подойдя к нему вплотную, нимфа подняла руки, чтобы поправить хвёу в его волосах. Легкий запах ее тела одурманил его. Она — вневременна, она — совершенство.

— Ты не нашел ни одной женщины, которая сравнилась бы со мной, — проговорила она.

Спорить было бесполезно: даже ее тщеславие восхитительно. Ни одна смертная не могла соперничать с ее великолепием.

— Ты не должен меня забывать, — сказала она. — Я поцелую тебя еще раз.

Атон стоял, опустив руки, прикованный к земле, побаиваясь, что если пошевелит хоть одним мускулом, то упадет. Лесная женщина взяла его холодными пальцами за локти; слабое прикосновение вызвало в нем дрожь — от напряженных плеч до сжатых кулаков. Она потянулась губами, приводя его в

радостный восторг. Поцелуй: желание и досада захлестнули его душу.

Тончайшая паутина опутала все его тело. Лишь голос сохранил свою волю.

— Завтра ты опять исчезнешь, — услышал он собственные слова.

Она отпустила его.

— Иди, иди же. Когда найдешь меня снова, ты будешь готов.

— Но я даже не знаю твоего имени.

Нимфа махнула рукой, и ватные ноги развернули его и увели с поляны.

То, что до сих пор занимало лишь праздное воображение, ныне стало крайне необходимым. Умонастроение Атона изменилось. И если до пробуждения лесной нимфой он интересовался женщинами лишь умозрительно, то теперь обдумывал программу самообразования, которая вывела бы его за пределы, определяемые учителем. Он сажал хвев, поглощенный своими мыслями — растения все равно цвели вовсю — и обдумывал пути и средства.

Атон с нетерпением дождался приближения сумерек и поспешил по знакомой тропинке на хутор Восемьдесят-Первых. Тропа густо заросла дикими цветами, напоминая о редких посещениях хутора. Когда он в последний раз смеялся и возился с непохожими близнецами Лешей и Леней? Когда ловил в игре маленькую Любу, сознавая свою мужскую пристрастность? Детские игры отошли в сторону, возникли статусные барьеры. Разве не приходил он во времена неудовлетворенности и тысячи вопросов, чтобы обсуждать их с друзьями и составлять всевозможные планы? Близнецы были искушеннее его. Мужские разговоры с ними снимали отчужденность и сомнения. Старая дружба ослабляла невыразимое волнение, которое он испытывал.

Из темноты вырос дом Восемьдесят-Первых: узкие прямоугольники света за закрытыми ставнями. Атон обогнул свинарник; его появление вызвало безразличное хрюканье. Теплый животный запах щекотал ноздри. Он обошел дом и постучал в окно близнецов условным стуком.

Ответа не последовало. Он сунул палец за ставни, чуть приоткрыл их и заглянул внутрь. Комната была пуста.

В тщетном гневе он ударил кулаком по стене. Где они? Как они смели уйти, если он хотел с ними поговорить? Зная, что ведет себя неразумно и высокомерно, Атон рассердился еще больше. Он прекрасно знал, что в жизни мальчишек были, кроме него, и другие интересы, к тому же с его последнего посещения прошли месяцы, но эти бесспорные истины лишь раздражали. Что делать?

Вдруг ставни на окне слегка разошлись, яркий свет упал на кусты и протянулся лучом в вечернее небо. Атон поспешил к окну, но тут же остановился. Это мог быть кто-нибудь из родителей. Они, вероятно, лучше сознавали разницу в статусе Династий и не хотели неприятностей от могущественного Аврелия, не одобрявшего дружбу детей. Атон ждал, затаив дыхание. Высунулась голова: черные, как смоль, контуры, неразличимые черты. На подоконник упала длинная коса с желтым бантом.

— Люба!

Она повернула голову, всматриваясь в темноту.

— Это ты, Атон?

Он нырнул в льющийся свет, схватил косу и резко дернул.

— Ой, — преувеличенно вскрикнула она. Она схватила его за руку и разжала пальцы. — Ясное дело — Атон. Без труда узнаю нашего слюнтя.

Он встал, чтобы заглянуть ей прямо в лицо:

— Это я-то слюнтяй?

Ее лицо было совсем близко. Спокойные глаза с черными от тени зрачками смотрели с неожиданной глубиной.

— Потому что слюнявишь мои волосы...

Атон не заметил игры слов. Пытаясь подавить смущение, он потянулся вперед и коснулся губами ее губ.

Прикосновение было очень слабым, но это непреднамеренное действие удивило и его, и ее. Люба всегда была обузой, помехой в мужских делах, младшей сестренкой. Ее нескрываемый интерес к Атону вызывал у него подчеркнутое раздражение, поскольку он не был способен открыто выказать свое недовольство. Он ожесточался, сердился на себя, но не мог придумать ничего другого.

Нет, это была не лесная нимфа. Их губы, хотя и отвечали друг другу, не были обучены. Им не хватало утонченности. Никакого волшебства — он всего-навсего целовал Любу и не встречал отпора. Атон колебался, не прерваться ли.

Наконец она сама оборвала поцелуй, подняла голову и перевела дыхание.

— Для соли слишком поздно, — сказала она. — Бомбу ты уже взорвал.

— Я искал близнецов.

Он не сумел ответить остроумно. Или он и правда искал эту девушку? Эта мысль огорчила его.

Люба кивнула, одна коса скользнула по его лицу.

— Я так и думала. Они наверху играют с отцом в шашки. Хочешь, позову кого-нибудь?

— В шашки? Оба? — спросил Атон, стараясь продолжить разговор и уладить смутный, но сильный внутренний конфликт.

— На пару. Все время проигрывают. Ленку это бесит.

Атон ничего не сказал. Молчание затянулось — неуклюжее, неловкое. Никто из них не двигался.

Наконец он протянул ей руку, позволяя самой истолковать вложенный в этот жест смысл, и не уверенный, что он вообще есть.

— Ладно, — сказала Люба, приняв, казалось, какое-то решение. Она взяла его за руку и, опершись на нее, запрыгнула на подоконника. Крепкие бедра просвечивали сквозь юбку, вызывая в нем виноватое возбуждение.

— Подожди минуту, — сказала она и снова прыгнула в комнату.

Неужели передумала? Разочарование чередовалось в нем с облегчением. Но через миг свет погас, и Люба вернулась.

— Пусть думают, будто я сплю.

Атон помог ей вылезти. Он обхватил ее обеими руками за талию, чуть выше бедер, и снял с высокого подоконника. Люба оказалась тяжелее, чем он думал, и они чуть не упали, когда ее ноги коснулись земли. Ростом она была с него.

Они прошли мимо свинарника и оказались на знакомой дорожке, по молчаливому согласию выбрав это направление. Голова у Атона шла кругом. Это казалось невероятным, но она была девушкой, в теле которой завязывалась женственность. Он всегда ей нравился, и теперь Люба решила выразить свою приязнь более непосредственно.

Они очутились рядом со старой землянкой. Кусты закрывали вход, но внутри, похоже, все оставалось по-прежнему. Атон залез первым, осторожно ощупывая в сгустившейся темноте землю: здесь могли быть ящерицы. Отбросил несколько репейников.

Люба молча следовала за ним. Сейчас они немного поболтают, и она, как всегда, попытается приблизиться к нему, а он оттолкнет ее, а она встряхнет головой и хихикнет...

Она нашла в темноте его голову, повернула и прижалась губами к его губам. Он поднял руки, чтобы оттолкнуть ее, но они коснулись ее груди и отдернулись. Не прерывая поцелуя, она схватила его за рубашку и плотнее прижалась к нему.

Они прервали поцелуй, и она легла на спину очертания ее тела стали заметны по мере того, как глаза привыкали к темноте.

— Я думала, ты просто дразнился — раньше, — сказала она. — А сейчас ведь нет? То есть...

— Нет, — сказал Атон, не вполне уверенный, не издевается ли она над ним.

— Кажется, я всю жизнь ждала, чтобы ты это сделал. Наконец-то!

Имела ли она в виду поцелуй? Насколько было возможно, Атон изучал ее. На ней была летняя блузка, слегка топорщившаяся на груди, и темная юбка, сливающаяся с землей. Она сбросила тапки, ее ступая белели во мраке.

— Я мог бы еще, — сказал он, побаиваясь, что она рассердится, хотя раньше не обращал на такие вещи внимания.

— Атон, — пробормотала она. — Делай все, что хочешь. Ты... — ее голос сорвался, словно она испугалась, что сказала слишком много.

— Люба, я никогда больше не буду смеяться над тобой, — выговорил он, пытаясь справиться с возбуждением, которого не понимал и которому, в общем, не доверял. Сейчас он был уверен: она этого хотела. Но знала ли она наверняка, к чему приведет ее желание?

— Ты никогда не смеялся надо мной, Атон. Правда. Я не сердилась.

Он положил руку ей на блузку и осторожно дотронулся до груди. Она не возражала. Он гладил ее с интересом, но без удовольствия, потому что, несмотря на браваду, боялся сделать что-либо большее. Потом осторожно высвободил блузку из-под пояса.

— Ты не против, если я?..

— Все, что хочешь, Атон. Ни о чем не спрашивай. — Она села. Он снял ей блузку через голову и увидел, как поднялись ее маленькие груди, когда она вскинула руки. Лифчика на ней не было.

Атон накрыл одну грудь ладонью и, ощутив, какая она нежная, большим пальцем стал ласкать сосок. Не убирая руку, он привлек Любу к себе и снова поцеловал. На сей раз это был огонь. Он высунул язык, чтобы вкусить ее сладость.

Люба медленно откинулась, и он потянулся за ней, целуя щеку, шею, грудь. Она запустила пальцы в его волосы.

— Соль... зачем она? — чуть слышно спросила она.

Атон забыл осторожность и положил руку ей на колено, чуть ниже юбки. Любины ноги слегка раздвинулись, и его рука скользнула с колена на внутреннюю сторону бедра. Плоть была гладкая и горячая.

Его охватил тревожный трепет. Она позволила ему слишком много, предел ли это? Если он должен раздеться, раз уж посмел, не убежит ли она и не расскажет ли все родителям?

Его рука продолжала движение, минуя рубежи, которые раньше он едва смел себе представить, и внезапно достигла соединения ее ног. Трусиков на ней не было. Дрожа от напряжения и возбуждения, он продолжил движение — и обнаружил вдруг густую влагу.

«Кровь! — подумал он, потрясенный. — Я нарушил дозволенное, я причинил ей боль, у нее пошла кровь!»

Он убрал руку и лег рядом с ней; стук его сердца наполнил землянку. «Что я наделал!» — корил он себя.

Им овладели видения последствий. Поругание Восемьдесят-Первых, позор Пятым. «Зачем ты это сделал, распутный юноша! — скажут они. — Разве ты не знаешь, что никогда-никогда не должен дотрагиваться до девушки в **этом** месте?» Неужели придется везти ее в больницу?

Его страсть умерла, убитая преступлением. Глаза уставились на тусклый узор ветвей кустарника в звездном небе — таком же холодном, как сжимавший его сердце страх. «Что я наделал... что... ей всего тринадцать лет!»

Рука Любы коснулась его:

— Атон?

Он приподнялся:

— Клянусь, я не хотел...

— Что с тобой? — спросила она, поворачиваясь и всматриваясь в его лицо.

Разве она не **знала?**

— Кровь. Там кровь.

Она уставилась на него:

— Кровь? О чем ты говоришь?

— Там... между... я ее почувствовал. Я не хотел...

— Ты с ума сошел! — внезапно она хихикнула. — **Кровь?** Ты никогда раньше этого не делал?

Атон поднял голову и обнаружил ее жаркие груди у себя под подбородком.

— Раньше?

— Ты ничего не знаешь! — воскликнула она — беспечное дитя, вознесшееся над пробуждающейся женщиной. — В самом деле, не знаешь? Ну и ну! А я думала, ты совсем большой мальчик.

Атон съежился от яростного стыда, не в силах сказать ни слова.

Внезапно Люба вновь стала женщиной.

— Извини, Атон. Конечно, многое тебе неизвестно. Я покажу тебе, как...

Но он уже полз от нее на четвереньках и, едва выбрался наружу, под ночное небо, ринулся прочь, потрясенный и смущенный.

ТРИ

Атон превратился в статного, самоуверенного на вид молодого человека двадцати лет. Он никому не сообщал о своих планах; на Хвее само собой разумелось, что отпрыск высокородной Династии будет возделывать поля отца. Наконец, его призвали, что, как он знал, рано или поздно должно было произойти.

Гостиная в доме Аврелия была просторной и уютной. Внушительное деревянное кресло с прямой спинкой, почти трон, возвышалось в углу напротив входа; взгляд вошедшего упирался в эту зловещую реликвию. У дальней стены стоял обитый плюшем диван, но пользовались им редко. На стене над диваном висела цветная фотография симпатичной молодой женщины Долорес Десятая, умершая двадцать с лишним лет тому назад при родах. Атон не мог смотреть на эту фотографию без чувства глубокой и болезненной вины, смешанной с совсем другим чувством, которое не находил точного имени.

Аврелий Пятый был стар: намного ближе к смерти, чем требовал его возраст. Будь он здоров, он оставался бы сильным мужчиной, целеустремленным и решительным, способным прожить еще лет пятьдесят; но он не был здоров и сохранил лишь силу рассудка. Слишком долго подставлял он свое тело заразному весеннему болоту («весеннему» только условно на безсезонной Хвее), и его поразила неизлечимая — в данном месте — ржа. Аврелий, оставаясь таким, каков он есть, отказался от длительного лечения на далекой Земле, вдали от своей усадьбы. Он лишь однажды покидал планету и поклялся не делать этого впредь: теперь он умирал за свою клятву. Атон, прослышав кое-что о предшествующих обстоятельствах, смирился с этой клятвой, хотя никогда не накладывал ее на себя. Особенно близки они с отцом не были.

Аврелий мог поработать еще года три и прожить пять. Говорил он медленно и быстро уставал. От него осталась лишь скорлупа былой молодости. Хвее подпускали его, но без радости; слишком много болота проникло в него, анафема для нежных цветов. Он был изможден: казалось, плоти между висящей кожей и хрупкими костями почти не было.

— Атон, — произнес изношенный человек. — Скоро...

Атон стоял рядом с отцом, не ожидая никакого удовольствия от разговора, но понимая, что тот должен произойти. В их отношениях было много печального, и каждый видел печаль в другом, понимая, что она еще не достигла надира. Они владели общим крест и не могли сбросить его до самой смерти.

— Скоро ты будешь выращивать хвее сам, — сказал Аврелий со всей убежденностью, на какую был способен, жалкий в ее подразумеваемой сомнительности. — Скоро тебе придется взять себе жену.

Вот оно — условие, которого Атон боялся. Хвееводство было не единственным занятием. Смерть дочери Десятых, жены Аврелия, повредила посевам Пятых, и лишь стремительный успех Атона предотвратил бы их полную гибель. Для хвеев необходим устойчивый душевный климат, а здесь его не было. Успешное хозяйство велось семьей, и браки очень тщательно обдумывались. Вопрос был слишком важным, чтобы доверять его решение незрелой молодежи.

— Кто она?

Аврелий улыбнулся, восприняв вопрос как знак согласия.

— Третья дочь старшего Четвертого, — ответил он.

Четвертый, старший. В самом деле, удачный брак. Аврелию есть чем гордиться. Обладатели Первых фамилий предпочитали иметь сыновей для продолжения рода, но опекали дочерей, стараясь выдать их замуж как можно выгоднее. Бывали случаи, когда высокородные дочери вообще отказывались вступить в брак, только бы не уронить положения. Ранг Пятых был благоприятным, но большинство дочерей на выданье было ниже их, а выше — считанные единицы. Необходимы были сложные переговоры.

Понимая, что его возражение ни к чему не приведет, Атон почувствовал внезапную боль. Иномиряне считали Династии Хвее равнодушным и холодными, и отчасти так оно и было, но в пределы формальной структуры человеческие связи оказывались очень крепкими. Атон очень редко говорил с отцом, и отношения между ними были необычны даже для их уклада жизни, но его ничуть не удивило, что Аврелий потратил много усилий на устройство выгодного брака для своего сына. Род не должен утратить своей

славы, и Атон — единственный мужчина из Пярых, кто мог ее сохранить.

— Нет.

Аврелий продолжал:

— С хорошей женой хвее будут у тебя расти. Хозяйство будет процветать...

Он прервался. Ответ Атона дошел до него. Он закрыл усталые глаза, отгораживаясь от боли.

— Я должен взять другую, — заявил Атон.

Старик не пытался спорить в открытую.

— Она сильная и красивая, — сказал он. — Я видел ее. На всей Хвее нет пары лучше вас. Она ничуть не похожа на... опустившихся нерах из последних Династий. Ты бы... ее полюбил.

Атон опустил голову, стыдясь за себя и за отца. Аврелий никогда в жизни не унижался до просьбы, но сейчас, похоже, был к этому близок.

— Она — песня, прерванная песня в лесу, — сказал Атон, пытаясь объяснить то, что объяснить невозможно. Неужели он боялся связи с местной девушкой? Он тут же отбросил эту мысль. — Она поцеловала меня и подарила мне хвею, я не могу любить другую.

Аврелий застыл. До этого Атон не говорил ему о лесной нимфе. Брачные обряды среди Династий не отрицали необходимости любви; скорее даже настаивали на ней. Ритуал с хвеей ее гарантировал. Атон не мог жениться без отцовского одобрения, но и не обязан был брать женщину, которую не любил.

— Покажи ее мне, — сказал наконец Аврелий. На большее он согласиться не мог. Если бы Атон привел свою нимфу домой, отец ее бы одобрил; если нет, для Атона было делом чести согласиться на выбранную отцом невесту.

Двадцать один год, и музыка, по которой он тосковал, прозвучала вновь. Она была воздушна и призрачна, но достаточно отчетлива для его жаждущего слуха. Атон поспешил к лесу, пересекая поля как можно быстрее, но не причиняя хвеем вреда.

Аврелий помахал ему рукой с соседнего поля. Он был не в силах работать ежедневно, но на этот раз оказался в поле. Он хотел познакомиться с нимфой, и Атон, в сущности, согласился. Сгорая от нетерпения, Атон ждал, пока отец догонит его.

Это была та самая прерванная песня, даже деревья склонявшая своим очарованием. Она разрасталась — лютия и сопрано, — будоража кровь Атона, великим обещанием. На сей раз, на сей раз...

Песня оборвалась.

Атон пробежал мимо колодца, оставив Аврелия позади. Ворвался на поляну.

Слишком поздно. Поляна была пуста.

Атон замер неподвижно, стараясь различить звуки ее ухода, но не услышал ничего, кроме шагов отца. Она ушла.

Задышавшись и пошатываясь, подошел Аврелий. Его глаза обежали поляну, останавливаясь на пне, земле, деревьях. Он указал рукой.

С одной стороны гнилого пня сухая листва была откинута, обнажив пористую глину. На ней каким-то острым предметом торопливо и коряво были начертаны знаки.

Атон взгляделся.

— З-Л-О-Б-А, — прочитал он по буквам. — Что это значит?

Аврелий опустил на пень, разглядывая загадочные буквы. Его дыхание стало неровным, руки затряслись; Атон с оставшимся без ответа состраданием понял, что быстрая ходьба усилила его лихорадку.

— Я не был уверен, — прошептал Аврелий странным извиняющимся тоном.

Атон вопросительно посмотрел на него.

Аврелий оторвал взгляд от земли и с трудом произнес:

— Это клеймо миньонетки.

Взволнованный и пораженный исчезновением нимфы, Атон взглянул на небо Хвеи. Что ее напугало? Действительно ли она — создание, не предназначенное для глаз скептика?

— Миньонетка?

— Когда человек отправился в космос, он взял с собой свои легенды, — сказал Аврелий. — Как и сам человек, они менялись, но их ассортимент оставался один и тот же. Ты слышал об ужасных тафисах, пожирающих космолет без остатка; о ксестских людях-пауках, чьи паутинные картины вызывают обман чувств; о живом аде Хтона, где высшее богатство и ужас творят вечную любовь. А это... легенда о миньонетке. Миньонетка — сирена, бессмертная фея несказанной красоты и величия, способная постичь сокровенную страсть мужчины. Несчастен тот, кто полюбит ее... если можно назвать любовью очарование, вызванное ее прелестью. Говорят... говорят, если мужчина сможет сдержать свои чувства и вырвать ее поцелуй, тогда миньонетка полюбит его — и это страшнейшая судьба из всех.

Столь длинного и искреннего монолога Атон из уст отца еще не слышал.

— Но она была здесь. Это... это неправда.

Аврелий сидел неподвижно, крепко закрыв глаза.

— Нельзя, Атон, относиться к легендам с пренебрежением. Миньонетка была здесь. Злоба... она приходила за тобой...

— Благодарю, — раздраженно оборвал его Атон. — Этот дух, этот призрак, этот миф приходил забрать маленького мальчика, который верит, в него...

— Попытайся понять, сынок...

— Я все понимаю! Здесь была девушка, да... девушка, играющая в свои игры, разукрашенная и артистичная, готовая очаровать сельского мальчишку простака...

— Нет, Атон. Должен тебе сказать, что она...

— К черту твои объяснения! — взорвался Атон, не обращая внимания на боль, исказившую отцовское лицо. — Я не хочу, чтобы ты защищал ни мою глупость, ни похотливые позы какой-то иномирянской сирены. Красивая женщина не сблизится с невинным деревенским мальчишкой... если, конечно, она не намерена завлечь его и посмеяться над его телячьей наивностью и неопытностью...

Но пока Атон гремел мечами перед беспомощным отцом, он подспудно постигал мрачную истину: он любил лесную нимфу, неважно, кто она и что сделала. Рядом с ней все женщины казались тряпичными куклами с подрисованными улыбками и накладными грудями, с глупым хихиканьем и отвратительными выделениями. Этого было достаточно; так или иначе, нимфа разбила скорлупу его существования. Он должен покинуть Хвею. Он отправится в космос, найдет ее и точно установит, кто она такая. Четырнадцать лет тоски просто так не отбросить: даже если Династия — Пятое, а человек — Атон. И на сей раз он встретится лицом к лицу с ней, лицом к лицу с истиной.

Аврелий, такой разговорчивый несколько минут назад, сидел теперь неподвижно. Его била лихорадка. Был ли это последний приступ? Нет, человек жил. Оставалась ли в силе обусловленная помолвка его сына? Да, она должна произойти... но нужно подождать.

— Если я вернусь, — сказал Атон.

Старик не разыгрывал смятения.

— Мы будем ждать тебя, хвеи и я, — согласился Аврелий, открыв наконец глаза.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГРАНАТ

§ 400

Червеобразно извиваясь в камне, пещерные туннели вели все ниже и ниже. Горячая лава давным-давно пробуравила здесь эти соты; зажатая внутри планеты она то и дело вырывалась наружу, оставляя за собой бесконечные каналы.

«Как может быть все заперто, — думал Атон, — если ветер так легко носится по пещерам? Наверняка горячий поток откуда-то исходит и где-то обретает свободу. А где убегает ветер, может убежать и человек».

Но на сильной узкой спине Счетовода, наполовину скрытой мехом, ответа не было. Расспрашивать бесполезно. Даже в этой тюрьме-могиле упоминание о миньонетке вызывает страх и ненависть. В нижних пещерах безопаснее вообще не заводить о ней разговор.

В самом низу на плоском камне сидит страж. Рядом с ним был закреплен толстый канат, привязанный к большой корзине. Счетовод заговорил, и страж поднялся. Вдвоем они оттащили камень в сторону, и Атон увидел дыру: это и есть вход в нижние пещеры.

Счетовод бросил туда корзину, и веревка уползла вслед за ней. Атон залез в дыру, ухватился за канат и, зажав книгу между ног, на руках стал спускаться в иной мир. Последний взгляд на лицо, смотревшее сверху: «Увижу ли я тебя снова, суеверный выскочка? Не похоже».

Он двигался осторожно, с трудом удерживая равновесие из-за меха, наполненного водой, и книги и лишенный возможности глянуть вниз. Действительно ли здесь место высадки, или его обманном путем отправили прямо в печь? Глупец ли он, доверившийся человеку, чья девушка...

Метрах в десяти от дыры он коснулся ногами пола. Канат и корзина взвились вверх, едва он их отпустил. Камень вернулся на старое место, и во второй раз Атон оказался в неведомом аду.

По крайней мере, здесь был свет — такие же фосфоресцирующие стены. Был и ветер; он бессознательно боролся с ним на канате. Нижние пещеры, в конце концов, обитаемы.

— Вот гранат. Держи.

Атон обернулся к говорившему. Рослый мужчина, сантиметров на семь выше его. Его тело, хотя и склонное к полноте, впечатляло мускулатурой; на плече он держал тяжелый обоюдоострый топор. Лицо обрамляли мохнатые волосы и борода каштанового цвета.

Атон поднял руку, чтобы поймать брошенный ему блеснувший камешек. Очень красивый красный полупрозрачный кристалл: гранат. Атон ждал.

— Будешь работать в Гранаткином руднике. Если что не так, я разберусь. Меня зовут Старшой. Пошли.

Тот самый креллевод, о котором упоминал Счетовод. Атон пошел следом, наблюдая за движениями этого человека. Вряд ли он мог быть достойным соперником Атона в драке. Вероятно, его расслабила слава. Или топор — как он умудрился взять его с собой? — обеспечивал незаслуженную безопасность. Время покажет; Атон решил держаться подальше от неприятностей, пока не разузнает положение дел. Информация гораздо важнее физической победы. Знание со временем станет властью.

И... побегом?

По мере того, как туннель расширялся, ветер стихал. У стены на корточках сидела чудовищно горбатая женщина; но это был не горб, а всего лишь мех с водой. Она раскладывала на кучки еду — черный хлеб, соленое мясо, прочую пищу, присланную сверху, — и заворачивала ее в длинные грязные тряпка. В Хтоне волновали не санитарные условия (здесь не болели), а обезвоживание. Увидев их, женщина встала.

— Тебе человек, — сказал Старшой. Он обернулся к Атону: — Дай Гранатке камень.

В другой раз Атон улыбнулся бы. Он протянул камень, и Гранатка, взяв его, принялась разглядывать. Крепкая, гибкая женщина, слишком крупная, чтобы быть миловидной. При лучшем освещении ее волосы могли бы быть светлыми. Она подняла один из свертков и вручила ему.

— Бот так, — сказал Старшой. — Один гранат, один сверток. Конденсатор там; крути себе сколько надо, — он показал место в конце зала.

Атон разглядел в нише устройство.

— Время тоже твое, только не лезь на чужую территорию, — Старшой отошел в сторону.

Гранатка махнула рукой, и Атон последовал за ней в боковую пещеру. Она подвела его к исцарапанному и изрезанному участку стены. Там и оставила.

Атон огляделся. По обе стороны работали мужчины и женщины, ударяя острыми камнями по стене на уровне лица. Некоторые копались голыми руками в обломках. Кое-кто спал. Двое сидели и жевали, изредка переговариваясь. Место едва ли безумное.

Атон обследовал стену. Гранатов не было видно. Он стал разбивать отпавшие куски тяжелым камнем, но вскоре понял, что так раскрошит все гранаты. Нужно работать очень осторожно.

Он нашел выемку для ДЗЛ и обеда, взял острый камень и постучал на пробу посреди участка. В награду получил облако пыли и песка. Сколько здесь умерло от силикоза? Он откинул голову и попробовал еще раз. Так не видно, что делаешь. Можно раздробить ценный камень до того, как его заметишь. Добывание гранатов оказалось не таким уж простым делом.

На соседнем участке маленький жилистый человечек наблюдал за происходившим с легкой улыбкой, растянувшей черты его лица.

— Знаешь способ лучше? — спросил подавленный Атон.

Человечек подошел к нему. Он забрал у Атона камень, приставил к стене и тихо постучал по нему своим камнем. Поверхность начала скалываться с минимальным сопротивлением. Он наклонился и сдул пыль, держа лицо со стороны ветра от скола. Потом вернул Атону инструмент и пошел восвояси.

Атон сначала подозрительно отнесся к такому поучению. Разве здесь не самые свирепые из заключенных? Но постепенно освоил новый способ.

Через час бесплодного скобления он пошел есть. Пища на вкус была замечательная. Он наполнил мех водой и снова принялся трудиться над своим пластом.

Прошло несколько часов. Атон выскоблил отверстие приличных размеров, но не обнаружил и следа гранатов. Выбоины, оставшиеся от добытых ранее камней, словно насмехались над ним. Его возмущала способность неизвестного человека, преуспевавшего там, где Атона преследовала неудача. Он начал понимать, почему другие старатели не беспокоят его: добыча пропитания — слишком важное дело. Это был выматывающий, отупляющий труд, от которого возникали судороги в руках и деревенели ноги. Он закрыл глаза и увидел пустую, рябую, безжалостную стену; когда открыл, в них появилась резь, все затуманилось.

Наконец начался всеобщий исход, и Атон двинулся вслед за всеми, надеясь добыть сведения о здешних порядках. Он добрался до конторы Гранатой, где та распределяла свертки. Люди выстроились в очередь, чтобы обменять камни на еду.

Атон, естественно, пришел с пустыми руками.

Гранатка не приняла никаких объяснений. Нет граната, нет пищи.

— Только без слюней, Пятый! — раздраженно сказала она. — Ты новенький и должен научиться работать внизу как следует. За ничто и получишь ничто. Лучше иди поищи камень.

Атон ушел, усталый и рассерженный. Его руки были в ссадинах и мозолях, легкие забиты пылью. Он был голоден, пустая стена не обнадеживала.

Подошел его маленький сосед: жесткие черные волосы, блестящие черные глаза.

— Без еды? — Атон кивнул. — Слушай, приятель, она не даст тебе есть, если ты не добудешь камень. Надо найти гранат.

Атона новость не впечатлила.

— Знаю, — прорычал он. — Забыл выкопать.

Человечек доверительно понизил голос:

— Ну, так слушай, если я вроде как сделаю тебе одолжение, ты будешь мне приятелем? Зовут меня Влом. Если я вроде как дам тебе камень...

Атон окинул его недоверчивым взглядом. «Что еще за новости? Человек раболепно горит желанием ему помочь. А вдруг он извращенец?..»

— Нет, я не такой, — воскликнул Влом.

Атон заметил про себя, что надо быть осторожнее в выражениях. Нетерпеливость человека казалась искренней. Так чего же он хотел? Общения или защиты? Или он пария? Не опасна ли дружба с ним?

В желудке у Атона заурчало. Человечек мог пригодиться, если у него есть гранаты. Защита — полезный товар.

— Возможно, — сказал он и назвал свое имя.

Влом сунул грязный палец в рот и вытащил сверкающий камешек. Атон с трудом одержал удивление. Хотя где еще нагому человеку хранить в безопасности полудрагоценные камни?

— Вот, — сказал Влом, протягивая влажный гранат. — У меня один лишний. Сходи и получи сверток. Потом возвращайся сюда. Запомни, я сделал тебе одолжение.

Через минуту Атон принес камень Гранатке. Та взяла его и подозрительно осмотрела.

— Поздравляю с добычей! — признала она с неохотой и пихнула ему ногой последний сверток. — Бери, что осталось.

Атон отошел, на ходу его раскрывая. Ткань развернулась и упала — пустая.

— Тут ничего нет, — сказал он, показывая тряпку.

— Я забыла предупредить вас, сударь: вы слегка опоздали. Еда кончилась. — Она повернулась к нему спиной.

— Но мой гранат... ты взяла гранат!

Она даже не обернулась:

— Тем хуже. Возврат запрещен.

Атон подавил желание схватить ее за спутанные волосы и протащить по острым камням. Неуместность ситуации поразила его: вот он, совершенно голый, стоит напротив обнаженной женщины, и самое горячее его желание — выбить ей зубы!

Но он не посмел. Он не был уверен, что Старшой не встретит его одного, в случае чего он не дал бы отпора жестокой иерархии. Сила толпы могла бы его уничтожить. Побег важнее сиюминутной мести.

Он не мог отомстить физически. Но было и другое оружие. Не раз еще пожалеет Гранатка, что нажила себе врага.

5

Существовал некий нюх на гранаты — дар, позволявший одним с легкостью, почти по наитию, отыскивать камни, в то время как другие корячились целый день (по времени Хтона) и оставались голодными. Влом таким нюхом обладал. Казалось, он носом чует драгоценную добычу, а его жажда к сокровищам была неутолима. Атон развивал этот дар, он больше не ходил голодный, хотя запас его гранатов никогда не был большим. Каждый устраивал себе тайник, и тот же Влом регулярно работал в руднике скорее для вида, чем по необходимости. Человек, находивший гранаты слишком быстро, мог стать непопулярным, и он со своим тайником подвергался опасности со стороны голодных. Вскоре стало ясно, что Влом неспроста заручился дружбой такого человека, как Атон.

В нижних пещерах трудилось много разных людей. Не все из заключенных были психически здоровы, но если особенности их характера были известны, жизнь шла своим чередом. Заключенные дрались, однако всегда по необходимости, а не ради развлечения; в общем, они уступали безумию и оставались в стороне от неприятностей, если их не хотели.

На фоне однообразного поиска гранатов выделялся один человек. Он был замечен прежде всего потому, что, являя собой явно невыживающий тип, прекрасно выжил. Это был чрезвычайно тучный Первоцвета умный, начитанный, жизнерадостный человек с золотыми руками, но с полным отсутствием дара старателя и вечный неудачник. Он выживал, занимаясь посредничеством и добывая гранаты не из камня, а из людей.

— Голубой гранат мне нужен так же, как любовь Лазы, — изрек толстяк Первоцвет во время перерыва. Остальные разинули рты, попавшись на удочку.

— Цветик, Цветик... ты знаешь, что **такое** голубой гранат? — недоверчиво спросил Влом. — А ты знаешь, что голубой гранат **делает** с человеком?

Все столпились вокруг, предвкушал спектакль.

— Я знаю, что он делает с человеком, — сказал Первоцвет. — Он убивает его так быстро что химере не собрать и кусочков.

«Химера» — название смертельного хищника пограничных пещер, которого никто из живых не видел.

— Я рискнул бы, — сказал один мужчина. — Достань мне такой гранат.

Атон любопытствовал:

— Никогда не слышал о голубых гранатах.

— О, Пятерочка, — сказал Влом, проталкиваясь в середину группы. — Позволь изложить житейские факты. Тебе известны маленькие гранаты, которые мы находим, — красные, иногда коричневые. Но есть и другие камешки, которые мы вылавливаем не так часто. Более ценные. Если ты вроде как достанешь черный, ты получаешь у старой суки Гранатки пайку на неделю, а то и больше. А если добудешь кусок белого нефрита чистой воды... ну, старику Шахматисту очень нужны наверху такие штуки, и, если пошлешь ему весточку, он достанет для тебя что-нибудь стоящее. Полна сума такого дерьма, и искать большее не надо.

— Ну, это все — мелкая рыбешка. Вот разживешься голубым гранатом — получай билет на свободу.

Интерес Атона резко возрос. Влом же попросту развлекал сам себя. Он почесал голову.

— Ага. Тебя отпустят. Ты больше не наказан. Свободен как птица на белом свете.

Остальные кивнули, соглашаясь и разделяя общую мечту.

— Но вы никогда не увидите голубой гранат, — сказала какая-то женщина.

— Верно, — поддержал другой. — Никто из нас не видел голубой гранат. И не увидит. Никто.

— Врешь! — закричал Влом.

— Сам врешь! — сердито выкрикнула женщина.

У нее были тонкие черты лица и темные волосы, ниспадавшие на спину. В нижней тюрьме было мало симпатичных женщин, но эта казалась именно такой; она по-прежнему выглядела обманчиво молодой и свежей.

— Сейчас проткну твои глазенки в черепушку! — продолжала она.

Влом съежился было от страха, но тут же смело отступил назад:

— Здесь мой приятель Пятерка. Он тебе задаст.

Атон не воспринял угрозу женщины буквально. Но это было так; ногти у нее — как когти. Теперь она, оценивая, оглядела его.

— Ну, с ним-то я справлюсь, — протянула она. Потом вздохнула, качнув красивой грудью. — Как насчет этого, сударь?

Эти слова тоже прозвучали буквально и весьма завлекательно. Но сейчас не до того. Атон вернулся к теме разговора:

— Что смертоносного в голубом гранате. Цветик?

— Так твоя фамилия Пятый, — размышлял Первоцвет вслух, словно только что узнал. — Знаешь, пятерка — это магическое число. Опасное число. Five — единственное имя, известное мне, которое переводит себя в себя.

— О чем ты? — не понял Влом.

Первоцвет протянул к нему пухлую ладонь.

Влом боролся с любопытством, но недолго. Он выплюнул маленький гранат и отдал Первоцвету. Для него Влом был ценным клиентом.

— Наука нумерология, — сказал Первоцвет, и люди вокруг расселись поудобнее. — У каждой цифры от 1 до 9 свой звук. Вы складываете гласные — А это 1, первая буква древнего английского алфавита, Е — 5, пятая, и так далее... Вы складываете их все, пока не получите число. У каждой свое влияние: 1 — начало, 2 — замедление, и так далее.

— А пять?

— Произнеси по буквам. F — I-V — E. I равняется 9, E — 5. Сложи, получится 14. Оно слишком большое, поэтому сложи единицу с четверкой и получишь 5.

Лицо Влома посветлело.

— Пятый есть 5! — воскликнул он с восторгом первооткрывателя.

Кто-то захохотал, но Влом этого не заметил. Он переводил бы людей в цифры целыми днями. И вдруг отрезвел:

— Так говоришь, пятерка опасна?

— Полна неожиданностей. Пятерка может нежданно-негаданно принести счастье... или внезапную смерть. Нужно внимательно следить за ее поступками.

Атон в очередной раз перевел разговор:

— Ты говорил об особом гранате.

Первоцвет уселся поудобнее. Он ждал. Остальные посмеивались: теперь платить Атону.

— Посмотрим на это дело так, — сказал Первоцвет, получив камешек. — Голубой гранат очень дорог. Настолько дорог, что человек мог бы выкупить себя им на свободу. Вполне достойная цена. Возможно, голубых гранатов вообще не существует, и власти считают, что находятся в безопасности; а может, это хитрый способ дать всем понять, что нет такой штуки, как отмена приговора. Но если **есть такая** штука — в смысле, голубой гранат — то он намного дороже и любого заключенного, и даже закона. Сейчас все мы здесь преступники...

— Я нет, — заорал Влом. — Я не преступник. Меня...

— ВЛОМИЛИ! — прокричали все хором.

— Ну да, — сказал задетый за живое Влом.

— ...преступники, посаженные сюда на всю свою оставшуюся противоестественную жизнь. И каждый больше всего на свете хочет отсюда выбраться. Здесь нет никого, у кого вообще есть такой шанс, если он боится предпринять Тяжелый Поход. Не считая того, кому посчастливится найти голубой гранат. Если бы сейчас у меня в руке был голубой гранат, вот здесь, — он выставил зажатый кулак, — я бы сказал: «Господа, эврика, и прощайте!..»

Пальцы его, казалось бы, случайно раздвинулись: в ладони мелькнуло что-то голубое. Все смотрели в молчаливом потрясении.

Первоцвет начал подниматься:

— Ну что ж, меня ждет свобода! — весело пропел он. — Прощайте... навсегда!

В то же мгновение на него упали три тела: двое мужчин и женщина бросились одновременно. Один из них схватил откинутую руку и разжал кулак. Оттуда выпал кусок голубой тряпки.

Его молча отпустили, выражение алчности покинуло их лица. Первоцвет с трудом поднялся, потирая руку.

— Возможно, теперь вы меня поняли, — сказал он. — Вы не сможете освободиться, если не известите о своем голубом гранате. А когда вы это сделаете...

Гранатка была с Атоном безжалостна. Она оскорбляла его всякий раз, когда видела, и не упускала случая навредить ему. Еда доставалась Атону с трудом. Гранатка утверждала, что его камни слишком малы или с трещиной, или просто отрицала, что он уже дал ей гранат, требуя за один сверток два и даже три камня.

Атон вот это принимал. Он никогда с ней не спорил и благодарил за пищу, словно она делала ему одолжение. Когда Гранатка на него кричала, он молчал. Временами он подходил к ней без особого повода, просто посидеть и послушать ее крики.

Влом этого не понимал.

— Зачем ты крутишься возле нее? — недоверчиво спрашивал он. — Вон сколько баб лучше: с отличной фигурой, с приятным голосом — и все они положили на тебя глаз. Черт возьми, Пятерка, в самом деле. Например, та смазливая девка с черными волосами. Зачем валять дурака с самой большой сукой на руднике?

Атон не отвечал.

Гранатка постепенно становилась все более вспыльчивой. Не раз ударяла его кулаком или ногой. Что-то доводило ее до ярости. Атон воспринимал это невозмутимо, порой даже с улыбкой.

В Хтоне не было ни дня, ни ночи, но заключенные вошли в определенный режим работы и отдыха, соответствующий регулярной выдаче еды. Большинство людей работало сообща, хотя участки были индивидуальные, после чего все расходилось спать по своим норам. Атон выбрал собственные часы работы, и раз случилось, что Гранатка подошла к нему, когда он работал один, вырубая необыкновенно крупный камень.

Она тут же принялась его ругать.

— Работай, грязный ублюдок! — закричала она, когда он приостановился, вежливо к ней повернувшись. Атон лишь улыбнулся — в пещерах, что и говорить, все были грязны. Мытье ограничивалось воздействием песка и ветра. Обычное определение, относящееся не только к физическому состоянию. — Здесь не курорт.

— Знаю, дорогая.

Она широко открыла рот. Потеряв дар речи от гнева, подобрала камень и ударила им по гранату. Мельком глянув на обломки, Атон крепко схватил ее.

— Кажется, ты получила плату, — сказал он с новыми нотками в голосе. — Теперь твой черед оказать услугу.

Она набросилась на него. Он выбил да ее руки камень и бросил Гранатку на пол пещеры. Атон был гораздо сильнее ее — его гены происходили из модифицированного набора колонии Хвеи, где была большая сила тяжести. Быстрые удары по нервным узлам заставили ее застыть от боли: Гранатка оставалась в чувствах и полном сознании, но не могла пошевелить ни рукой, ай ногой.

Наконец она поняла, что происходит, и принялась яростно бороться, но поделаться ничего не могла. Прерванной песни, чтобы остановить его, тут не было, а Гранатка не имела для защиты ни одежды, ни опыта.

Все сложилось в его пользу, и он ее отпустил. Гранатка поковыляла прочь, шепотом ругаясь и не зная, как плакать. Атон был уверен, что она никому о случившемся не скажет: стыдна была ее забытая роль, которую она вновь сыграла, а то, что он властвовал над ней в любом смысле этого слова.

Когда он отбрасывал в сторону кроваво-красные осколки разбитого граната, у него в памяти выплыл образ Злобы. «Я не получил никакого удовольствия, — подумал он, — даже от борьбы».

6

— Пятый, Пятерка, ты должен пойти со мной прямо сейчас! — Влом был невероятно взволнован. — Ты должен пойти, должен увидеть, ты должен.

Влом легко возбуждался по мелочам, но тут явно было что-то незаурядное. Атон пошел.

Влом вел его навстречу ветру, прочь от обитаемых пещер.

— Я исследовал, — объяснял он, задыхаясь. — Искал кое-что...

Искал он довольно далеко. Атон рад был случаю разведать удаленные области: раньше не находилось предлога. Сила ветра возрастала по мере ходьбы, жар яростно овеивал их лица. Они часто останавливались, чтобы хлебнуть воды.

Путешествие казалось бесконечным. Через час, сопротивляясь возрастающему давлению, они попали в пышущий жаром поток. Наконец Влом остановился.

— За тем углом, — выдохнул он. — Высунь осторожно голову и увидишь.

Уцепившись за неровности стены, Атон повиновался. Жара и ветер усилились, глаза начали болеть и слезиться. Он подумал мимоходом, но уже не в первый раз, о возможном происхождении подземного пекла. Он, вероятно, никогда этого не узнает: тайна защищена собственной температурой.

Пещера впереди была как любая другая — с высоким потолком и туннелем в дальнем конце, в котором хищно выл ветер. Свечение от стен было здесь ярче и несколько иное. Причиной тому могли быть усилившаяся жара и завихрения воздуха — впрочем, по пути сюда свечение постепенно уменьшалось. Кроме этой загадки Атон ничего удивительного не обнаружил.

Что-то остановило его взгляд. Атон пригляделся к потолку. Из длинных трещин капала вода и на лету испарялась в горячем ветре. Вот откуда поступала влага для конденсаторов. Это испарение, вероятно, вызывало значительное охлаждение воздуха, единственное, пожалуй, что делало пещеры выносимыми для человека.

— На пол! Посмотри на пол! — закричал Влом прямо в ухо.

Атон с трудом сосредоточил затуманившийся взгляд.

У дальней стены пещеры, на углу уходящего туннеля мерцал один-единственный голубой гранат. Они отступили в нишу, чтоб обсудить положение.

— Я видел, — сказал Атон. — Видел. Но вспомни предупреждение Цветика...

Влом чуть не приплясывал от возбуждения:

— Мне наплевать, что сказал Толстяк. Я должен заполучить этот камень.

— Лучше оставить. Ты никогда не вынесешь его из Хтона. Это камень смерти.

Влом раздраженно обернулся к нему:

— Хочешь, чтоб я его оставил, чтобы забрать самому. Думаешь сам свалить — сильнее всех. Знаю я тебя...

Атон посмотрел на него сверху вниз.

— Извини, приятель, — сказал маленький человечек. — Я знаю, ты — другой. Но послушай... я должен его заполучить. Должен.

Атон ничего на это не сказал.

— Послушай, — Влом в отчаянии начал опять. — Я вроде как не преступник, как все остальные. Ничего не имею против тебя, Пятерочка. Не знаю, что ты натворил. Но меня вломили. Несправедливо, что я здесь. Я должен выбраться.

«Дурак, — подумал Атон, — разве ты не понимаешь, что здесь тебе лучше, чем где-либо на воле? Твой собственный разум вломил тебя и подставил под самоубийство».

Заметив, что его товарищ глубоко задумался, Влом заговорил быстрее:

— Не то, будто... не то, что вроде как любой узнает, что он у меня. Я спрячу его в мех, а потом найду случай послать весточку. Счетовод наверху не обжулит...

«Ты отдашь свое сердце химере», — подумал Атон.

Наконец Атон пришел к решению:

— Ладно. Кто пойдет его доставать?

Вопрос был уместный. Они прижались к стене рядом с поворотом, все сильнее ощущая жар, проносившийся мимо, и вполне понимая, насколько хуже по ту сторону водяной завесы. Запас питья был на исходе. Чтобы достичь голубого граната и вернуться, нужен очень выносливый человек.

Но Влом не унывал.

— Вот почему ты мне нужен, — признался он. — Я всяко должен был сказать тебе, Пятый, приятель, но. — Если я сам побегу за ним, до камня я добегу. Но вдруг не добегу, тогда нужен кто-то, чтоб оттащить меня назад. Помни, я сделал тебе одолжение...

«Ты не должен был делать это одолжение. Плата за неосторожность — смерть».

— Кажется, я слышал этот довод раньше, — сказал Атон. — Но если ты настолько глуп, что пойдешь за камнем, я не менее глуп, чтобы тебя выволочь. Не лучше ли заняться этим, пока мы не испеклись?

— Спасибо, приятель, — простодушно ответил Влом.

Он ринулся вперед с отвагой, опровергающей его репутацию. Атон видел, как горячий вихрь припечатал его к стене. Влом закрыл лицо рукой и двинулся вперед. Перемещаясь вдоль стены, он оказался вне основного потока, но его движение было по-прежнему мучительно медленным. Он наклонился вперед, сопротивляясь ветру и осторожно переставляя ноги. Кожа на его руках покраснела от жары.

Наконец он достиг угла дальнего тоннеля. Здесь ветер затих, огибая крохотную впадину, образованную выступавшим возле входа камнем. Атон понимал, что направленный воздушный поток перед входом в туннель ужасен. Там-то и лежит гранат, пойманный небольшой рывиной. Должно быть, прикатился сюда из другой пещеры; возможно, много лет назад.

Влом сунул на пробу руку в поток и быстро убрал. Здесь было по-настоящему горячо. Капли с потолка исчезали на ветру в нескольких метрах от этого места. Собравшись для решающей попытки. Влом бросился за голубым гранатом.

Атон увидел, как поток подхватил человеческое тело и отбросил его в сторону. Влом ощутил страшную боль, но одна его рука сжимала гранат. У Влома был голубой билет в гибель.

Он покатился по ветру, стараясь выбраться из потока в боковое убежище. Но его усилия были слабы, случайны, забиты болью, а вскоре и вообще сошли на нет. Он потерял сознание. Было ясно, что жить ему осталось недолго.

Атон рванулся в пещеру. Сильный ветер подхватил его и откинул к ближней стене. Он опустился на четвереньки, прижал голову к плечу и пополз к лежащему Влому. Колени на гладкой поверхности скользили, а центральный поток не отпускал. Дышать было тяжело.

Атон лег ничком и пополз дальше. Ой больше не смотрел, куда ползет, поскольку ветер бил по телу и голове; его глаза не вынесли бы такого давления. Атон вслепую выбрал направление, головой рассекая жар. Он не знал, когда добрался до тела.

Сообразив, что переползает через руку Влома, Атон ухватился за нее и попытался повернуть назад. В глазах потемнело от боли, когда он их открыл; уж лучше быть слепым. Он не мог перевернуться, держась за руку. Пришлось сесть.

Порыв ветра вновь подхватил его и опрокинул. На какой-то краткий миг его глаза широко раскрылись, и он увидел мучительную, но отчетливую картину пещеры позади голубого граната. Потом опять упал ничком — ноги по потоку, пальцы на ногах в волдырях, руки тащат Влома за руку — и пополз, извиваясь,

как слепой высохший червь, прочь от печи.

Он почувствовал, что выползает из адского грота, но не запомнил ничего, что с ним случилось после того, как он заглянул в дальнюю пещеру. Возможно, он отчасти находился без сознания и полз инстинктивно. Атон обернулся, чтобы посмотреть на руку, в которую вцепился, и обнаружил, что Влом все еще к ней присоединен. Другая его рука по-прежнему сжимала гранат.

Атон лихорадочно глотнул воды из меха, оставленного в нише, затем приложил обе руки ко рту, чтобы не дать бесценной жидкости изрыгнуться. Его мех был теперь пуст; он нашел мех Влома и влил остатки в ничего не создающего товарища. Это было необходимо — волдыри и синяки покрывали все его тело.

«Почему мы не догадались перелить воду в один мех, а другой использовать как щит?» — подумал он, слишком утомленный для того, чтобы на себя сердиться.

Влом, наконец, пришел в себя.

— Надо выбираться отсюда, — прохрипел он.

Сжимая свое сокровище, он повис на Атоне, и они, шатаясь, побрели по туннелю.

Силы вернулись к ним, когда суховей смягчился расстоянием. Ветер ослаб и охладился, их движение ускорилося. Ветер подталкивал их в спину. Через полчаса они уже подходили к дому.

Но это, оказывается, было еще не все. Влом затормозил у крутого спуска:

— Пятый, смотри!

Маленькое чудовище перегородило дорогу. Животные в Хтоне редкость, и человек их почти не видит, но они существуют и неизменно ужасны. Химеры — худшие из них, однако есть и иные страшилища. Это напоминало ящерицу длиной сантиметров двадцать, красную, как гранат. Глубоко посаженные злые глазки горели огнем, морщинистая челюсть откидывалась и захлопывалась в напряженных спазмах.

— Саламандра! — прошептал Влом.

Атон слышал о них. Миниатюрные огненные ящерицы населяли наветренные пещеры. Они были стремительны, мерзки, могли высоко прыгать, а их крохотные челюсти выделяли смертельный яд. Легкая царапина, одна капля на обожженной коже — и все кончено.

— Ее надо обойти, — сказал Атон.

— Как? Опять назад?

Саламандра не дала им времени на обсуждения. Она рванулась вперед, цепляя толстыми ножками за камни. На вид неуклюжая, она делала добрых пять километров в час против ветра.

Атон и Влом молча повернулись и побежали по туннелю. Ветер хлестал с новой силой, толкая людей назад. Ящерица преследовала их со злобной настойчивостью, отставая, но не слишком. Было очевидно, что она способна бежать дольше измученных людей. Ощущение притока сил, вызванное путешествием по ветру, было обманчивым.

Обычно человек обгонял саламандру, поскольку ее скорость была меньше и, в общем, не зависела от ветра. Но Атон и Влом попались в неудачном месте и не имели ни пространства, ни сил для бегства. Однако и ждать было безрассудно: голые руки и ноги — плохая защита от высоко прыгающего и кусающегося зверя. Проход слишком узок, оружия нет. О, топор Старшего!

Влом упал на землю.

— Я — все, — выдохнул он. — Больше не могу.

Атон попробовал помочь ему, но сам слишком устал, чтобы что-то сделать. Саламандра приближалась. Приключение в пещере голубого граната отняло у обоих чересчур много сил.

— Бесполезно, — сказал Влом. — Остается одно. — С чрезвычайным усилием он протянул голубой гранат. — У тебя меткая рука?

Атон не стал спорить, взял сверкающий камень, осторожно взвесил его в руке и швырнул в

приближающуюся саламандру.

Он прицелился слишком низко. Камень ударился прямо перед зверем и раскололся пополам. Один кусок перелетел через голову саламандры, другой попал в туловище, отбросив ее на несколько сантиметров в сторону. Саламандра мстительно набросилась на обломок, сомкнула на нем челюсти.

Атон и Влом не стали ждать конца. Понятно, что сделает кусок граната с укусившими его зубами. Они перепрыгнули через маленькое чудовище и побежали по проходу в безопасное место.

— Все равно не вышло бы ничего хорошего, — сказал Атон, когда они замедлили шаг; он понимал, как чувствует себя Влом, утративший трофей. — Он не настоящий. Гранаты так не ломаются.

— Мы могли бы бросить мех, — сказал Влом.

Второй раз разум Атона предал его в критических обстоятельствах, оба раза использование мехов уменьшало риск. Бросить их на ящерицу, накрыть хотя бы на миг — что удержало людей от этой попытки?

Теперь граната не было. Голубой гранат, который так и не смог бы дать свободу, разве что каким-то хитроумным способом. Пещеры взбунтовались бы, узнав о гранате; никакая собственность не была бы в безопасности перед лицом такого соблазна.

— Лучше не говорить... — сказал он.

— Кто мне поверит?

Тайна будет на время сохранена.

«А как насчет большей тайны? — спросил себя Атон. — Той, что могла бы поудить такой хаос, который разрушил бы оба мира Хтона? Нужно ли рассказывать, что я увидел мельком в дальней пещере, когда меня перекувырнул ветер?

Или это должно оставаться сокрытым: целый туннель в рядах блестящих голубых кристаллов?»

§ 398

ЧЕТЫРЕ

— Машиниста Пятого в Седьмой грузовой отсек. Авария.

Атон выключил машину и схватил рубаху, техник махнул ему рукой:

— Это Капитан! Имеет приоритет.

«Почему я должен подсакивать, когда зовет Капитан? — подумал Атон. — Я уже не на Военном Флоте. За три года меня научили там двум вещам: машинам и боевому единоборству. Теперь мне двадцать четыре, и я по-прежнему ищу женщину — свою любимую стерву, с такой легкостью обворожившую меня в лесу. Я не должен подсакивать ни из-за кого, кроме нее».

Он вошел в ближайшую транскабину, пристегнулся в ожидавшей капсуле, набрал код Седьмого отсека. Когда аппарат начал движение по маршруту, он нажал кнопку «ПРИОРИТЕТ» и вцепился в подлокотники.

«Меня, в конце концов, сделали машинистом. Мне пришлось совершить сделку, чтобы путешествовать по космосу, а это означало — подчиниться тому, что предлагал Военный Флот. Испепеляемый любовью, я ждал набора. Но я научился тому, как найти эту коварную женщину, о да!»

Закрытая капсула втянулась в вакуумный туннель и набрала скорость. Защелкали внутренние реле, прокладывая транскабине курс в лабиринте, индикаторы вспыхивали на пересечениях и при прохождении встречного транспорта. Космокорабль в миниатюре,двигающийся по скрытой сети, как «Иокаста» двигалась по сети звезд. Для капсулы стен не существовало: она достигала любого места в считанные мгновения. Ибо большой корабль...

§-привод — правильное СС (сверхсветовой привод) — открытие которого отметило рывок человека в космос, сравнимый со вспышкой сверхновой звезды, был весьма эффективным, но научно необъяснимым. Профессор Фитл, как гласила ироническая легенда, открыл его в бассейне у себя на даче: когда вода вместила его погрузившуюся тушу, а перелетевшее через забор яблоко упало ему на голову. Стоявший на кромке бассейна магнитофон включился на ключевые слова «движение» и «тяготение», и дословно записал последующую речь. Записанный отрывок, был отредактирован роботом-секретарем, умело опустившим частые богохульства и упоминания соседних мальчишек, и отослан в технический бюллетень, робот-редактор которого напечатал его стенографический отчет. Пятнадцать независимых исследовательских фирм пытались сконструировать описанное в отчете устройство. Двенадцать сдались в течение года, две открыли шальные побочные эффекты и забыли о первоначальной задаче, а в пятнадцатой неумелый робот-служащий неверно припаял диод, и она выдала §.

Поначалу устройство было воспринято как своего рода вечный двигатель. Оно было убого, громоздко и стремилось двигаться кругами, сердито завывая. Профессор Фитл подписал яростное заявление, где требовал уничтожить упомянутый объект. На испытаниях в космосе его скорость возросла в течение часа с сантиметра до метра в секунду. За следующий час устройство набрало скорость в несколько раз большую. Потом разогналось так, что уследить за ним смогли только приборы. Наконец, вообще пропало: определенной им самим орбиты не покинуло, но исчезло.

Вернее почти исчезло: приборы фиксировали черенковское излучение — след, оставляемый импульсом, скорость которого превышает скорость света в данной среде. Средой в данном случае был, в сущности, абсолютный вакуум.

Профессор Фитл забрал заявление назад и проявил активный интерес к собственному детищу. После чего легенда утрачивает всякую живость, цензура накрыла плотным покровом все печатные отчеты. Ходили слухи, что §-устройство, раз запущенное, черпало энергию из неизвестного источника — некую неограниченную природную силу, что корабли строились на основе больших §-устройств и посылались в преддверия ада, куда даже свет не проникал, будучи слишком грубым; что не все корабли вернулись назад; что в отдаленном космическом пространстве или не-пространстве обитали злые духи.

Из всего этого и возник стандартный §-корабль — судно с командой в тысячи человек и мощностью, доставляющей его куда угодно. Одним из таких кораблей была «Иокаста», скорость которой подчинялась логарифмическому закону. Чтобы определить скорость, выраженную в километрах в час, достаточно количество часов, в течение которых корабль ускорялся, поставить показателем степени числа 10. Например, если корабельные §-часы показывают 2, это означало, что привод работает два часа и скорость корабля равняется 10^2 или сто километров в час.

«О да, — думал Атон, пока капсула накренилась и поворачивала, — §-корабль медленно начинает движение. Но уже в 9,03 по корабельным часам его скорость превышает скорость света — 300.000 километров в секунду, а в 13 достигает скорости один световой год в час. 16 — сигнал к торможению, поскольку самостоятельно привод отключается только после того, как на часах появится это число — более высокая скорость, чем 10^{16} километров в секунду, выбросила бы корабль из галактики. Полтора дня (по объективному земному времени) достаточно „Иокасте“ для достижения любой точки галактики».

Движение капсулы замедлилось, и ум Атона вернулся к практическим вопросам. Он прошел через затвор, восстанавливающий нормальное давление. Его поездка, неважно, в метрах или световых годы, завершилась.

ПЯТЬ

Капитан Мойна с нетерпением его ожидала. Атон никогда не встречался с ней лично, но не узнать ее было нельзя. Приятная женщина в форме торгового флота, неопределенного возраста, приглаженная и строгая. Губы почти бесцветны; волосы заправлены под шапочку и скрыты шлемом. На лице ни малейшего следа двадцатичетырехлетнего разрушительного воздействия космоса. Команда не любила ее от всего сердца: она сама усердно взращивала эту нелюбовь. Почему она одна? При аварии все помощники капитана должны беспомощно сновать вокруг нее. И что она делает в темном грузовом отсеке?

— Пятый, — сказала она без вступления, — охладитель Седьмого не действует. У нас не больше тридцати минут.

Атон направился за ней в отсек:

— Капитан, кажется, вы вызвали не того человека. Я — машинист.

Она привычным движением открыла шкафчик и вынула комплект космокостюмов.

— Я вызвала **того человека**.

— Послушайте, я не могу починить систему охлаждения, даже если мне приставят к горлу...

Капитан повернулась и схватила его своей тонкой рукой за рубашу. Она дернула застёжки, сунула руку ему за пазуху и вытащила из внутреннего кармана крохотную книжечку.

Атон был у нее в руках. Обвинение стоило бы ему двух лет тюрьмы и пожизненного запрета на работу в космосе. Реестр дивидендов торгового корабля являлся секретным документом.

— Вы — капитан, Капитан, — сказал он.

Она швырнула ему костюм:

— Надевай.

Он замешкался. Его толстый комбинезон не влез бы в легкий костюм.

Капитан мгновенно поняла его мысль:

— Раздевайся. Мы не можем тратить время на благопристойность.

Не отделяя слов от дела, она скинула собственную форму — минимум нижнего белья только подчеркивал отлично сложенную фигуру — и быстро влезла в космокостюм.

Атон сделал то же самое, все еще не понимая, что от него требуется. Она тут же разрешила его сомнения.

— У нас минут двадцать, не больше, мы не можем рисковать. Нужно перетащить груз из Седьмого отсека в Восьмой, там действует механизм охлаждения. Пока это возможно, будем работать вдвоем, потом я прикрою тебя гидрантом. Не теряй времени, но и не трясись особенно ящики. Давай начинать.

— Прикроете меня гидрантом?.. **Что в этом отсеке?** Она взяла одну из коробок.

— Турлингские афисы.

Коробка в его руках задрожала, когда до него дошел смысл слов. Тафисы! Пожиратели кораблей!

Во время работы капитан Мойна объяснила положение дел.

— Это насекомые, личинки. На многих планетах считаются деликатесом. Их надо перевозить живыми, низкая температура держит их в спячке. Когда теплеет, они просыпаются и начинают все жрать. Сначала собственную упаковку, потом грузы. Потом все остальное, включая команду. Их не остановить; со временем они пожирают даже металл. Необходимо содержать их в холоде и покое. Сейчас на часах 13. За борт их сбросить не удастся.

Это было явное преуменьшение. Покинуть корабль, движущийся быстрее света, физически невозможно. Окружающей вселенной для него просто не существует. Пять часов замедления вернули бы их в досветовую область... если бы голод тафисов выдержал так долго. А экономические и политические

последствия...

— Это легальный груз?

— Не будь наивным! Почему тогда я послала за тобой?

В самом деле, почему. Оказывается, Капитан — безжалостная делячка. Строго говоря, никакая межзвездная торговля не была нелегальной, поскольку ни одна планета не могла навязать свои законы вне непосредственной сферы своего влияния, так что никакого правоведения в большом масштабе формально не существовало. Но определенный свод законов возник и твердо поддерживался, а политические системы миров были достаточно сходными, чтобы поощрять путешествия и торговлю, в частности, между теми планетами, что гордились своим добрым именем. Закон сектора и полицейские силы сектора существовали лишь номинально; сама идея такой власти тревожила независимые колонии намного больше, чем преступное поведение.

Однако нарушение неписаного закона каралось занесением виновного в «черный список» во многих процветающих мирах, ни один торговый корабль не мог себе этого позволить. У Капитана был повод для секретности.

Половину коробок перенесли без приключений. Наконец началось. Коробка, которую нес Атон, взбухла. Поверхность испещрили булавочные проколы, потом следы когтей. Его тяжелые перчатки безошибочно отреагировали на движение внутри, после чего наружу показались белые рогатые личинки. Тафисы проснулись.

Атон какой-то миг еще смотрел на артроподов с наждачной поверхностью, затем бросил коробку. Она тут же разлетелась и запенилась склизкими тельцами. Личинки безошибочно его учуяли и двинулись белой волной по полу.

— Маска! — крикнула сзади Мойна.

Он застегнул ее вовремя: поток замораживающей пены уже был направлен на пол. Она повернула гидрант на него. Теперь он понял, зачем нужны костюмы. Не будь защиты, пена убила бы людей за несколько минут.

Личинки на полу сверились и затихли, погружившись в состояние спячки. Но уже корежились остальные коробки.

— Быстрее! — услышал он голос Капитана в наушниках поверх шума воздухообмена. — Я могу накрывать сразу только одну.

Ум и тело отвращали Атона от соприкосновения, но он слишком хорошо понимал последствия промедления. Подобрал упавшую коробку, он повес ее в холодильный отсек. Мойна стояла у дверей и непрерывно поливала его пеной, окатывая заодно сложенные в Седьмом отсеке коробки. Замороженные тафисы неопасны — но граница тонка. Если гидрант вдруг сломается...

Атон спешил.

Он чистился в каюте Капитана. Он не мог позволить себе расспросов о характере работы в Седьмом отсеке, а забытая второпях форма пропиталась пеной. Существовали, конечно, и другие темы, которые надо было обсудить, прежде чем расстаться.

Атон вышел из ванной и обнаружил, что капитан Мойна полулежит переодетая в обычное платье. Ее волосы Сияй распущены и ниспадали тусклым каштановыми прядями. Она выглядела молодой, слишком молодой для тех самообладания и силы, которые он видел. Внешний вид обманчив; она действительно крепка, и впереди ожидается нелегкий поединок. Было бы рискованно поверить ее позе и позволить себе расслабиться.

Атон прикинул свой актив: он сослужил ей службу, которая спасла корабль, и обладал информацией, которая вынудила бы ее уйти из торгового флота в отставку. Но она по-прежнему капитан, наделена капитанской властью и имеет против него улики. Пат, если один из них не совершит ошибки. И не потеряет самообладания.

— Садись, Атон, — сказала она, указывая на диван рядом с собой.

Ее голос был нежным, почти музыкальным. Он сразу же понял, что она с ним играет. То, что он — ее подручный, ей недостаточно? Или она хладнокровно использует сексуальную привлекательность для усиления своей позиции? До какого предела?

— Система долей, — сказала Мойна, делая первый ход, — самый удобный способ беспристрастного вознаграждения участников торгового рейса.

Да, это так. Система заимствована из практики древних китобоев на Земле. Члены китобойной команды получали вместо платы определенную часть прибыли. Пятидесятая доля представляла собой пятидесятую часть целого, и так далее. Даже двадцатитысячная доля могла обернуться внушительной суммой, если рейс оказывался удачным. Каждый член команды был заинтересован в экономическом успехе всего предприятия.

Атон кивнул и воспользовался активной защитой:

— Перевозка тафисов, уверен, должна хорошо оплачиваться.

Мойна улыбнулась:

— Владельцы берут себе вторую долю — половину прибыли.

— А какую долю берет Тафис?

Мойна отказалась уступить инициативу:

— Доли на «Иокасте» включают четырехтысячную для новичка...

— Двухтысячную для опытного машиниста, — сказал Атон, подвигаясь ближе. — Но иногда бывают очень опасные дежурства...

— Частичные дивиденды должны рассчитываться в каждом порту...

— А холодильники проверяться...

— ...в том случае, если член команды увольняется и требует свою долю...

— ...или если эту долю требуют его близкие родственники...

Глаза у Мойны были серые, почти зеленые.

— Поэтому реестр дивидендов — исчерпывающий справочник, описывающий каждого человека на корабле.

— И весь легальный груз. — Волосы у нее, похоже, стали ярче, с медным отливом.

— Наличие реестра у постороннего лица является преступлением.

— Равно как и нахождение на борту личинок, — закончил Атон.

Ее губы были крепко сжаты.

— Однако... — начала она.

Атон поцеловал ее.

Он сделал хитроумный ход, сознавая свою власть над этой женщиной, и готов был достичь молчаливого взаимопонимания любым необходимым знаком. Он понимал, что речь идет о чем-то большем нежели взаимные обязательства: никто не мог позволить другому выступить с осуждающими намерениями. Но это были всего-навсего рассудочные козни ради выживания. На душевном уровне все определялось его бесплодным поиском миньонетки — если она действительно существовала. Он воспринимал капитана Мойну как помеху, а не как женщину.

Но когда их губы соединились, странный огонь объял его. То, что казалось рассчитанным искусством, обернулось реальной страстью. Он хотел ее как женщину.

Мойна отстранялась.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

Атон подавил расстройство от внезапного отказа и решил истолковать вопрос как деловой.

— Реестр дивидендов? Будем считать, что причина такая же, что и у контрабанды тафисами.

Дебаты его теперь не интересовали. Он был раздражен — тем, что его смогли так легко возбудить и отвергнуть. Но сказанное было правдой: взаимопонимание не требовало того, чтобы раскрывать более глубокие мотивы. Возникло своего рода равновесие. Следовало его сохранять.

Она наклонилась к нему, опять соблазняя его. Что с ней? Пришлось признать, что она действует на него возбуждающе: желание возобновилось. С этой женщиной шутки плохи. Он никогда еще не попадал в подобную переделку, никогда не был так восприимчив. На этот раз он отказывается играть в ее игру; больше он ее не поцелует.

— Что это, — спросила она, — в твоих волосах?

В вопросе была короткая заминка, беспокоившая его. Мойна хотела сказать что-то еще или, возможно, сказать по-иному. Ему казалось, что легкая деланность ее речи — следствие ее официального положения, но теперь-то она не играла роль Капитана, а искусственность осталась.

Он вынул из волос цветок.

— Это хвев. Для жизни ей нужны воздух и любовь — любовь к ее спутнику. Если отнять ее у меня, она умрет.

Мойна взяла цветок с ладони.

— Я слышала сказку о хвее, — пробормотала она, рассматривая растение. — Очаровательно.

Атон опять почувствовал беспричинное раздражение. До сего дня он и сам думал, что тафисы — выдумка. Неудивительно, что люди не верили в уникальные свойства хвеи.

— Сейчас покажу, — сказал он, забирая цветок. Он положил его на стол и отошел.

Какое-то мгновение хвев цвела, затем лепестки ее стали вянуть. Атон быстро подошел и взял цветок: к хвее вернулись силы, она вновь стала зеленой и свежей.

— Не сказка.

Глаза Капитана сияли.

— Какая обворожительная связь, — воскликнула она. — Ее дала тебе мать?

Челюсть Атона напряглась:

— Нет.

Мойна, улыбаясь, коснулась его руки:

— Я причинила тебе боль?

— Нет!

Но под ее понимающим взглядом он испытывал потребность оправдаться.

— Мой отец, — сказал он, — женился на девушке из Династии Десятых. Они прожили вместе два года, и хвев цвели как никогда. Она была добрая, очень его любила и умерла при родах.

Мойна положила ладонь ему на руку.

— Мне незачем это знать, Атон.

Но сейчас ему надо было высказаться.

— После чего Аврелий отправился в космос. Его двоюродный брат Вениамин Пятый присматривал за хозяйством, так что хвев не погибли. Аврелий путешествовал в дальних уголках галактики, стараясь забыться. Из-за неисправности его корабль причалил к неизвестной планете. Отец... полюбил местную девушку и взял ее с собой. Он привез ее на Хвеву.

Мойна всматривалась в его беспокойные глаза:

— Нет необходимости...

— Она жила с ним всего один год... и бросила его. Скорее всего, вернулась на свою глухую лесистую планету. Аврелий больше не путешествовал; он выращивал в одиночестве хвеи и воспитывал меня.

— Но она дала ему силы продолжать...

— Она не любила его! — закричал Атон, отбросив руку Мойны. — Она его бросила. Ни одна дочь Хвеи так бы не поступила. У меня **не было** матери — ни родной, ни мачехи.

— Возможно, она бросила его **потому**, что любила, — сказала Мойна. — Ты способен это понять?

— Нет, — Атон поднял руку, словно собираясь ее ударить. — Если я когда-нибудь встречу эту женщину, я ее убью. Я подтверждаю свое происхождение от Династии Десятых. От достойной женщины. Десятой!

— Какие страстные слова! — Капитан постаралась сменить тему. — Через тридцать шесть часов я покажу тебе, куда везут тафисов. А теперь быстро уходи.

И Атон ушел.

ШЕСТЬ

Через четыре смены в грузовом отсеке Атон и Капитан перетаскивали ящики с тафисами в планетарный челнок.

— Кто-нибудь еще летит? — спросил он.

— Никого.

Атон завершал работу молча. Эта удивительная женщина скоро раскроет ему свои карты. По-видимому, она сама вымыла за это время отсек. Поврежденные ящики были переупакованы.

Маленький челнок вылетел в тень материнского судна. В иллюминаторе появились немигающие далекие звезды. Пока Капитан занималась управлением, Атон рассеянно рассматривал их, пытаясь догадаться, в какой части галактики они находятся.

— Когда я был космогардом, — сказал он, подразумевая годы, проведенные на Военном Флоте, — я научился не смотреть на звезды. Если глядеть на них слишком долго, они могут прожечь дырки в сетчатке.

Мойна фыркнула:

— Когда я оказалась в космосе, прежде всего я научилась отличать факты от фикции.

Атон засмеялся. Челнок, обогнув корабль, оказался на солнце. На иллюминатор опустился чехол, защищающий от жесткой радиации, ориентироваться приходилось теперь по экрану. Капитан направила маленький челнок с орбиты в атмосферу.

— Это застава Ксеста, — сказала она.

— Я до сих пор не научился отличать факты от фикции. Разве **есть** такие существа, как ксестиане?

— Ксесты. Все в космосе существует, если путешествовать достаточно далеко, — сказала она. — Ксесты редко общаются с человеческими мирами, но они, вероятно, самый сильный нечеловеческий фактор в нашей области галактики. Оказывается, они верят в формулу «живи сам и давай жить другим», и мы им не нужны. Но эта застава гораздо ближе к человеческим торговым путям, чем к их собственным, и поэтому они согласились иметь с нами дело. «Иокаста» — один из кораблей, выполняющих их заказы.

— Это **они едят** тафисов?

— Возможно. Или выращивают их в качестве домашних животных. Трудно сказать. Во всяком случае, товар заказали они. Они хорошо платят, а их репутация превосходна.

Атон покачал головой:

— Каждый раз, когда я думаю, что привык к космосу, он вновь меня удивляет. Если так много мифов оказываются правдой... — Он не докончил фразу, задумавшись о миньонетке.

Мойна бросила на него беглый взгляд:

— Но есть одна сложность...

— Естественно. Поэтому-то и позвали машиниста Пятого.

— У ксестов нет понятия пола. Они с большим трудом воспринимают человеческий организм. Торговцы преуспели в частных вопросах, но недоразумения остаются. Ксесты считают, что два тела, мужское и женское, составляют одно сложное человеческое существо.

— Неужели?

— Разум ксестов не улавливает оттенки, — она помрачнела. — Протокол требует, чтобы в качестве Капитана присутствовала я лично. Но для них...

— Вы всего-навсего полкапитана! — Атон хлопнул себя по колену. — Прискорбное нарушение этикета.

— Совершенно верно.

По человеческим меркам ксесты были невелики и, исходя из земной силы тяжести, весили меньше сорока килограммов. Здесь, однако, их вес составлял лишь четверть земного. Восемь тонких отростков, разделенных на фаланги, отходило от их шарообразных тел. Общаться с ними приходилось посредством галактических знаков; для ксестов звуков не существует.

По прошествии деловой части протокол предполагал развлечение гостей в течение строго определенного времени и обмен подарками. Ксесты были полутелепатами, способными реагировать непосредственно на чувства, а не на смысл, и считали, что честь, оказываемая гостю, автоматически оценивается всеми людьми. Капитан Мойна подарила им несколько баллонов с кислородом — веществом, необходимым для них так же, как и для человека, а они в свою очередь пригласили художника — сделать портрет Человека.

Незадолго до этого представитель ксестов застрял на их любимой загадке о бинарной природе человека.

— Два вида, чтобы создать одного Человека? — просигналил он.

— Один вид, два пола, — ответил Атон.

— Да, да. Мужчина одного вида. Женщина — другого.

— Нет, нет, мужчина и женщина одного вида.

— Одного целого? — просигналило бесполое существо.

Еще один термин для их понимания кровного родства.

— Нет, слишком близко, — начал было Атон, но остановился.

Капитан Мойна с полуулыбкой наблюдала за их разговором, но не вступала в него.

— Никак не пойму! — закончил смущенный ксест. — Огонь и вода смешиваются, чтобы создать Человека. неизбежно разрушение — но это уже ваша проблема. Давайте лучше поговорим о торговле.

Хозяева понимали, что людям необходим сон. Им отвели просторные покои: спальню с туалетными и кухонными приборами, спальными принадлежностями, кроватью.

— Отлично, — сказал он. — Кто ее займет?

— Я, — твердо ответила капитан Мойна.

— Вам не кажется, что ее нужно делить?

— Нет.

— А если я пожалуюсь хозяевам?

— Протокол запрещает... Можешь выйти, пока я приготовлюсь ко сну.

— Но где же буду спать я?

— Когда вернешься, постелешь себе на полу.

Вернувшись, он увидел, что Мойна сидит на кровати в ночной рубашке, прозрачнее которой он еще не видел. Игра, похоже, продолжалась, и Мойна неплохо к ней подготовилась. Изумительные женские округлости, скрываемые капитанской формой, стали совсем очевидными и несомненными. Она интриговала и расстраивала его планы, а ему не нравилось, что она прекрасно это понимает.

Атон сел на край кровати.

— В чем ваш секрет, Капитан? У вас тело молодой девушки — но вам наверняка лет пятьдесят.

— Годы в космосе летят быстро, — сказала Мойна. На ней была шапочка, скрывающая волосы.

— Не настолько же быстро!

— Оставь женщине ее тайны, и, возможно, она оставит тебе твои.

Здесь был какой-то намек.

— Что вам известно о моих тайнах?

Мойна наклонилась вперед, позволив простыне сползти до пояса, а рубашке обтянуть фигуру.

— Реестр дивидендов. Ты использовал его, чтобы проверить всех женщин в команде корабля. Ты ищешь какую-то женщину.

Она знала. Внезапно ему захотелось рассказать ей об этом, раскрыть свой секрет, вот уже четыре года бросавший его, с планеты на планету, с корабля на корабль. Удручающая и разочаровывающая тщетность этого поиска, этих сложных проверок украденных списков пассажиров и реестров дивидендов ради поддельной нимфы привнесли в его душу разрушительное страдание. Вынести его было нелегко.

Словно ребенок, он оказался в ее руках, прижимаясь головой к ее груди. Она крепко обняла его, и постепенно тоска и мука его памяти унеслись прочь.

— Я влюблен в иллюзию, — прошептал Атон. — В лесу поющая девушка начала со мной любовную игру, и я не успокоюсь, пока песня не будет завершена. Мне нужно ее найти, даже если я знаю...

— Кто она? — мягко спросила Мойна.

Вновь боль нахлынула на него — море отчаяния, которое он слишком долго сдерживал.

— Она назвала себя Злобой, — сказал он, — но скорее всего, это аллегория. Имя сирены, миньонетки, которая живет тем, что изводит мужчину. Под этой маской она подарила мне хвёу. Если она существует, я пропал; если нет, вся моя жизнь была сном, хрупким кошмаром.

Мойна наклонилась и, обжигая огнем, поцеловала его в губы.

— Ты так сильно ее любишь, Атон?

— Я люблю ее! Я ее ненавижу! Она должна стать моей!

Мойна поцеловала его в щеку, в веки.

— А другая женщина? Другая любовь?

— Нет! До тех пор, пока не закончится песня... До тех пор, пока я не узнаю то, что не знает никто, что не сообщает ни одна книга... О Боже, что бы я ни сделал ради любви Злобы... только бы оказаться рядом с ней.

Она продолжала обнимать его, и через несколько минут он, как и был одетый, заснул.

— Это было так сладостно, так сладостно, — услышал он в полусне ее голос.

Переговоры о торговле завершились на следующий день, и Атон с Капитаном были готовы к возвращению на «Иокасту».

— Благодарим тебя, Человек, — просигналил представитель ксестов. — Теперь прими от нас в подарок твой портрет.

Они вынесли большую завернутую раму. Атон удивился, когда это художник успел выполнить работу, поскольку ни он, ни Капитан ему не позировали. Разве что манера была очень субъективной...

Портрет развернули. Это и впрямь была паутина; разноцветные нити оплетали пустую раму, пересекаясь под всевозможными углами, и неким колдовским способом образовывали в воздухе трехмерный узор. Поначалу он ничего не означал, затем, когда чувства Атона начали отвечать смыслу картины, заманивавшей внутрь искусными прекрасными нитями, целое попало в фокус — возникла таинственная картина некой сцены в лесу.

На ней были два человека, ожившие посредством волшебства ксестов: похожие, но странным образом противоположные — потрясающей красоты женщина с волосами как яростный огонь и маленький мальчик с огромной книгой в руке и с нескрываемым удивлением на лице.

Атон, словно загипнотизированный, уставился на картину.

— Это... мы двое?

— Наше искусство нелегко объяснить, — сообщил ксест. — Мы не понимаем истинной природы Человека. Мы сделали твой портрет так, как ты увидел две — Мужскую и Женскую — части своего существа, когда впервые постиг их. Надеемся, для тебя это ценно.

Атон медленно повернулся к капитану Мойне. Он увидел слезы, блеснувшие в глубине темно-зеленых глаз.

— Вероятно, ей **пришлось** спрятаться, — сказала она. — Любовь... любовь этого мужчины стоила бы ей всего; с обычной точки зрения, всего.

Она медленно поднесла руку к шапочке и сняла.

Огненная лавина скатилась ей на плечи.

Атон коснулся живого пламени ее волос.

— Ты! — произнес он.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОЗНОБ

§ 400

Первоцвет бухнулся рядом с Атоном, от его огромного тела валил пар.

— Я пытался, — сказал он грустно. — Пытался... но просто **не могу целиком** извлечь гранат из той ничейной стены. Такой вот я невезучий!

— Такой вот ты толстый! — дружелюбно пробормотал Влом с другой стороны. — Твое пузо тебя обжуживает. Хорошо, что можешь еще **увидеть гранат...**

— Я бы его достал, если бы мог разглядеть сквозь пот, — сказал Первоцвет, протирая глаза. Возможно, насмешки Влома задевали его, но он этого не показывал. — У меня проворные пальцы, но эта жара... иногда я мечтаю о приступе озноба.

— Озноба! Я о нем слышал. На этот раз, Цветик, ты не получишь от меня ни камня. Озноб убил бы тебя.

Глаза Первоцвета сузились. Атон сидел, не шевелясь, ибо знал, что этот человек никогда не попытается сам найти гранат, если его запасы не на исходе, и что он почуял выгодную встречу. Когда Первоцвет голодал, развлечения нарушали монотонность тюремной жизни, а Влом, наработав на несколько пайков после неудачи с голубым гранатом, наверняка был готов сыграть снова.

— Ты уверен, что достаточно знаешь об ознобе? — вежливо спросил Первоцвет.

— Что тут знать? — Влом ковырял сломанный ноготь на ноге. — Мой дружок умер от него, протянул ноги — это я знаю. Он оказался по своим делам на одной плачете и не подозревал, что там свирепствует озноб. Не понял, что и у него самого озноб, пока не стало слишком поздно. Наверняка я подхватил эту штуку от него, а ведь мне не сходить к врачу, как ему. Он все холодел, холодел — и умер.

— На Хвее, моей родине, была эпидемия в 306-ом, — сказал Атон, поскольку заметил по некоторым признакам, что Влом уже на крючке и заплатит дань. — Она началась в первый месяц года. Мой прадедушка Пятый оказался после нее сиротой. Скосило треть планеты.

— Значит, пандемия, а не эпидемия, — сказал Первоцвет. — Она, если хотите знать, происходит регулярно раз в 98 лет, и примерно половина миров человеческого сектора уже пострадала от озноба. А вам известно, что он не заразен? И что сейчас от него страдает сама Земля?

Влом молчал перед столь искусно поставленными вопросами, но наконец прекратил сопротивление. Его слабость была в том, что он терпеть не мог, когда кто-то знает нечто, чего не знает он, даже если в этом знании для него нет никакой корысти.

— Ты здесь дольше меня! — воскликнул он. — Ты не можешь ничего знать о Земле.

Первоцвет уселся поудобнее:

— Зато я кое-что знаю об ознобе, — и самодовольно умолк.

— Я тоже знаю про озноб. Мой друг умер от него. Если бы нашелся врач, который напичкал бы его лекарствами...

— От озноба нет лечения, — сказал Первоцвет.

Атон при этом помрачнел.

— Врешь, — неубедительно произнес Влом. — Кучу людей спасли. Даже тех, кто проходил с ним два дня.

— Лечения от него нет.

После отчаянных оборонительных действий Влом лишился наконец граната, вокруг них собралась аудитория, и полился поток новостей.

— Человек, — сказал Первоцвет, говоря тихо и заставляя слушателей рассесться, — обогнал свет,

чтобы насадить колонии в сотнях и тысячах световых лет от своего дома. Но озноб поймал его врасплох. В § 25 новехонькая колония в 700 световых годах от Земли к центру галактики (не бучу уточнять ее галактические координаты: пригодится еще для одного граната) сообщила о первом случае. Молодой рабочий сельхозбригады пришел в больницу с жалобами на внезапную лихорадку. Она длилась каких-то две минуты, признался парень, но наверняка он чем-то заболел. Врач применил термощуп, температуры не обнаружил и отправил парня назад в поле. Колонизация — тяжелая работа, ленивых тогда не баловали. Случай был занесен в картотеку и забыт.

— Пять дней спустя (по земному времени, конечно — этот гранат на сравнительную хронологию не тянет) тот парень вернулся к врачу с запиской от бригадира: производительность низкая, в работе небрежен. В чем дело? Врач опять ткнул щупом и снова не обнаружил температуры — наоборот, температура тела ниже нормы — и отослал его в дисбригаду.

— Прошло еще три дня. На этот раз жертву привел друг. Невозможно было заставить его работать. Парень пребывал в благодушном ступоре, словно пьяный, хотя уже два дня не притрагивался к самогонке. К тому же он совершенно перестал есть. Приятель больного упомянул, что временами и сам чувствует холод. Как будто холодный воздушный ток обрушивается на него и заставляет дрожать, хотя со стороны этого не видно. А уже через минуту чувствуешь себя отлично, даже лучше, чем раньше, но... Врач машинально провел над ним щупом, температуры не обнаружил и отпустил, сделав еще одну запись в картотеке (ибо это был опытный врач), а нерадивого работника взял под наблюдение.

— Температура его тела была 297°K и постоянно падала. Небывалое отклонение от нормы, равной для человека 310°K, врача, естественно, заинтересовало. У парня не было ни одного болезненного симптома, который соотносился бы с ознобом; что именно вызывало его, так и оставалось тайной. Вскоре пациент умер, и этот факт был соответственным образом зафиксирован. Историю болезни послали обычными каналами на Землю, где она затерялась среди канцелярских отчетов и была забыта.

— Между тем с ознобом доставили еще троих, включая приятеля умершего. Никто из них не был болен, — то есть, ни у кого не было температуры — но врач уже сообразил, что проблема требует методов, которыми он не владеет, — то есть, серьезного исследования — и, оставив двух потерпевших для наблюдения, третьего срочно отправил на Землю. Тот был перехвачен образцовой карантинной станцией, задержан для соответствующей обработки и умер незадолго до того, как о нем уведомили дежурного медицинского работника. Для выдачи свидетельства о смерти была проведена Стандартная Операционная Процедура. Вскрытие выяснило причину: неправильное функционирование тканей вследствие недостаточной температуры. Естественный механизм регулирования вышел из строя. Причины же этого **выхода** так и не определили.

— Месяц спустя более половины двухтысячного состава упомянутой колонии умерло, остальные умирали. Планету закрыли на карантин. Земля посылала туда капсулы с продовольствием, записывая их стоимость на счет колонии, но отказывалась принимать из поселения кого-либо или что-либо. Через тридцать шесть дней после вспышки — официально зарегистрированной по дню исходной лихорадки первой жертвы — еще десять человек начали страдать от озноба и приводить свои дела в порядок, каждый согласно со своим положением и вероисповеданием. Но новых случаев озноба не отметили ни на завтра, ни в последующие дни. Все десятеро выздоровели, а эпидемия (так ее тогда называли) прекратилась так же таинственно, как и началась. Колония находилась под карантином пять лет, и долг ее достиг за эти годы таких размеров, что для его погашения потребовалось бы столетие, но о нем как будто забыли.

— Пятнадцать лет спустя озноб разразился снова, на этот раз в колонии, отстоявшей от первой на двадцать пять световых лет. Эпидемия развивалась сходным образом, за исключением того, что через несколько часов после первой смерти власти бдительно захлопнули карантин. Половина колонистов смертельно заразилась в течение тридцати шести дней, остальные остались живы. Однако никакой инфекции выявлено не было, и человечество дружно с облегчением вздохнуло.

— В первом §-веке по поводу озноба разгорелись жаркие споры. Что это такое? Как он распространяется? На первый вопрос удовлетворительного ответа никто не дал. На второй — их было несколько. Одна многочисленная группа полагала, что озноб имеет волновую природу и передается со скоростью света; это своего рода лучи смерти, захлестывающие целые планеты и перемещающиеся через

определенный промежуток времени к другим. Эту теорию называли волновой. Другая влиятельная группа заявила, что заражение передается через личный контакт, посредством некоего вируса, быстро, а именно за тридцать шесть дней, мутирующего до безвредного состояния. Эта теория получила название корпускулярной.

— От волновиков требовали ответить, каким образом волне, двигавшейся со скоростью света, удавалось преодолеть двадцать пять световых лет за двадцать лет. Они объясняли это так: смертоносный луч исходил из какой-то третьей точки, расположенной на двадцать световых лет ближе к первой зараженной колонии, чем ко второй. Волновики с нетерпением поджидали, когда заразится третья колония, чтобы методом триангуляции вычислить источник. От корпускулистов они, в свою очередь, требовали объяснить, почему ни один член базировавшейся на Луне карантинной партии не заболел, хотя многие из них, пока не осознали грозившей им опасности, были подвержены риску. И почему озноб, если он в самом деле неуклонно мутировал, не ослабевал плавно до полного исчезновения. Ответ корпускулистов был таков: карантинные эксперты соблюдали чрезвычайную осторожность, потому и избежали заражения ознобом. Что же касается постепенного прекращения озноба, то симптоматически это не проявлялось, а когда вирус-причина ослабевал настолько, что пересекал порог действенности, естественные защитные механизмы оказывались способны ему противостоять.

— Пять лет спустя обе теории подверглись серьезному испытанию. Была поражена третья колония... Но поскольку врач на ней был занят изданием научных трактатов, обязательных для продвижения по службе и поддержания на уровне современных медицинских теорий, он не сумел распознать озноб, пока не умерло несколько человек. Зараженные колонисты к этому времени успели посетить пять планет, включая Землю. Лунную карантинную станцию они обошли. Однако вне пораженной колонии не было отмечено ни одного случая, хотя больные путешественники претерпевали озноб и умирали в общественных клиниках. Корпускулисты тужились объяснить парадоксы и не могли. Одной из жертв озноба стала популярная девушка по вызову, продолжавшая свою практику до тех пор, пока ее клиенты не пожаловались на ее буквальную холодность. Она умерла, все ее клиенты остались в живых. Корпускулярная теория была подорвана.

— Волновики с жаром набросились на третью координату и вычислили пресловутый источник заражения. Третья точка находилась в семидесяти трех световых годах от первой, ее местоположение определили элементарно и немедленно отправили туда корабль с экспертами. Они нашли лишь пустой космос — если источник и был, он давно сместился. Рассерженные корпускулисты не замедлили указать, что между так называемой исходной точкой и зараженными планетами находилось изрядное количество незаразившихся колоний. Каким образом они избежали трагической участи? Неужели волна действовала выборочно? Но в любом случае, движение луча, поразившего третью колонию, теперь можно было установить посредством экстраполяции. Добровольцы поместили себя прямо на его пути... и не заразились. Таким образом была опровергнута и теория волновиков.

— Шло время, а тайна усугублялась. Было опустошено еще несколько колоний, однако любая жертва, вывезенная в течение дня после появления первого симптома, обязательно выздоравливала. Если озноб заразен, почему время и место накладывают такие ограничения? Если это волна, почему многие ее избежали?

— Постепенно появились дополнительные ответы. Настал день компромисса. Да, озноб перемещался волнообразно со скоростью света, но эта волна не была ни единична, ни локальна. Существовало множество волн с амплитудой примерно в световой месяц, отстоящих друг от друга на девяносто восемь световых лет. Пересечение любой волной любой колонии вызывало в ней пандемию до тех пор, пока волна не проходила. Но в этой волне, оказывается, присутствовали беспорядочно движущиеся частицы инфекции, поражающие исключительно по закону больших чисел. Существовал гипотетический питательный эфир, который способствовал прогрессу болезни, если жертву вовремя не вывозили из его поля. Как и в случае с эфиром стародавних времен, он не обнаруживался приборами, а сообщал о своем присутствии лишь смертями.

— Источником озноба оказалось не что иное, как центр галактики. Существовали промежуточные разумные формы жизни между человеком и этим центром, также страдавшие от тех или иных разновидностей озноба, и вскоре стало понятно, что дальнейшие исследования бесполезны. Общая полоса

импульса озноба была длиной в двадцать тысяч световых лет, а его источник был уничтожен давным-давно отмершими видами. Озноб был искусственного происхождения; больше о нем ничего не было известно.

— Между тем отдельные волны были нанесены на карты и построены их графики. Богатые люди перебирались в критический месяц на другие планеты, а большинство просто ожидало эпидемию и вывозило пораженных из поля действия, если вовремя их находило. Огромное число людей узнавали об эпидемии слишком поздно.

— А Земля, — закончил Первоцвет, — перенаселенная Земля со многими миллиардами людей, которых надо транспортировать, не способна ничего поделать, кроме как ждать, когда ударит первая волна. Сейчас самое время: год § 400. Я рад, что меня там нет.

Толпа разошлась. Первоцвет бросил свет на опасность, но глубоко в душе озноб пугал каждого. Ведь ни один заключенный не знал, где расположен Хтон.

Озноб мог разразиться хоть завтра.

8

— Эй, Пятерка, приятель... знаешь, что сейчас отчудила Гранатка? — ворвался с новостями Влом.

— Могу догадаться, — Атон отложил работу и сел.

Влома понесло дальше:

— Дала мне пайку просто так. Я протянул ей гранат, а она не взяла. Сунула еду и ушла, точно во сне. Никогда не помню такой небрежности.

Пока Влом ел, Атон прислонился к стене, стирая грязь с рук.

— Это не небрежность.

Влом заговорил с полным ртом:

— Но она же никогда не брала... по-твоему, она сделала это намеренно?

Атон кивнул.

— Свихнулась, наверное, если делает такие вещи. Ведь она ненавидит меня почти так же, как и тебя.

— Да? — спросил Атон. «Ненависть — интересная вещь. Я ненавижу миньонетку...»

Прервав их разговор, появилась Гранатка:

— Есть камень? — хрипло спросила она у Атона.

Он молча протянул камень. Она взяла и бросила на землю сверток.

Влом смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду.

— Боже Каторжный! Никогда такого не видывал! Она, подобрела к тебе, Пятый.

Атон развернул пакет.

Но человечек все еще был смущен:

— У нее нет причины делать одолжение **мне**. Я не женский идол.

Почему она не дала пайку просто так **тебе**?

Атону пришлось объяснять то, что другой понял бы и сам, Влом не поверил.

— В смысле, она не хочет показать, что нежна к тебе, и выплескивает это на меня? Потому что я твой приятель и все равно ни о чем не догадываюсь?

— Примерно так.

— Но в этом нет смысла! Никакого.

На всеобщее обозрение внесли наполовину объединенный труп. Человек забрел в одиночку слишком далеко. Возможно, искал гранаты или выход из нижних пещер. Появилась химера. Помощь подоспела через десять минут после предсмертного крика, то есть через пять минут после его смерти. Живот и внутренности были разодраны и съедены, глаза и язык исчезли. На полу пещеры, где был найден труп, остались длинные темные полосы: это химера слизала вытекшую кровь.

— Лишнее мне напоминание никогда не отправляться в Тяжелый Поход, — сентиментально проговорил Первоцвет. — Я слишком лакомый кусочек, чтоб подвергаться такому риску.

Черноволосая красавица косо взглянула на него.

— До моего слуха доносится кое-что похуже, чем Тяжелый Поход, — заявила она. — В этом еще никто не разобрался. Ты тоже можешь услышать вой людей-зверей, что когда-то были людьми, вроде нас.

— Они живы? — спросил Первоцвет, любезно подхватывая ее реплику.

— Не-ет... но воют.

Раздался общий смех. Это была старая шутка, и не без намека на достоверность.

«Мой шанс, — подумал Атон. — Сейчас, пока это выглядит естественным. Симулировать сомнения, но вывести».

— Я слышал, что кто-то выбрался, — сказал он.

Влом тут же подхватил:

— Кто-то выбрался? Кто-то совершил Тяжелый Поход?

— Наружу должен быть путь, — сказал Первоцвет. — Если бы найти его! **Где-то должна** напасть химера.

— Может, эти самые животные никогда и не нападают, — сказала темноволосая женщина.

Атон так и не знал ее имени. Со времени первого спора, она им очень интересовалась, но остерегалась играть в открытую. Боялась Гранатка... или просто была умнее. Она не была ему безразлична: ее способность раскидывать волосы в своего рода платье намекало на чувственность одежды. Ничто так не бесполо, понял он здесь, как нагота.

— Может, и нет никаких зверей, — продолжала она. — Мы ни одного не видели.

— Я видел саламандру... — начал было Влом, но осекся.

— Саламандру, да, — сказал Первоцвет. — Но здесь речь о человеке, увидевшем и выжившем. Потому-то мы и говорим «химера», воображаемое чудовище. Но клянусь Хтоном, для нас **это** — не только изображение. — Его взгляд пробежал по труп.

— Наружу выбрался некий доктор, — рассудительно продолжал Атон. — Он совершенно обезумел... но обрел свободу.

Головы повернулись в его сторону. Разговоры прекратились.

— **Доктор?** — выдохнул Первоцвет.

Атон протянул руку за гранатом, и все рассмеялись.

— Кажется, пять лет назад. Так и не выяснили, как он умудрился бежать. Его поместили в психбольницу.

— Бедокур! — крикнул кто-то.

— Он клялся, что выбрался...

— Значит, есть тропинка...

— Ты в этом уверен? — спросил Первоцвет. — Помнишь имя?

«Помню ли я имя, которое так осторожно вытянул из тюремного библиотекаря, зная, что оно может меня освободить?»

— Не Бедокур, — сказал он. — Что-то вроде Карл Бедекер, доктор медицины. Конечно, его лишили диплома, когда отправили вниз.

— Угу, — согласился Влом. — Расстригли.

— Я знал его, — заявил Первоцвет. — Почти забыл. Мы, конечно же, никогда не называли его настоящим именем. Он пробыл около месяца, потом отправился прочь с докторским саквояжем. Он сказал, что проторит для всех тропку, если у нас кишка не тонка, чтобы пойти следом. Такой маленький мягкий типчик. Мы знали, что далеко он не уйдет.

— Почему вы его отпустили? — спросила женщина. — Ведь он доктор.

— Здесь, внизу, не болеют, — объяснил Первоцвет. — Мы стерилизованы... Вероятно, влияние жары. А смерть, как правило, скоропостижна. И еще он был слишком обидчив. Маленький, но то, что он мог сделать...

— Неудивительно, — сказал Атон. — Знаете, за что его послали вниз?

Первоцвет оборвал его:

— Не слишком ли много вопросов? Мы здесь стараемся об этом не спрашивать. Не наше дело.

— Но тропа существует, — произнес, смакуя, Влом.

— Тропа в психбольницу, — указал Первоцвет. — То же самое, что смерть.

— Но тропа...

Волшебное слово вылетело. Атон зная, что оно разлетится по пещерам, как горячий ветер. Доказательство... доказательство пути на волю. Теперь они не обретут покоя до тех пор, пока не найдут эту тропу.

9

Через десять паек Старшой созвал собрание. Поскольку еда раздавалась каждые двенадцать часов или около того, в зависимости от графика движения лифта сверху, это означало по внешнему времени пять дней. Переводить в дни, по мнению Атона, было делом бессмысленным: короткие промежутки времени отмерялись пайками. Семьсот паек — около года.

— Наверное, что-то важное, — сказал Влом, когда все собрались. — Раньше мы ни разу не сходились всей толпой.

Атон пропустил его замечание мимо ушей, впервые досматривая весь личный состав нижнего Хтона. Похоже, здесь находились сотни человек, причем женщин гораздо больше, чем мужчин. Большинство пришло из других гранатовых рудников — раньше он их никогда не видел. Высокие, низкие, косматые, кривые, статные, дряхлые: каждый — личность, каждый осужден обществом и собратьями по тюрьме. Здесь присутствовало высшее средоточие зла.

Каждый был уникален. Атон привык к своему узкому кругу, словно им ограничивалось все, что нужно знать о пещерном обществе — но людей, которых он знал, выбрал случай, а не намерение, и потому они были типичными представителями Хтона. Старшой, Гранатка, Влом, Первоцвет, черноволосая — ожесточенные и вспыльчивые, да. Но разве злые?

«Если здесь и есть зло, — думал он, — я его не видел. Зло — в миньонетке. Зло — во мне».

Старшой вышел на середину просторной пещеры, держа на плече топор. Он взобрался на небольшую грудку камней. Пересечение полудюжины древних громадных туннелей над ним свидетельствовало об истории возникновения здешних структур. Сколько раз раскалывался камень, чтобы образовать эту путаницу? Столько же, сколько раскалывались человеческие души, чтобы образовать эту толпу. Ветер завихрялся, вырываясь из нескольких туннелей, то и дело вздымая небольшие пылевые смерчи, которые в свою очередь с ревом всасывались в жерла других каналов. Эта пещера, отражавшая сущность подземной мощи, — самое подходящее место для собраний.

Старшой зычно крикнул, подтверждая свои притязания на приличествующее главарю внимание. Крик эхом пронесся по проходам и смешался со звуком ветра. Еще раз Атон бесстрастно оглядел этого человека. Болтовня прекратилась.

— Сверху нам обещают суровые времена, — проговорил Старшой без предисловий. — Требуют больше гранатов.

Раздался всеобщий хохот.

— Мы дадим ублюдкам все, что пожелают! — с издевкой крикнул кто-то.

— Им надо будет для этого лишь спуститься к нам! — закончила какая-то женщина.

Старшой не смеялся.

— Это всерьез. Они урезают наши пайки.

Теперь, ропот стал сердитым.

— Они не имеют права!

— Имеют, — заверил Старшой. — Так вот. Каждый из вас должен теперь давать три камня за две пайки!

— Но столько нам не добыть!

Атон огляделся и увидел лица, изможденные внезапным страхом. Наступит голод.

— Почему? — выкрикнул Первоцвет. Некоторые злобно фыркнули: вот кто первым пострадает от оскудения рынка. — Что на них нашло?

— Потому что они свихнулись, — сказал Старшой. — Им пришла дурацкая мысль, что внизу есть голубой гранат...

— Счетоводу известно, что такой штуки нет. Что с ним?

— Счетовод клянется, что у него есть доказательство.

Влом глянул на Атона и наклонился к нему:

— Ты никому не говорил?..

Атон замотал головой:

— Ни слова.

«Зло во мне», — подумал он.

— Я тоже. Я вернулся назад, когда саламандра ушла, и нашел один из кусков. Вероятно, другой она съела. Я подумал о твоих с Цветиком словах, и ничего не стал говорить.

Старшой продолжал:

— Счетовод передает, что они будут урезать пайки до тех пор, пока не получат голубой гранат. Следующие десять паек будет два камня за...

— Хтон Великий! Меня точно убьют, если узнают, что у меня есть гранат... — прошептал Влом. Его тело напряглось и подрагивало. — Кто-то, верно, нашел другой.

Атон подумал: «Химера — враг, которого не видишь».

— ...Они его не заполучат! — ревел Старшой. — Мне это **не нравится**, как и вам. Они думают, что возьмут нас измором... — Он сделал паузу. Его голос понизился. — Но у меня есть план.

Пещера притихла.

— Довольно нам торговаться с этими слабаками — любимчиками Лазы! — продолжал он. — Они слишком долго господствуют над нами. А работу-то делаем мы. Теперь мы наступим им на мозоль. Мы поменяемся местами?

Он сделал паузу, чтобы улеглось смятение. Переворот! Раньше такую возможность никогда не воспринимали всерьез.

— Во-первых, надо подкупить стража у дыры. Сейчас надо поразмыслить как следует и понять, что на него подействует. Возможно, женщина, сверху или снизу, — его взгляд мелькнул по черным прядям, вызывающе скрывающим грудь знакомой Атону женщины, — или подловим его на чем-нибудь другом. Надо организовать комитет, который бы этим занялся. Следующее — план нападения. По-моему, надо заслать наверх пять-шесть мужиков поздоровее. Пусть придержат этих придурков, если те почуют что-то прежде, чем мы будем готовы. Как только они по-тихому обоснуются, мы будем как можно быстрее поднимать остальных. Внизу никто не останется. Когда выберемся, первым делом захватим конденсатор. Без воды они быстро сломаются. Следующая цель — лифт; они постараются его расколошматить, чтобы мы все подошли. Нас не волнуют уроды в отдельных пещерах; оставим их в покое, они не заметят происшедшего. Как только захватим власть, отправим придурков сверху вниз — пусть добывают гранаты. А если они найдут голубые...

Старшой продолжал, уточняя план в атмосфере растущего возбуждения. Он демонстрировал свойства, делавшие его главарем: не только физическая сила, но и дисциплинированность, практичность, энтузиазм и безжалостность.

— Но помните — такой переворот опасен. В случае неудачи они уморят нас голодом. Каждого. И тогда останется одно: Тяжелый Поход...

— После переворота, — сказал Влом, чуть не приплясывая от возбуждения, — после того, как мы возьмем власть, знаете, чем я займусь?

Остальные окружили его, предвкушая обсуждение величественных планов. В руднике собралось человек двенадцать, не способных сосредоточиться на работе. День переворота приближался; назначить его должен был Подкупочный Комитет.

— Схвачу старика Шахматиста за его седую козлиную бороденку и буду крутить до тех пор, пока он не научит меня играть в эту игру.

— Лучше попытаться счастья с маленькой Подмастерской, — пошутил кто-то. — Спорю, она обучит тебя игре быстрее, чем он.

— Нет, — Влом был непреклонен. — Это должен быть сам Шахматист, и никто другой. Мы расставим фигуры и сыграем перед всем Хтоном, а когда я разгроблю его, Хтон узнает, что я мозговитый и никогда ничего не делал неправильно.

У них достало такта не засмеяться. У каждого было свое тайное желание, открыв которое, многие выглядели бы довольно нелепо.

Свое слово сказал и Первоцвет:

— Не уверен, что вообще пролезу через эту дыру, — пробурчал он, и все улыбнулись вместе с ним: дыра была метр в диаметре. — Но если веревка не лопнет, когда меня потащат вверх, а пол не провалится, отчего бы тогда...

— Знаю! — встрял кто-то. — Он хочет стать главным крутильщиком на конденсаторе!

— Чтоб похудеть!

— Меховой Матушке это понравится.

— Что понравится?

Первоцвет терпеливо ждал, когда все затихнет:

— Отчего бы тогда не пойти в пещеру к Лазе? У меня, сами знаете, руки ловкие, — они знали, — и когда она подойдет ко мне с каменным ножом, отчего бы не вырвать его у нее, а потом...

Все подались вперед:

— Потом...

— Смыться с ним, Цветик!

— Потом я устрою ей то, о чем она давно мечтает, причем так, что она никогда меня не забудет!

— Что именно, Цветик?

— Я заплачу за разрешение посмотреть, Цветик!

— Не волнуйтесь... посмотрите, — сказал кто-то. — Один гранат за один раз.

Смех усилился. Влом обернулся к Атону:

— А что сделаешь ты, Пятерка? Какой у тебя план?

Атон огляделся. Он ожидал от Первоцвета неожиданного оборота, но тот разочаровал его бездарной развязкой.

Гранатка тихо стояла с краю. У нее, казалось, тоже были сомнения насчет переворота. Он почувствовал желание сделать ей больно.

— У Счетовода есть девчонка. Кретинка-Кристинка, — сказал он. — Знаете? Она однажды заигрывала со мной, но я был занят. На этот раз, думаю, все будет иначе. — Все сдвинулись поближе. — Хорошенькая, да. Вы не видали такой красавицы. Само совершенство. От ее волос можно сойти с ума, когда она любит; глаза черно-зеленые, словно глубины океана. Как хвоя, она цветет только тогда... — Он увидел озадаченные взгляды. «Что-то не так? Их смутила фантазия о простой пещерной девушке?» Он пожал плечами, не волнуясь больше о том, что они подумают. Переворот не удастся. — Наконец-то я нашел ее. Она была наряжена как человек, но когда я разоблачил ее, ей пришлось прятаться от людей. Я привез ее в домик на астероиде...

— Как человек? — спросил Влом с озадаченным выражением лица. — Кретинка?

— Вероятно, ее вид включает человеческую природу. Генетическая модификация, но она выглядела как человек — настолько божественна. Легенды приписывают ей удивительные способности, и некоторые

из легенд... верны. Правда, она не достигла бессмертия, но, кажется, она — полутелепатка.

— Может читать мысли?

— Не знаю. Это многое бы объяснило. Вот почему ее поступки так парадоксальны. Она заставляла меня делать ужасные вещи. Я любил ее, когда, искал, но возненавидел, когда нашел. Она уничтожила меня. Я не посмел дать ей хвёю...

— Зеленый цветочек, что носят некоторые люди? Никогда не видел.

— Наконец, я бросил ее и вернулся домой. Я сказал Аврелию, что женюсь на дочери Четвертого, если только смогу излечиться от... от Злобы. Он был так счастлив, что едва не скончался. А до этого умирал от уныния, с трудом продержался до моего возвращения. Он отправил меня на одну знаменитую уединенную планету.

Атон поднял глаза и увидел, что Гранатка внимательно слушает. О ней он совершенно забыл. На миг он засомневался: «Имею ли я право мучить эту женщину? Не должен ли, на худой конец, предупредить ее? Злоба, Злоба — ты сделала меня чудовищем! Ты заставляешь меня претворять в жизнь твое имя, и от этого никуда не деться».

Однако Гранатка выглядела скорее задумчивой, чем взволнованной, а остальные молчали. В чем дело?

Громкие крики перекрыли звук ветра. Люди побежали:

— Время! Время! Стража подкупили! Переворота Время? Переворот начался! Началось!

Туннели, ведущие к переходной пещере, наполнились возбужденными людьми. Все взгляды устремились к крохотной дыре в потолке на высоте десяти метров, единственной связи между двумя мирами. В других местах камень был настолько тверд и толст, что пробиться через него без тяжелых орудий было невозможно.

Верхние пещеры заперты, но у запора — одно слабое место, а именно страж на «ночной» вахте. Атон не знал, что тому посулили, но Старшой всегда держал слово, и стражу гарантировали бы безопасность на всю жизнь. Достаточно было опустить веревку и отойти.

Тяжелая плита начала медленно-медленно сдвигаться. Темная дыра зазывно светилась с той стороны зеленым мерцанием — дверь в удачу. Но ничье лицо там не появилось. Ни звука сверху, кроме громкого скрежета камня.

Пауза; затем возникла раскручивающаяся из бухты веревка. Она была без корзины и поэтому опускалась, волнообразно извиваясь. Растрепанный конец веревки повис, не касаясь пола, и болтался невольным приглашением.

Старшой удовлетворенно промышал. Назначенный отряд вторжения выстроился в центре пещеры. Атон — вторым. Важнее всего было умение забраться быстро и тихо и сберечь силы для возможной немедленной схватки.

Первый мужчина с короткими искалеченными ногами, но неимоверно сильными руками, шагнул вперед и дернул за веревку. Та слегка подалась, но держалась: она была закреплена. «Дернул, словно девчонку за косу», — надумал Атон.

Мужчина ухватился за веревку и умело потащил себя в воздух. Атон видел, что Старшой внимательно наблюдает за ним, потряхивая головой. «Волнуешься, креллевод? — подумал он. — Тоже помнишь про ум Счетовода?»

Мужчина быстро взобрался наверх, подтягиваясь на руках и захватывая ногой изгиб веревки при редких остановках. Он уцепился руками за край отверстия и напряг мускулы, протаскивая голову и плечи. Атон держался за веревку, не делая пока никаких движений.

Сверху послышался сдавленный крик. Ноги наверху поджались, мужчина выпустил край, когда, казалось, вот-вот завершит подъем. Он сполз в дыру и тяжело упал на нижний пол.

Старшой тут же его поднял, но это уже не имело значения. Горло мужчины было аккуратно перерезано.

Натяжение веревки ослабло. Упало второе тело.

Это был подкупленный страж. Веревка петлей обвивалась вокруг шеи. Он-то и послужил якорем, вес первого вторгшегося задушил предателя.

Переворот не оказался для Счетовода неожиданностью.

«Ты должен был знать, — подумал Атон, — что Счетовод угадает такой ход. Он не садист и не дурак, у него есть определенные причины для своих действий, и он готов к любым последствиям. В конце концов ты узнаешь, что был предатель, и предположишь, что подкуплен один из вашей собственной шайки. Узнав теперь, что ум Счетовода такой же проницательный, как и всегда, ты заподозришь, что голубой гранат **есть** на самом деле. Ты будешь искать и неутомимо допрашивать каждого мужчину и каждую женщину — и на дне Вломова меха для воды найдешь голубой осколок.

Влом будет выкрикивать историю открытия и потери граната. Он обратится ко мне за подтверждением, но я признаюсь, что в упомянутое время занимался Гранаткой. Она согласится, убеждая себя, что иначе заподозрили бы ее, и стремясь вызвать ревность у черноволосой. Влом известен как большой обманщик, но ты позволишь довести тебя до места, где, по его словам, он нашел гранат, и там ничего не окажется, а он не будет знать, что доказательство прямо под рукой.

— Я этого не делал, — завопит он наконец. — Меня вломили! Меня вломили!

А ты уже это слышал.

Узники верхних пещер не смягчатся. Они захотят выяснить, откуда взялся первый осколок, и узнать, действительно ли есть такой рудник. Поскольку вы отказались честно вести дело со Счетоводом, он заморит вас голодом и сделает нижние пещеры безопасными для исследователей сверху. А мы предпримем Тяжелый Поход.

О да, предпримем».

§ 399

СЕМЬ

Идиллия: солнечная уединенная планета. Пальмы и ели росли здесь рядом, после того как осторожное прикосновение генетической модификации пригладило природу, заставило ее улыбаться. Голубые воды искрились у подножия серых гор, белоснежные облака осеняли мирные деревеньки.

Атон машинально прошел процедуру регистрации — его мысли были сосредоточены на женщине, которую он прилетел забыть. Он пренебрег ознакомительной экскурсией. Красоты самобытного рая его не интересовали, наконец он оказался на красивой даче — домике, окруженном цветниками и извивающейся изгородью, — без понятия, как это произошло.

«Прелестная планета, — с горечью подумал он. — Но никогда не станет так прелестна, как Злоба. Злоба — меня должно было предупредить твое имя. Но я был слеп ко всему, кроме твоей красоты; я был глух к отцовским словам. Я маялся детской мечтой. А когда нашел тебя...»

Он осмотрел цветники. Не будучи силен в садоводстве, кроме особого искусства выращивания хвей, Атон понял, что начать ему не с чего. Да это и не важно: даже самые прекрасные начинания вряд ли бы подействовали на его разрушительную страсть к миньонетке.

«Миньонетка. Когда после игры в Капитана я, наконец, обнаружил тебя среди ксестов... было не удивительно, что эти дружелюбные иномиряне смутились. Они увидели, что ты действительно миньонетка — странный отпрыск человека, а не подражание ему, а я тем временем пытался обратить их внимание на свое неведение. И они показали мне все, что могли, а я увез тебя в укромный космостель и там постиг чудовищное зло твоей природы».

Предоставленный на этом курорте самому себе, Атон понял, что жизнь продолжается. Он праздно изучил сад, разгадывая очевидные загадки кустарников, и в конце концов вернулся в светлый коттедж. Неестественно круглое заходящее солнце просвечивало сквозь плывущие облака. В воздухе парили запахи кухни.

«**Тогда**, разбитый, я слушал тебя, Аврелий. Но ты, в сущности, ничего мне не сказал, лишь послал на Идиллию, чтобы я отдохнул и забыл. Забыл Злобу».

Войдя в домик, Атон обнаружил на стене древние гравюры на ботанические темы, паркет из псевдососны и старинные ручки на дверях с петлями. «Такой дом был у Вордсворта!» — подумал он. В камине большой комнаты ярко пылал огонь: тени от узорной железной решетки трепетали на каменном участке поля. Вдруг он услышал шум в помещении, которое принял за кухню. В доме кто-то был.

Он прошел сквозь арку. Арку? Значит, это не было намеренной подделкой «под старину». И увидел ее: изящную, светловолосую, умелую.

— Что вы здесь делаете? — спросил он. — «Тебе-то какая разница, Атон?»

Она с улыбкой обернулась:

— Здесь мое место.

— Но мне сказали, что это мой дом, — проворчал он.

— Да, — она подошла к нему и показала серебряный браслет на левом запястье. — В обычаях Идиллии отправлять рабов на службу к господам. Пока вы здесь, я принадлежу вам, и да здравствует эта планета, добро пожаловать! — Она сделала реверанс.

Атона это не убедило:

— Что-то такое упоминалось. Но я думал, будет привратник... слуга.

— Они обслуживают дам.

— Вот как!

Идиллия, это слишком вопиюще.

Она взяла его за руку, провела к камину с нежной настойчивостью, исключительным правом рабов, и усадила за ужин. Атон воспринял ситуацию с сомнительным удовольствием. Никогда еще женщины так о нем не заботились, и его отношение, сначала двойственное, быстро стало положительным. В общем, задумка интересная.

— Как звать рабыню? — спросил он.

— По имени, — бойко ответила она. — Кокена.

Атон полез в толстую картотеку, составленную много лет назад его учителем.

— Строительный камень из коралла? Это твоя тема — твердость и жесткость?..

— Некогда на Земле, — сказала она, — жили крохотные морские моллюски с красочными раковинами, которых коллекционировали. Они назывались...

— Понятно. И что же милая ракушка посоветует смущенному сердцу? — спросил ей, и подумал: «Она пытается угождать... отчего бы тебе не отгородиться ею, Атон?»

— Вечером в деревне танцы, — сказала она, явно пропустив в вопросе намек. — Если вам это доставит удовольствие...

— Мне ничто не доставит удовольствие, Кокена, — ответил он, но при этом улыбнулся.

Танцы были красочны. Их устроили в теплом деревянном амбаре — по углам запах сена, под стропилами воробьиные гнезда. Гирлянды флажков свисали с балок; светлый сидр сочился из-под пресса, установленного посреди амбара. Отчаянно улыбавшиеся люди входили и выходили в сопровождении своих хорошо осведомленных рабов и рабынь. Атон заметил, что слишком часто сквозь их радостные личины просвечивала борьба с внутренней мукой.

Он выпил сидра и нашел его весьма крепким. Несмотря на явную свежесть, напиток был терпким, претящим... Вероятно, естественную ферментацию искусственно усилили. Или модифицировали сорт яблок. Сидр вызывал в воображении крохотные деревца с огромными плодами, и каждое громадное яблоко таит в себе легендарные 40°. Душа Атона стала чиста, и он понял, что смех пребывает даже в грусти.

— Начинаем?

Заиграли два усатых, очень похожих музыканта: один на скрипке, другой на объемистой трехрядке. В помещении воцарилось веселье. Пары, составившиеся с краю, вихрем неслись в середину и образовывали неправильные квадраты. Дамы резко опправляли широкие юбки и брали под руку важных кавалеров.

Атон заговорил с Кокеной:

— Как здесь получить партнершу?

Пальцы музыканта все быстрее бегали по черным и белым кнопкам гармонии, все сильнее раздувались мехи.

— Нужно пройти через зал к одной из сидящих дам, вежливо поклониться и испросить позволения на ее общество в танце.

— А кого выбрать? — спросил он, оглядывая женщин. Белые нижние юбки кружились вокруг бедер, отбрасывая забавные тени.

Кокена приподняла бровь:

— Вкусы клиентов, не принято обсуждать... Но, если я не ошибаюсь, третья девица справа привлекает определенного рода мужчин и к тому же превосходно танцует...

Атон посмотрел на женщину, которая весело болтала с соседкой и только что наклонилась, чтобы поправить туфлю. Декольте открывало красивую грудь. Маленькие ступни, длинные распущенные волосы.

— Нет! — сказал он с большим нажимом, чем подобало. — Рыжие волосы никуда не годятся.

Кокена угодливо указала другой вариант. На этот раз волосы оказались каштановые и не такие длинные. Дама стояла в стороне со стаканом сидра, слегка покачиваясь под музыку. В конце припева она притопнула, весьма соблазнительно качнув грудью и ягодицами.

— Нет... у нее зеленые глаза. — Сходства почти не было; Атон мучился от грусти, его возбуждение усиливалось вином.

Усомнившись в том, что Атон говорит серьезно, Кокена взглянула на него. Глаза у нее были голубые.

— Пойдем, — сказал он, не в силах объяснить свое настроение. — Я предпочитаю свою рабыню.

И они пошли танцевать. У девушки были проворные ноги, ее легко было вести; на минуту груз упал с его души, отступил на полшага. Они танцевали, кружились, вертелись, ее юбки соблазнительно вздымались, но душевная тяжесть сопровождала их. Ряды расходились и сближались; мужчины встречали своих партнерш в центре, кланялись им, отставали, снова подходили, и пары весело кружились. Правая рука к правой руке, левая к левой, партнер встречает девушку касанием бедра и с улыбкой пропускает ее назад. О, сверкающий взгляд! Какое чудо это вольное движение вместо заученной фигуры! Какой мгновенный восторг, заостренный усмешкой, — ибо эти интригующие улыбки и жесты были пусты, лишены любви.

«Злоба, о Злоба, о Злоба, почему ты меня предала?»

Была полночь, когда утомленный Атон готовился в коттедже ко сну. Видение росло и билось теперь о раковину его головы, разрывая мозг, довлея над его усталостью. Это было лицо Злобы, улыбающееся, опустошающее, одновременно прекраснее и ужаснее любого призрака. Огонь пробежал в ее волосах и зажег его желание.

— Кокена! — позвал он, и та застенчиво вошла, одетая в ночную рубашку. — Я сегодня не могу уснуть. Ты поговоришь со мной?

— Понимаю, — сказала она.

— Мне хотелось бы знать... — И пока он говорил, мучительное видение распалось. — Ты когда-нибудь была влюблена, Кокена?

— Нет.

— Люди думают о любви как о чем-то романтическом, как о счастье, о чуде. Любовь якобы должна возвышать человека, делать его сильным и добрым. Ты видела такую книгу — ДЗЛ? — Она кивнула. — Но они не правы. Любовь — самое страшное оружие, известное человечеству. Она может скрутить человека, связать в тугой узел, пока его кровь не вытечет на каменистую действительность, пока он не иссохнет и не превратится в шелуху. Если ты когда-нибудь станешь искать зло, начинай с любви... Я не должен говорить это женщине?

— Я рабыня, — сказала Кокена.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Говоришь, что рабыня. Но только ли рабыня? Разве в тебе нет женщины? Когда ты двигаешься в танце, милая ракушка... Если, бы я попросил тебя раздеться передо мной...

— Идиллия обязана защищать свою собственность, — сказала она. — Я не разденусь.

Атон улыбнулся:

— Это лишь пример. Ты не только рабыня. Скажи, Кокена, ты продаешься? Могу ли я приобрести тебя и увезти с собой, куда захочу?

— Рабы не продаются. Они на время предоставляются господам и в определенных пределах оказывают им услуги.

— В определенных пределах... Кажется, раковина закрыта, — сказал Атон. — Тем хуже... но зато честно. Я хотел бы, чтобы как можно больше женщин стало рабынями и как можно больше рабынь — женщинами...

ВОСЕМЬ

Атон ходил на вечеринки, танцевал, смотрел безразличные ему театральные постановки и бездумно флиртовал с женщинами. Днем он купался, участвовал в античных спортивных играх, ездил на пикники; ночью о нем заботилась Кокена, растирая спину маслами. Он говорил с ней, облегчая душу и с удивлением замечая, как слабеют воспоминания о Злобе при разговоре о... Злобе. Он рассказывал Кокене столько, сколько мог вспомнить, то есть больше, чем кому-либо, поскольку стал относиться в ней как к рабыне, а не как к женщине.

Но этого было мало. Злоба то и дело вторгалась в его душу, вызывая неутолимое желание, безмерную боль. Он мог скрыться от нее на час, но убежать не мог.

— Это все, честно говоря, совсем меня не развлекает, — признался он наконец. — Нужно что-то такое, что увлечет меня надолго, а не на минуту.

И Кокена, как всегда, предложила.

— Не попробовать ли восхождение на горы? — спросила она. — Это нелегкий вид спорта, отнимающий много дней и сил. Здесь он не опасен, и у него есть свои достоинства.

— Ты напоминаешь мне, нежная ракушка, что лучшее лекарство от сомнений — работа, — сказал Атон. — Замечательная викторианская мысль из ДЗЛ. Но если ты советуешь, я попробую. До сих пор ты заботилась обо мне изумительно.

— Я найду проводника, — сказала Кокена.

— Далеко искать не придется, — сказал он в ответ. — Или ты думаешь, мне понравится, что в мое отсутствие тебя растлит какой-нибудь господин?

Кокена улыбнулась, и на следующий день они уже шагали вдоль лесистой подошвы ближайшей горы. По обе стороны тропинки поднимались вьющиеся папоротники в рост человека; пахучие венерины башмачки были в пору самой Венере. Исполинские дождевики, подобно вулканам, выбрасывали при малейшем прикосновении дымовую завесу. Выше появился молочай вперемешку с карликовой секвойей. Большие и маленькие, цветущие и плодоносящие, естественные и модифицированные растения Идиллии предъявляли себя человеку на одобрение.

Атон остановился перед гибкой красной ящерицей, застывшей на валуне. Она довольно осмысленно глядела на него. «Мы еще встретимся, твой род и мой», — словно бы говорила она, и Атон, засмеявшись, шлепнул по камню рукой, после чего она юркнула в безопасное место.

Кокена, какой бы хрупкой она ни казалась, несла рюкзак и спальный мешок и шагала с Атоном нога в ногу. Атона ее выносливость изумляла.

Они рано остановились на привал, еще до того, как склон горы скрылся в тени, и Кокена приготовила ужин. Атон взглянул в темную воду речки, где они мылись, и увидел громадную норку. Он как раз собирался смахнуть с руки прутик, но вовремя остановился: это было насекомое — тросточка длиной сантиметров семь, настолько неподвижная, что казалась мертвой. Его потянуло бросить ее в воду и посмотреть, схватит ли ее рыба, но, поймав на себе взгляд Кокены, он устыдился. Откуда у него этот позыв причинить боль, мучение невинному насекомому? Он пересадил тросточку на листик и пронаблюдал, как она неторопливо уплывает.

В ночном воздухе не было никаких кусачих тварей. Атон с Кокеной спали бок о бок в двойном спальном мешке на пахучей постели из папоротника. Посреди ночи Атон проснулся от крика совы и посмотрел на спящую рабыню. Светлая прядь волос падала ей на лицо. Красота Кокены была почти классическая. Атона поразило, что он мог оценить ее красоту без всяких задних мыслей, это было для него чем-то новым...

Утренний солнечный свет струился между деревьев, а они уже шагали среди елей, пальм и дубов. Наслаждаться лесом следовало не спеша, но Атону было не до него. Он пытался разогнать свои думы физической нагрузкой. Кокена попевала за ним без жалоб, хотя путь становился все круче.

Тропинка петляла меж толстых мшистых корней. Атон удвоил усилия, поднимаясь в гору, как

одержимый, пока не заныли мышцы на ногах и не закружилась голова. Рабыня молча и не отставая шла следом.

Атону стало любопытно. Детство на Хвее при силе тяжести процентов на пятнадцать больше, чем земная, гарантировало ему силу. Генетики в лаборатории укрепили его тело за много поколений до того, как он родился. При обычном тяготении он мог совершать подвиги, которые изумили бы непосвященного, а годы, проведенные в космосе, его выносливости почти не ослабили. Ни один нормальный мужчина не мог сравниться со стойкостью модифицированного, а среди женщин лишь удивительная миньонетка обладала сходной мощью. Нежный мир удовольствий, подобный этому, — не то место, где можно найти по-настоящему выносливую женщину.

На второй вечер, высоко на склоне, где дул холодный порывистый ветер, Атон изобразил большую усталость, нежели ощущал. Он упал и, притворившись спящим, стал незаметно наблюдать за Кокеной.

Та без признаков явного утомления принялась готовить еду, хотя движения ее несколько замедлились. Глянув в сторону Атона и убедившись, что он крепко спит, она подошла, повернула его в более удобную позу и подложила под голову подушку из мха, будить его она не пыталась.

Что сделало девушку такой выносливой? Она давным-давно должна была упасть от изнеможения. Но она не только оставалась с ним, но и выполняла всю необходимую работу. Не произошла ли и она от модифицированного рода? Действительно ли рабыня на Идиллии без всяких помех сочетает преимущества жены и тяжеловоза?

Атон сел, потянулся, протер как бы заспанные глаза. Нет смысла пропускать ужин. Завтра он определит, насколько она вынослива.

Дорога становилась все более крутой и неровной. Атон не обращал никакого внимания на открывшийся внизу вид или на появлявшихся животных — бобра, горного козла, черепаху, которые с любопытством взирали на него. Он выбрал самый трудный подъем и взбирался с максимальной скоростью. Кокена стала для него вызовом: он обязан определить предел ее выносливости. Его не покидал интерес к тому, с чем же он состязается, и восхищало соперничество с женщиной, которая должна всего-навсего выполнять его волю.

На исходе дня, истекая потом, он стал подозревать, что достиг предела своих возможностей. Девушка ни о чем не спрашивала. Она была сведуща в искусстве восхождения; ее скупые движения сберегали силы, и она расходовала их куда меньше, чем он. «Наверняка, — подумал он, — она сопровождала по этим склонам многих господ». Эта мысль почему-то его тревожила.

Наконец они вышли к нависшему выступу, где зубчатая скала вздымалась над поверхностью почвы на добрых пятнадцать метров, а затем отступала под покров кустарника. Скала неширока, ее легко обогнуть — но Атон этого не хотел. Пусть будет проверка для Кокены! Годы на Военном Флоте научили его лазать по канату; подъем здесь трудный, но для него посильный. А вот для женщины со слабой мускулатурой и недостатком практики подъем был неодолим.

Атон накинул петлю на нижний выступ метрах в шести от основания скалы. Тот достаточно велик, чтобы на него встать, и послужит площадкой для дальнейшего подъема. Атон быстро полез наверх, упираясь ногами в почти отвесную скалу. Приятно было чувствовать знакомое напряжение.

Он забрался наверх, проверил веревку и стал ждать Кокену. И она поднялась, перебирая руками и упираясь ногами, как и он. Рюкзак на спине явно мешал ей удерживать равновесие и создавал другие сложности, но она не сказала ни слова.

Атон закинул веревку за самый верхний выступ и затянул покрепче. Нелегкий будет подъем — метров семь, не меньше, причем гора уходила вниз под углом так, что веревка висела свободно. На этот раз упереться ногами о скалу не удастся.

Атон полез вверх. Подъем был очень непрост. С опозданием он осознал, что есть разница между подъемом при половинной силе тяжести в космолет и противоборством с рюкзаком на плечах нормальному тяготению. Сил, которые Атон так щедро расходовал на прошлый подъем, теперь не хватало;

он оказался слишком расточителен. Надо было поднять рюкзаки отдельно... и закрепить страховку, чтобы предотвратить случайное падение. Запасная веревка бесполезно висела на ремне.

Но снизу на Атона смотрела девушка, и он был силен. Он достиг верхнего выступа и, радуясь победе, забрался на него. Уступ был надежный, на нем можно было закрепить вторую веревку. Он размотал запаску и сделал петлю.

Кокена уже начала подъем. Лежа ничком — голова и плечи за краем скалы — он увидел, что его догадка верна. Она не привыкла к подобным упражнениям и не знала маленьких хитростей веревки. Такие занятия — не для женщин, ее раскачивало, то выкидывая на фон кустарников и деревьев, то почти ударяя о неровности камня. Она очень устала, но продолжала карабкаться.

Метра через четыре Кокена остановилась. Кажется, она достигла наконец предела. Атон, мрачно удовлетворенный, уже собирался крикнуть ей, чтобы она спустилась и выбрала другой путь.

Только сейчас он увидел, до какой степени она устала. Ее маленькие онемевшие руки скользнули по веревке. Далеко внизу под ее опускающейся фигурой простиралась каменистая равнина: падение означало смерть.

Не думая, Атон захлестнул петлю за выступ и бросился с него вниз. Рефлекс космогарда: немедленное действие без мыслей о личной опасности. Он просто выпустил выступ из рук; рюкзак, по-прежнему висевший на нем, рванул по подмышкам. На половине отвесного склона упругая веревка, за которую он держался, остановила его с такой силой, что содрала кожу с ладоней и едва не разжала их. Сорванные мышцы рук и плеч дадут знать о себе завтра.

Атон болтался чуть ниже девушки. Как только та окончательно разжала ладони, он вытянул руку и, обхватив ее за талию, грубо подтянул к себе. Почти теряя сознание от усталости, она прижалась к нему.

Пытаясь удержать двойной вес плюс рюкзаки, одной натуженной рукой держась за веревку, Атон тем не менее обратил внимание, хотя это и было до кошмарного неуместно, какое гибкое и нежное тело он обнимает. Не считая первого вечера на танцах, он никогда не обнимал ее; его даже как-то удивило, что она настолько женственна.

Между тем рефлекс космогарда вновь взял верх. Его ладонь разжалась и медленно, но все же сдирая кожу, заскользила по веревке. Он твердо приземлился на нижний выступ и положил Кокену на широкую площадку. Когда Атон опустился на колени рядом с ней, ее рука обвила его шею и притянула к себе.

— Ты сильный, сильный, — прошептала Кокена, не открывая глаз. — Сильнее меня.

После чего рука безвольно упала; она потеряла сознание.

Ее слова подбодрили его. Он понимал, что они искренни. Что бы ни было раньше. Кокена увидела в нем теперь мужчину, а не изнеженного господина. Этого, вероятно, он и добивался. С нескрываемым удовольствием он стал делать то, что раньше делала для него она. Уложил ее поудобнее, разыскал в рюкзаке еду. После обмотал бинтом окровавленную руку, скинул рюкзаки к подножию скалы и спустился сам, чтобы устроить место для привала.

Только когда оба были внизу, он позволил ей смазать и перебинтовать ему руку. Кокена вновь оказалась на своем месте, и это ему по-прежнему нравилось — кроме того, с приятным потрясением он сообразил, что Злоба на какое-то время совершенно выпала из его головы и что есть множество безотлагательных вещей, о которых ему надо позаботиться.

ДЕВЯТЬ

Первыми словами Кокены в тот вечер, под песню одинокого сверчка, были извинения:

— Простите, что не смогла остаться с вами, господин Пятый. Я не собиралась...

— Больше никогда не называй меня так, — сказал он, прерывая ее. — Я человек, а не титул: глупый человек, едва не погубивший тебя.

— Да, Атон, — сказала Кокена. — Только на Идиллии никто не умирает. — Она встала. — Меня ждет работа.

Атон схватил ее за лодыжку и притянул к себе:

— Сделаешь завтра. А сейчас будешь спокойно отдыхать, иначе я тебя побраню. Почему ты не сказала мне, что устала?

Она горестно улыбнулась:

— У рабыни не должно быть личных проблем. Их достаточно у господ.

Атон в душе побледнел, услышав про господ. Значит, между ними ровно ничего не изменилось.

— Ты была рабыней всю жизнь?

Еще одна горькая улыбка:

— Конечно, нет. Никто не рождается для рабства. Существуют конвенции... Я попала сюда единственно возможным способом: добровольно.

— Добровольно!

— Это хорошее место. Пришлось выждать длинную очередь. Отбор очень строгий.

— Я это заметил, — сказал Атон, любясь ее фигурой.

Кокена, бессознательно защищаясь, выставила перед собой руки.

— Я рабыня иного рода и не хотела бы, чтобы вы говорили обо мне в таких выражениях.

— Извини, — сказал Атон с раскаянием, — но я — мужчина. И мои выражения отчасти определила ты сама. Разве у тебя не случаются порой неприятности с мужчинами в таких вот уединенных местах?

— Случаются, — призналась она. — Но мы обучены защищать себя.

Атон подумал о некоторых известных ему приемах.

— Даже от космогардов?

— В особенности, от космогардов.

Он рассмеялся:

— Гордость не позволяет мне в это поверить, но именно такой ты кие очень нравишься.

Кокена рассмеялась вместе с ним, и он ощутил в своем теле прилив тепла. Но на заднем плане маячил неумирающий образ Злобы.

Он попытался отогнать его:

— Ты удивительно сильна для женщины, Кокена. Откуда ты родом?

— Я не должна говорить...

Внезапно в этом не оказалось нужды.

— Хвея! — воскликнул он. — Таких женщин, как ты, нет больше нигде в галактике. Лишь на моей родной планете.

С этим открытием его интерес к ней расцвел и утратил всякую праздность — если она вообще когда-либо была.

— Назови свою Династию!

— Пожалуйста, не надо.

Атон щелкнул пальцами:

— Четвертая? — спросил он, и ей пришлось кивнуть. — Мне следовало догадаться. Замыслы Аврелия всегда безупречны. Он клялся, что устроит прекраснейший брак — и он это сделал, несомненно сделал. Я бы полюбил тебя.

Выражение ее лица не изменилось, но он почувствовал, что чем-то ее обидел.

— Я говорил о прошлом, — неубедительно произнес он, однако вред уже был нанесен. — Это была песня, прерванная песня. Она вела меня, и я не мог свернуть в сторону. Теперь я как рыба на крючке; я могу признать лишь то, что могло бы случиться.

— Вы упоминали об этом раньше.

«Да, конечно... я рассказал все, не зная, кому говорю. Не зная!»

— Как ты сюда попала? — спросил Атон, чтобы скрыть смущение.

— Я никогда не видела человека, за которого должна выйти замуж, и не знала его имени, — сказала она почти неслышно. — Но я... я возненавидела его, когда он опозорил мою Династию. Он отверг меня без единой встречи... а Династии не расторгают союз. Я не могла там оставаться.

Атон попытался взять ее за руку, но она увернулась.

— Я не знал. «Третья дочь Старшего Четвертого» — это лишь обозначение, а не личность.

— У рабынь тоже есть прошлое, — сказала она. — Но оно не в счет.

— Ты наверняка знала! Мы встретились не случайно.

— Нет. Лицо и имя были мне незнакомы. Пока вы не заговорили о прошлом, и я не начала понимать. Династии не смогли представить нас формально...

— И ты не сказала ни слова. Ни слова!

Атон не был голоден, но нервно вынул из рюкзака судок-самогрев и принялся есть. Кокена последовала его примеру: только в ее руках оказался замороженный пакет. Атон понимал, что эта символика случайна, но рискнул сделать еще одну попытку.

— Давай забудем все, что произошло между нами, — сказал он. — Это... Слишком много нужно преодолеть. Слишком много стыда. Давай начнем все сначала. Я хочу знать о **тебе все**.

Кокена не отвечала.

— Ну, пожалуйста!

Она колебалась:

— Рабыня не может...

— К черту рабыню! Ты — женщина, на которой я должен был жениться, и я хочу **знать**.

Она молча покачала головой.

Раздраженный Атон растерянно смотрел на нее. Раньше она непокорной не казалась — но раньше он и не расспрашивал ее о себе. Вероятно, обстоятельства отменили условности. Если не...

— Послушай, — сказал он. — Ты говорила мне, что на Идиллии не умирают. Это ведь сказано не ради красного словца, а? Это должно означать, что за клиентами все время наблюдают... и не только их верные рабы. За нами сейчас следят?

Кокена опустила глаза.

— И если б я не поймал тебя на скале, какаянибудь штуковина выскочила бы из камня, ткнулась в меня механическим носом и утащила тебя... Отвечай!

— Что-то вроде этого.

— А если бы ты сказала хоть слово, тебя понизили бы до выгуливания собак?

— Некоторые собаки очень милы.

— Ну, если ты настаиваешь на такой глупости, я просто обязан снова вскарабкаться на эту скалу, прыгнуть вниз и заставить эту штуку поймать меня в воздухе. Где была бы тогда твоя ценная работа?

— Пожалуйста, — прошептала она.

— Надо было взять ДЗЛ, — печально возразил он. — «Имей мы, кроме мира, время...»

— Возможно, я застенчива, — сказала Кокена на этот раз с каким-то воодушевлением, — но я не ваша...

Она лежала на листьях, волосы утопали в них. Атон лег рядок, опершись на локоть. Он ухватил прядь ее волос.

— Я слишком быстро избавился от условностей и, увы, оценил огромную мудрость выбора старших.

— Нет, — сказала она. — Тот позор давно забыт.

— Я искуплю его. Я обещаю жениться на дочери Четвертого...

— Нет!

Раковина закрылась.

Подъем стал теперь более неторопливым. По мере того, как они приближались к вершине, внизу разворачивалась величественная перспектива. Атон должен был признать, что чувствует себя лучше, чем когда бы то ни было. Бодрый вид и спокойная сила характера Кокены сочетались с красотой пейзажа, вновь превращая жизнь в достойное событие.

Ему было жалко, что они достигли вершины. Он, как и прежде, предпочел бы восхождение: не останавливаясь, не думая, не сталкиваясь со сложностями жизни по ту сторону горы, лишь вдыхать пахучий ветерок да слышать сухой хруст под ногами. Зловещая тень Злобы ненадолго уменьшилась. Насколько сильнее стало сейчас живое видение Кокены — безыскусно бойкая, она ни о чем не спрашивала, лишь короткие локоны подпрыгивали при ходьбе.

В порыве чувств Атон обнял ее. Она нахмурилась, но не скинула его руку. Последний отрезок до вершины они прошли вместе.

Атон ожидал какого-то особого вида, но открывшийся его взору пейзаж превзошел все ожидания. Гора оказалась не одиночной, а двойной: крупная расщелина разделяла ее половины, круто спускаясь на полкилометра и превращаясь в узкое ущелье между ними. Склоны с обеих сторон были почти отвесны. Он отошел на шаг с отвращением к своей тяге к пропасти.

— Когда-то, — сказала Кокена, тревожно удерживая равновесие у края, — здесь было поле и ручей...

— Ручей?

— Маленькая речка. А поле — это плоская местность.

— Больше не буду перебивать, — согласился он.

— Давным-давно из земли поднялась гора. Но ручей был старше и не потеснился. Он разрезал вздымавшуюся глыбу. Вскоре — через какую-нибудь пару геологических эпох — горе это надоело. Она стала подниматься быстрее, и река не смогла ее побороть. Река сдалась и, в конце концов, обогнула гору. И вот результат: русло на километр выше реки, а у горы два пика.

— Если б я был рекой, — сказал Атон, — я бы пробуравился **сквозь** эту выскочку.

— И пожалел бы об этом. Река пыталась это сделать, на берегу озера есть отверстие, ведущее в подножие горы. Но вода, входя с одной стороны, с другой не выходит. Так что большая часть реки отступила и держится подальше от этого места.

— Я ее не виню. Хорошо, что вовремя предупредила; ты уберегла меня от больших неприятностей.

Атон стоял позади нее, наблюдая, как ветер из расщелины откидывает назад ее волосы и теребит походную юбку.

— Песня исчезла, — сказал он.

Кокена медленно повернулась:

— Атон.

«Раковина раскрылась, — подумал он. — Лишь от прикосновения истинной любви».

Он неторопливо вынул хвёу из своих волос и воткнул ей в причёску. Кокена радостно улыбалась, ее глаза сияли. Они стояли на расстоянии вытянутой руки, молча всматриваясь друг в друга и в хвёу.

Потом она оказалась в его объятиях, всхлипнула у него на плече.

— Атон, Атон, обними меня. Ты — первый...

Он прижал ее к себе, испытывая чувство, которое наконец-то было естественным, а не злокачественным.

Она отступила на шаг, резко вырисовываясь на фоне утреннего неба. Она вся лучилась.

— Так ново, — сказала она. — Так прекрасно. Поцелуй меня, Атон, чтобы я поверила...

Он положил руки ей на плечи и медленно притянул к себе. Когда ее лицо приблизилось, перед ним будто бы проплыло облако. Мерцающее, тающее...

...И это было лицо миньонетки. Волосы цвета живого пламени обрамляли его, переплетаясь в змеином великолепии. Черно-зеленые глаза заглядывали в его глаза. Алые губы приоткрылись.

— Поцелуй меня, Атон...

— Нет! — закричал он. Его мечта о свободе лопнула. Он отгородился от призрака рукой, чтобы не видеть переменчивых глаз, и в ужасе оттолкнул его.

И остался стоять на горе один, окутанный мелодией...

ИНТЕРЛОГ

Любовь построила дворец

На гнили и дерьме.

Вильям Батлер Йетс, «Разговор Безумной Дженни с епископом»

Это не наш народ.

Вселенная в его понимании была чиста:

Яркие незапятнанные солнца отметали кружившуюся пыль,

Вечно скапливались туманности — пока одна из них

не лишалась милости.

Наша галактика больна:

Она гниет с ядра, разлагается на части, гноится

с отвратительным зловоньем,

Пораженная предельным ужасом:

Жизнью.

Из этого болота поднимается небывалая пародия на разум,

Посвящающий себя великому морю порядка,

Заражающий каждую частицу.

У него несколько личин, но нас интересует ближайшая:

Человек.

Это не наш народ.

Враг — человек.

Это зло должно быть вычеркнуто, галактика стерилизована.

Да не останется ни следа грязи.

Однако недуг зашел далеко;

У инфекции больше возможностей, чем у нас.

Преждевременность означает провал.

Мы управляем собственными изменениями: мы умны и искусны.

Мы набираем агентов человеческого рока из их же рядов.

Мы отбираем индивидуума и приручаем его, чтобы он

соответствовал нашей цели.

Это существо душевно нездорово

(Как говорит его культура),

Оно идеально:

Атон.

Атон мечтает о союзе.

Атон желает объять красоту.

Атон стремится убить зло...

Атон, Атон, дитя заблужденья,
«Честность и подлость друг другу сродни».
Сила твоя вырастает из зла.
Посмотри на свои испражненья;
Обмажь лицо истиной,
Забудь притязанья;
Вернись.

Ибо это не твой народ...
А мы не их бог.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. МИНЬОН

§ 401

ДЕСЯТЬ

Было светло, ослепительно светло, даже в густой тени. Атон забыл, как много естественного света расточалось на открытом воздухе. Запах воли был повсюду — сочный и возбуждающий. Был день, и было тепло — не сухой пещер, а свежий душистый ветер.

Свобода! Кошмар теперь позади, его долгое осуждение закончилось. Безумное зло пещер растворялось в прошлом, оставив лишь того Атона, который завоевал свободу, — Атона очищенного, Атона непорочного.

Здесь были деревья, и травы, и голая почва. Человек, покоривший Хтон и не сошедший с ума, упал на колени не в благодарственной молитве, но для того, чтобы физически дотронуться до вновь явленного чуда. Его бледные пальцы зарылись в мягкую землю, наслаждение пробежало вверх по рукам; он поднес горсть ко рту, чтобы на вкус ощутить зелень и прелые листья.

«В природе нет грязи, — подумал он. — И нет ужаса, кроме того, что берет начало в человеческой душе».

Он катался по земле, обуреваемый радостью узнавания. Он знал эту планету — словно не было мрачной интерлюдии между его убийством любви Кокены и теперешним чудом, словно не было в промежутке Хтона как расплаты за преступление.

«Я любил тебя, милая ракушка. Но это была моя вторая любовь — слабее первой. И вот так я тебя освободил».

После полудня какой-то шум вывел его из задумчивости. А выбрался он утром. Его внимание сфокусировалось: звук был результатом действия древнего стрелкового механизма... Выстрел. Мальчиком он его слышал — кто-то... охотился.

Многообещающие ассоциации. Человек, у которого были столь древние вкусы, мог позволить себе и личный корабль. Похоже, он был эксцентриком, нелюдимым одиночкой.

Но если это частный охотничий заповедник, как теперь ему казалось, Атона подстерегала прямая опасность. Здесь могли содержаться многочисленные экзотические хищники. Он сглупил, забыв о бдительности лишь потому, что освободился.

Лучше всего немедленно захватить охотника и взять его корабль. Это решило бы вопрос передвижения, поскольку ему надо покинуть планету, скрыв свою личность от местных властей.

Двигаясь как можно тише, Атон направился к источнику звука. Он привык к каменному полу пещер, и его ноги после вечно сумеречных переходов стали грубы и нечувствительны. Хрупкие прутья громогласно трещали, будто защищаясь каким-то волшебным способом. Наверняка его приближение было слышно за километр!

Он решил сам дожидаться человека, надеясь, что блуждания приведут того в пределы досягаемости. Какой досягаемости? У Атона не было оружия, а случай вряд ли подвел бы незнакомца на расстояние вытянутой руки. Атон все еще мыслил по-пещерному.

Он принялся тихонько нащупывать камешки и собирать их в кучку возле ног. Он стоял за тонкий красноватый ствол, слишком тонкий, чтобы скрыть человека, но удобным для броска из-за него. Стреляли всего один раз — вероятно, для тренировки или по ошибке. Возможно, стрелок нервничал. Хорошо.

Атон швырнул самый большой камень из кучки по высокой дуге, так чтобы тот не задел при взлете ветвей. Камень шумно упал метрах в пятидесяти от его дерева, в стороне от охотника. Исследуя это

явление, человек должен пройти рядом с Атоном. Первый бросок должен быть как можно более точным: метательное оружие, соответствующим образом использованное, так же смертоносно, как нож.

Приближаясь, намеченная жертва что-то фальшиво насвистывала. Неужели глупец ожидает, что сумеет таким образом выследить зверя? Нет никакого смысла обсуждать что-либо с подобным идиотом. Лучше просто убить его и по следам найти корабль. Атон мог управлять любой стандартной моделью.

Свист становился все громче. Атон поднял руку, поудобнее зажав в кулаке камень. Раскрыться придется мгновенно: слишком опасно целиться лишь на звук.

Свист прекратился.

— Должен вам доложить, — произнес скрипучий голос, — что моя старомодная винтовка снабжена старомодным теплоулавливателем. Если у вас хватит ума, действуйте сообразно услышанному.

Дерево кое-как прикрыло бы Атона. Охотник не посмеет подойти слишком близко и вряд ли чего-нибудь добьется, ходя вокруг. Но и Атон уже не надеялся взять над ним верх, поскольку потерял преимущество неожиданности. Придется вступить в переговоры.

— Ума хватит, — отозвался он. — Перемирие.

— Я буду держать ружье наготове, — согласился голос, — столько, сколько, на мой взгляд, будет нужно. Впрочем, я не очень меткий стрелок — скорее угожу в живот, чем в сердце.

Предупреждение было достаточно ясным: человек выстрелит, чтобы искалечить его, а не убить.

Атон принял предупреждение и прежде, чем выйти из-за дерева, выбросил камень. У него не было желания испытывать точность «не очень меткого» стрелка, который оказался не так глуп, как ожидалось.

Охотник оказался низеньким щуплым человеком средних лет. Маленькие, очень ясные глаза выделялись на морщинистом желтоватом лице. Руки тоже желтые, кожа обтягивает сухожилия, ногти — неровные и длинные. Но винтовку эти руки держат наизготовку, и она своим черным дулом вперилась Атону прямо в живот. Этого человека никак нельзя было отнести к изнеженным любителям.

Охотник тоже приглядывался к Атону.

— Когда возвращаешься к природе, естественно, выходишь в чем мать родила, — сказал он наконец.

Атон внезапно вспомнил: снаружи все **одеваются**, а он после пещер был наг. Волосы у него грязные, длинные, борода с запутавшимися травинками достигала груди. Кожа мертвецки бледная, за исключением тех мест, куда въелась пыль.

— У вас вид беглеца, — продолжил человек. — Я хочу знать, почему вам не пришло на ум честно вступить в переговоры, вместо глупейшей попытки подкараулить вооруженного человека. Вероятно, я должен немедленно принести вас в жертву, прежде чем вы воспользуетесь своим шансом.

Человек играл со своей добычей. Он не мог подозревать об истинном положении Атона, так как снаружи никто не знал о местонахождении тюрьмы. Никто, кроме самого Атона. Если бы человек заподозрил это, он тотчас бы его застрелил.

Или еще застрелит? Он наблюдал за Атоном, поглаживая пугающе цепкими пальцами полированный приклад винтовки. Подозревает ли он, что у Хтона здесь выход? Или же знает природу невинной пещеры, ведущей во внутренности планеты, но нуждается в высшем доказательстве... доказательстве, которое убило бы его задолго до того, как он смог вернуться на поверхность? А что если он ищет сейчас не заповедных зверей, но одно-единственное существо, которое поведало бы ему тайну невообразимого богатства и безопасно провело бы в Хтон?

С каким бесконечным спокойствием прочесывал он этот лес из года в год, разыскивая... Атона?

Такому человеку надлежит умереть.

— Как вижу, вы понимаете, — сказал охотник. — Вы пойдете со мной в пещеру и докажете свое происхождение оттуда... или умрете. Необходимо ли доказывать мою способность заставить вас действовать?

— У вас нет такой способности, — заявил Атон, не стремясь отрицать то, что человек, похоже, знал. — Вы не доверяете мне и будете в моей власти... там.

Человек улыбнулся так, что даже Атон похолодел.

— Вы недостаточно хорошо меня знаете.

Лишь однажды Атон проигрывал в единоборстве и почти не знал страха, но сейчас он боялся этого человека. Он поднес руку ко рту и выплюнул гранат.

Глаза другого понимающе сузились.

— Я мог бы пересмотреть свои слова перед лицом вашего довода. Еще есть?

Атон кивнул.

— Спрятаны в лесу?

Кивок.

— Ваши камни могут, в конце концов, привести меня в уныние, поскольку за ними я и пришел. Вы знаете, что такое кодовый корабль?

Атон знал. Никто не мог управлять кодовым кораблем, кроме зарегистрированного владельца. Все механизмы автоматически блокировались, если их включал чужак, не знавший кода. Такой корабль ему не заполучить.

— Мне нужно больше, чем несколько гранатов, которые вы смогли вынести, — сказал человек. — Мне нужны **рудники**. В данный момент мне достаточно доказательства, что вы можете провести меня к ним. Вы его дали. Мы с вами будем соучастниками... со временем весьма богатыми.

— Как мне вас называть, соучастник? — спросил Атон.

Маленький корабль плыл по космосу, туманный шарик планеты Хтона медленно уменьшался позади. Видя его на экране, Атон вспомнил о мнимом несоответствии разгона до второй космической скорости и торможения до галактической нормы уже вне поля тяготения планеты. Но это было необходимо для перехода к ξ -приводу. Три часа назад они двигались со скоростью километр в час относительно нормального движения этой части галактики, и, казалось, падали на независимо от них вращавшуюся планету. Теперь скорость была в тысячу раз больше, а вскоре они перегонят все достижимое посредством химических реакций. ξ -привод, конечно же, нельзя использовать на поверхности планеты, поскольку начальная траектория была бы в этом случае сильно искажена.

Глаза человека затуманились от вопроса Атона, выдавая поляризованные контактные линзы.

— Именно так, — сказал он.

— «Соучастник»? Как вам угодно. Меня зовут Атон Пятый. Вы должны понять, что никакая сила не может вернуть меня в Хтон, пока я не закончу свои дела снаружи. Докажите, что способны помочь мне в этом, прежде чем доверите сотрудничество в ваших затеях. — «Каким напыщенным молокососом я ему кажусь... Но на принцип взаимного недоверия полагаться нельзя», — подумал он.

— Понял. Когда вы узнаете, что я предлагаю, вы с охотой присоединитесь ко мне. Время пока терпит, и я к вашим услугам.

Но мрачная тайна человека оставалась Атону не интересовали богатства Хтона, и у него не было намерения туда возвращаться, но он не мог рисковать убить или бросить Соучастника, пока не узнал больше о способностях этого человека. Дело следовало вести, не причиняя друг другу вреда.

— Я куплю у вас одну планету, — сказал Атон, имея в виду, что выложит еще один гранат за информацию о ее местоположении и за перелет туда.

Соучастник полез за Каталогом Сектора, по величине и оформлению с потерянную Атонову ДЗЛ.

— Он охватывает большую часть человеческого сектора — около двух миллионов звезд. Я никогда не прошу платы за общедоступную информацию.

Атон взял книгу, но не раскрыл ее.

— Я не могу воспользоваться каталогом.

— Вы не знаете Галактических Координат? Я думал, вы — космогард. Эта система — до-§, на много столетий старше. Но существуют же карты.

— Я знаю эту систему. Но вряд ли планета, которая мне нужна, туда занесена.

— Конечно, нет. Это каталог звезд. Вам придется использовать подсекторные эфемериды для орбит планет. Но зачем беспокоиться? Вам выдадут информацию, когда вы войдете в систему.

— Это запретная планета, — угрюмо сказал Атон.

Соучастник опять посмотрел на него, и, когда сместились линзы, зрачки мгновенно обесцветились.

— Действительно, проблема. Знаете, куда надо лететь в первую очередь?

Атон знал.

ОДИННАДЦАТЬ

Земля: дом человечества и его легенд на протяжении времени в десять с лишним тысяч раз больше времени пребывания этого рода в космическом пространстве; планета, каждый звездный год посылавшая в космос сто миллионов человек и население которой при этом не уменьшалось — пока катастрофа озноба не наложила de facto карантин на материнский мир. Один месяц — и стерто сорок процентов всех жителей, необходимо применять термоядерные бомбы, чтобы кремировать горы трупов. Но даже после этого на Земле остается население большее, чем во всей остальной империи вместе взятой, и по-прежнему ее суша, моря и атмосфера набиты скоплениями живой плоти.

Даже ознобу не решить проблемы перенаселения.

Но у Земли — власть. Она — непреложная царица миллиардов кубических парсеков космического пространства: не за счет военной, экономической или нравственной мощи, но за счет превосходства знания. Здесь имелась информация, находившаяся за пределами обычного воображения, — настолько подробная и обширная, что одно ее хранение и каталогизация занимали силы небольшого континента. Здесь находилась Библиотека Сектора.

Немыслимый комплекс представлял собой систему компьютеров, выдававших любую известную информацию любому человеку за долю секунды. Достаточно войти в кабинку и высказать свое желание.

Если эта информация не была под запретом.

Но существовали еще «стеллажи» — всеобъемлющие тома печатной документации, интересовавшие едва ли одного из тысячи и сохранявшиеся в силу древней привычки, несмотря на возраставшее противодействие. Когда-нибудь прирост численности населения уничтожит этот чудовищный пережиток. Пока же он сохранялся. Преданные старожилы содержали архивы в праздном совершенстве, и интерес служил единственным критерием допуска к ним. Земля, в конце концов, была свободной и поддерживала право каждой личности на тягу к знаниям и открытиям настолько, насколько могли позволить человеческая решительность и изобретательность. Информация находилась там в полном объеме, только найти нужную было непросто. Само неудобство стеллажей создавало некоторое преимущество: архивы были слишком громоздки, чтобы изымать засекреченную информацию выборочно. Изъять ее всю было практически невозможно.

Стеллажи занимали кубические километры пространства. Никогда Атон не встречался с помещениями таких размеров: двести рядов длинных низких коридоров, каждый от пола до потолка заполнен с обеих сторон толстыми томами, каждый тянулся так далеко, что стены, казалось, сходятся. На равных расстояниях полки прерывались, создавая дополнительные проходы и выделяя участки, стаккато длин которых также вдавливалось в бесконечно удаленную точку. Атон представил себе, что можно увидеть тягучий изгиб планеты на уровне пола и что в действительности коридоры ограничивает горизонт.

«Сам Хтон утрачивает новизну после этих коридоров. Склонятся ли когда-нибудь творения природы, — подумал он, — перед творениями человека?»

Но с чего начать? Каждый том размером с ДЗЛ — сорок миллионов слов. Каждая полка плотно заставлена, лишь кое-где пустые места: десять книг в метре, шесть волок в стене, две стены в коридоре. Трехметровая секция одного коридора содержит 360 книг — более четырнадцати миллионов слов.

Атон не читал быстро ни по-галактически, ни по-английски. За целый день напряженных усилий он усвоит небольшую часть одного тома. Он может провести здесь десятилетия, но как бы он ни спешил, прочитает до конца лишь долю того, что на виду. Если он будет лишь пролистывать книги, он рискует пропустить роковое слово.

Он начал понимать, почему эти шкафы не запрещены. Лишь по безумной ошибке человек способен натолкнуться на опасную информацию — если, конечно, он опознает ее, когда увидит. Действенно пользоваться библиотекой можно только с помощью компьютера.

Соучастник, находившийся всегда рядом, испытующе посмотрел на Атона.

— Вы раньше никогда не видели библиотеки?

— Думал, что видел.

Там существовали библиотекари, выслушивавшие вопрос и бросавшиеся прочь, чтобы каким-то неуловимым образом породить пачку книг. Здесь их не видно.

— Тогда примите совет. Вы пришли к стеллажам не **читать**, точно так же, как отправляетесь в космос не любоваться вакуумом. Вы исследуете. Выясняете координаты и берете курс (сейчас я говорю о космосе) и пренебрегаете тем, что вас не интересует. Вы не сможете определить местоположение планеты, читая вслепую, точно так же, как не смогли бы сделать это, выглядывая в иллюминатор. Прежде всего нужен каталог, **библиотечный** каталог. Вам необходимо определить секцию библиотеки, которая вам, нужна, затем книгу. Сейчас вы даже не знаете, где вы находитесь, хотя какое-то время мне казалось, что у ваших блужданий есть цель. Возьмите какую нибудь книгу. Взгляните на нее.

Атон молча повиновался.

— Это исследования Эдипова комплекса, — сказал Атон. — Собрание работ. — Он сделал паузу. — Зачем целая книга противоречивых толкований? Сорок миллионов...

— И, вероятно, ни один из авторов по-настоящему его не понимает, — резко произнес Соучастник. — **Мы-то уж** точно. Вы позволили плутающим ногам привести себя к секции и книге, не имеющим никакого возможного отношения к загадке, которую вы должны разгадать. Что вы, по-вашему, делали?

— Полагаю, это действительно бесполезно, — рассеянно сказал Атон. Он поставил книгу на место, его рука, казалось, неохотно расстается с ней.

Неожиданно прозвучал мелодичный аккорд, и между полками замигала лампочка.

— Обращай внимание на то, что делаешь! — прикрикнул Соучастник. — Не то место.

Атон быстро вынул книгу и нашел правильный зазор. Сигнал тревоги прекратился, но поблизости уже послышались тяжелые шаги. Их звук сопровождался затрудненным дыханием.

— Что с вами?

Атон взял себя в руки.

— Что-то... что-то жуткое. Память. — Его лицо приобрело прежний цвет. — Я не... кажусь себе самим собой. — Все его тело тряслось.

Из-за угла вышел толстый бородатый человек. На нем была шапочка с эмблемой Библиотеки Сектора и номером 14.

— Небольшая неприятность, господа?

У него был любопытный акцент. Вскоре Атон понял в чем дело: это же местный земной английский в устах человека, родившегося здесь.

— Ошибка, — ответил Соучастник. — Извините, что побеспокоили.

Служитель неволил, очевидно не рискуя больше доверять книги безнадзорной небрежности. Он был стар, морщины проглядывали на его полных щеках, тыльные стороны мертвенно бледных рук походили на рельефные карты.

— Вам помочь?

— Да, — сказал Атон. — Я ищу планету.

— В библиотеке?

Атон покорно улыбнулся.

— Она называется Minion.

Прореагирует ли служитель?

Хранитель **N14** задумчиво поднял свою окладистую бороду:

— Mignon.[\[2\]](#) Верно, одна из цветочных планет.

— Не думаю, — сказал Атон, но посмотрел на служителя с пробуждающимся уважением. Такая планета Mignon была, он видел ее в эфемеридах, когда искал другую. У всех планет этой системы были цветочные имена.

— О... слово знакомое. Вам известно, что наш шрифт — миньон? [\[3\]](#) Семь пунктов — 2,53 мм...

Атон отрицательно покачал головой:

— Это планета. Обитаемая. Но я не знаю названия светила.

— Мы ее найдем. Каталог, Энциклопедия, эфемериды... не волнуйтесь, мы ее найдем!

Номер 14 говорил со сдержанным возбуждением и самоуверенностью, словно забыл источник вопроса. Это стало его собственной проблемой, и он не успокоится, пока Не решит ее. Атон улыбнулся простодушию хранителя.

— Конечно, под запретом? — спросил тот.

Атон нахмурился его прозорливости.

— Возможно. Честно говоря, я лишь слышал о ней, но не нашел в обычных списках...

— Да. И вы не можете использовать компьютер, потому что он фиксирует все подозрительные заказы. Персонал стеллажей безвреден, ему можно доверять. В основном.

Просил ли служитель взятку за молчание? Или пытался вытянуть дополнительную информацию, чтобы насытить свое любопытство? Каковы его условия? Они следовали за ним по бесконечным проходам, им было не по себе.

Потом перебрались в какие-то широкие коридоры. Вдоль одной стены стоял ряд кабин, каждая со столом и скамьей посередине. Номер 14 завел их в одну из кабин, а сам отправился в каталог.

Атон посмотрел на Соучастника. «Можно ли ему доверять?» — спросил его взгляд. «Приходится», — отвечало выражение лица Соучастника.

Номер 14 вернулся с руками полными книг и маленьким ящичком. Он разложил все на столе.

— Вам придется достичь запретной планеты — не тревожьтесь, это частные кабины — окольным путем, — бодро сказал он. — Светило, конечно, должно быть в списках, поскольку вряд ли можно скрыть звезду, игнорируя ее, но может не оказаться свидетельства его связи с искомой планетой. Вот каталог всех звезд в Секторе Земли. Если требуемое светило находится в нем — а мы вынуждены предположить, что это так, ибо в галактике сотни тысяч секторов, большинство из которых невероятно чужды — то оно наверняка сюда занесено. Этот справочник не выделяет пригодные для жизни планеты, но их нетрудно установить: древние исследователи так или иначе называли обитаемые планеты, а прочим присваивали номера. Давали имена и тем планетам, что представляли какой-то особый интерес. Иными словами, **все** обитаемые планеты названы, хотя не все названные планеты пригодны для жизни. Вы следите за моей мыслью?

Атон и Соучастник кивнули. Разве этот человек **когда-либо** казался невежественным или наивным?

— Это приходит с годами, — сказал номер 14 в ответ на невысказанное замечание. — Хороший библиотекарь находит книгу, даже когда заходит в тупик компьютер. — Он улыбнулся, давая понять, что слегка преувеличивает, и занялся ящичком. Тот замерцал, а его торец засветился. — Я собираюсь спроецировать карту сектора, — сказал он. — Вы, конечно, знакомы с этой системой — белый цвет для ближних звезд, красное смещение для дальних? А вы слышали анекдот про навигатора-дальтоника? Очень жаль. Насколько вы понимаете, на такой всеобъемлющей картине можно показать только установленные навигационные маяки. Через минуту мы перейдем к более подробным картам.

Он дотронулся до панели, и возникла запутанная сеть, связывающая звезды удивительным узором. Атон с болью вспомнил живопись ксестов: возможно, это и есть источник их искусства.

— Это картина, показывающая пути исследований, — сказал номер 14. — Большинству людей как то не приходит в голову, что все обитаемые планеты были кем-то открыты. У нас хранятся отчеты всех первых экспедиций. Мы сумеем получить прекрасное представление о расположении вашей планеты, если вы

ответите на несколько вопросов. Она заселена?

— Да, — сказал Атон, завороченный стремительностью, с которой начался поиск. — По-моему, уже несколько столетий.

— Прекрасно! Это исключает новые колонии, далеко обогнавшие по числу обжитые. — Картинка сменилась, и большая часть нитчатого узора исчезла. — Граница установлена на § 100 — как видите, картина менее запутанная. Используя ее, мы должны сократить список кандидатов до нескольких тысяч. У вас есть какие-нибудь навигационные данные?

— Нет. Планета может быть где угодно.

— Планета может быть только там, где она **находится**. Местные жители модифицированы?

— Наверняка. По крайней мере, женщины имеют репутацию...

— О! Это опять-таки уменьшает количество. Вы, случайно, не знаете, **почему она** под запретом?

— Лишь легенда. Женщины оттуда — сирены, которые живут вечно. Говорят, что... что любить их убийственно.

— О! — воскликнул номер 14, настораживаясь. — Вы влюбились в одну из сирен! Надеюсь, что, к вашему счастью, эта легенда лжет. Даже обычная женщина достаточно скверна. Но допустим, что гениальная инженерия одарила местных жителей долголетием, что, безусловно, могло стать основанием для запрета. Земля перенаселена даже сейчас, и прошло много лет после принятия указа о том, что колонизацию следует осуществлять посредством вывоза людей с родной планеты; естественный прирост населения за счет долголетия порицается.

— Земля не может предписывать... — начал Соучастник. До этого он спокойно изучал проекцию.

Номер 14 пожал плечами:

— Будь по-вашему. Во планета, тек не менее, вне обращения. Это еще больше сужает диапазон, ибо долголетие примерно на пятьдесят лет младше §. С ним считались задолго до того, как оно стало коммерчески осуществимо — понимаете ли, дурные побочные эффекты — а десять лет спустя закон сломался. Или, как гласит неофициальный эвфемизм, и вы это отметили. Земля не может предписывать.

— Десять лет, — сказал Соучастник. — С § 70 по § 80.

Картина вновь сменилась, и теперь карта увеличилась, а пути сменились яркими отметками колоний.

— Модифицированных колоний на этот период немного. Как видите, около сотни. Можно просмотреть каждую из них в каталоге, будь мы уверены, что он перечисляет все планеты. Но планеты, к сожалению, не являются навигационными помехами, как звезды. Уверен, мы зря потеряем время.

— А список колоний есть?

— Запретных в нем нет. Они просто не упоминаются, по крайней мере, по названию, а если и есть, то не в современных томах. У нас не хватает места, чтобы хранить ежегодные издания; в старых книгах, вышедших до запрета, ваша планета, возможно, упоминается, однако они списаны столетия тому назад. Можно найти ее методом исключения... но если в списке больше одной запретной планеты, мы не узнаем наверняка, которая из них ваша.

Соучастник занимался каталогом.

— Дайте мне том Энциклопедии Сектора со словом «Пункт», — сказал он.

— «Пункт»? Как угодно, — согласился номер 14. — Но звезды в Циклоп не внесены.

Через минуту они погрузились в текст.

«Пункт, Ионафан Р., звездный разведчик, § 41-154», — прочитал Соучастник. — Возможно, это наш человек.

— Первооткрыватель Пункта, одной из звезд в нашем списке, — сказал номер 14. — Вероятно, его первая «пригодная для жизни», поскольку он назвал ее своим именем. Но что заставило вас подумать...

— Я следую вашему совету, — сказал Соучастник. — Решаю проблему окольным путем. Обычный путь самое большее введет нас в определенный круг, ибо, как вы указали, запретную планету могли Пронумеровать, словно она необитаемая, или вообще изъять, лишив нас всяких следов. Ключ к решению — в омониме. — Он нашел место и громко прочитал: — «Пункт — древняя единица измерения шрифта... в дюйме семьдесят два пункта...»

— Не понимаю...

— Возьмите каталог и прочтите названные планеты Пункта.

Сбитый с толку номер 14 раскрыл книгу:

— Первые две — безымянные; затем Эксельсиор, Диамант, Перл... понимаю! Это же размеры шрифтов!

— Продолжайте.

— Перл, Нонпарель, Петит, Боргес, Элита. Все.

Соучастник сиял:

— Вы сверены, что не пропустили одну?

— О! Шрифт, который здесь использован...

— Миньон? — воскликнул Атон. — Семь пунктов!

— Седьмая планета, — прошептал Соучастник.

— Приходится признать у исследователя чувство индивидуальности, — сказал Соучастник. — И юмора. Ионафан Р. Пункт, вероятно, подписал частный контракт на заселение нескольких первых пригодных к жизни миров, которые он откроет, и предчувствовал неприятности, если бы Земля за что-нибудь уцепилась. Он не собирался позволять такой ерунде, как запрет, вычеркнуть одну из его планет.

ДВЕНАДЦАТЬ

Своими отлогими зелеными горами и отсутствием промышленности Миньон напомнил ему Хвею. Корабль, укрытый на глухой поляне, казался чем-то инородным девственной планете.

Атон шел по пересеченной местности, пока не наткнулся на пыльную дорогу, которая, как показала предварительная разведка с воздуха, вела в ближайшую деревушку. Соучастник позволил ему путешествовать в одиночку — невозможно было бежать с запретной планеты как-то иначе, чем он прибыл. Миньон оказался захолустьем: его жители, конечно, знали о галактической технологии, но не в состоянии были ею воспользоваться. Наказание было жестоким.

Показались первые допотопные лачуги. Они были сделаны из глины и соломы, но выглядели очень уютно, а запах, присущий буколическим поселениям, почти отсутствовал. Это означало, что местные жители чистоплотны. Они бродили вокруг — скорее люди, чем гуманоиды, — не обращая на чужестранца никакого внимания. Модификация не вызвала никаких неприятных изменений — во всяком случае, видимых: низкорослые мрачно нахмуренные мужчины, облаченные в короткие одежды, высокие женщины — в паранджах, скрывающих все тело.

Навстречу ему до дороге шла пара. Мужчина с ровно подстриженной бородой и в набедренной повязке был на добрых пятнадцать сантиметров ниже спутницы, но, похоже, чувствовал себя достаточно уверенно. Женщина пошатывалась под тяжестью огромного тюка, который вкупе с мешавшей движениям паранджой грозил в любой миг свалить ее на землю.

Атон посторонился, давая им пройти. Ему показалось, что под тяжелыми складками жара особенно невыносима; и в самом деле, женщина покачивалась при ходьбе. Ее нога ступила на камень, она пошатнулась и чуть не упала. Когда она попыталась удержать равновесие, тяжелый тюк задел мужчину.

Человечек раздраженно заговорил на непонятном Атону диалекте, но в его словах нетрудно было распознать забористое ругательство. Мужчина зашелся в гневе и ударил женщину по лицу. Она упала, тюк выпал из рук и покатился по дороге к ногам Атона.

Пока женщина пыталась подняться, мужчина еще раз выругался и сильно пнул ее норой. Атон никогда не встречал столь подлого нрава. Женщина не издала ни звука, а лишь быстро опустилась на четвереньки, чтобы поднять тюк. Схватив тяжелый сверток, она, шатаясь, встала. Мужчина изливал через дорогу плотный поток односложных слов.

Они пошли дальше, так и не удостоив чужака вниманием.

Проходя по деревне, Атон заметил, что никто из мужчин ничего не делает. Работали одни женщины — и весьма усердно.

Какой-то старик стоял в одиночестве, прислонившись к дереву на краю главной площади. Атон обратился к нему на галактическом языке знаков:

— Где может остановиться чужестранец?

Старик оглядел его и прожестикнул:

— У тебя есть женщина?

Символ в действительности означал «движимое имущество женского пола».

Атон подумал о Злобе.

— Нет.

— Ты пришел в благоприятное время. Можешь взять сегодня вечером дом и жену Розового Утеса.

Атон замешкался. Обычаи в галактике разнообразны, но лучше досконально понять положение дел и лишь тогда принимать на себя опасные обязательства.

— Розовый Утес куда-то уехал?

Старик показал на площадь. Атон увидел то, что проглядел раньше: мужчину, привязанного к большому вертикальному камню, и зловещие орудия, разложенные перед ним на помосте.

— Казнь? Преступник?

— Нет.

— Жертвоприношение?

— Нет.

— Тогда почему он связан?

— Он был неосторожен.

— ? (Знак растерянности.)

— Он влюбился в свою жену.

— (Растерянность.) За это его будут пытаться?

Старик посмотрел ему в глаза:

— Это обряд милосердия.

Атон не остался на обряде с участием неосторожного Розового Утеса. Он пообещал вскоре вернуться и отправился бродить по окрестностям, пытаясь разгадать тайну этого народа. Официально и в фольклоре они могли производить впечатление чудовищ — но где же этот ужас, поставивший галактику в безвыходное положение? Что означает однозначное осуждение торговли и информации? Пока я видел невероятно патриархальное общество, где женщина была доведена до такой покорности, что даже любовь к ней объявлялась преступлением.

Но сомнения оставались. Среди этих женщин Миньона, закутанных в паранджи — он не мог думать о них как о «миньонетках» — невозможно было узнать лицо или какую-то особенную черту. Однако что-то в них было тревожно знакомым.

Он отбросил эту мысль. Конечно, сходство было. Ведь Злоба родилась здесь.

У деревенского колодца женщина наполняла большой кожаный бурдюк. Она завязала его сверху ремнем и, пошатываясь от тяжести, забросила себе на плечо.

Атон загородил ей дорогу, предлагая взять сосуд. Он делал это не из рыцарских побуждений, а лишь для того, чтобы узнать о ней чуть больше. Женщина отпрянула в сторону.

— Я хочу помочь, — просигналил Атон. Он дотянулся до бурдюка и схватил ремень, но она так быстро отклонилась назад, что под него попал уголок вуали. И вуаль сползла с лица.

Атон уставился на нее. Это была Злоба.

Он дал ей уйти. Рассудком он понимал, что Злобы на планете нет. Даже если бы она была, вероятность случайной встречи с ней была ничтожна. После того, что он пытался сделать давным-давно, и почти изъятая из памяти, она не могла вновь искушать его у колодца. Он вспомнил мнимую перемену в лице дочери Четвертого и картину, что увидел в громадной газовой расщелине Хтона. Не всегда можно доверять своему зрению.

Но если это не очередное бредовое видение...

Еще одна женщина спускалась по тропе. Он подошел к ней, предложил помочь и тут же грубо откинул вуаль. Опять лицо Злобы? Нет — глаза не так глубоки, волосы менее огненны. Выцветшая Злоба. Что это значит?

До сих пор он колебался, соблюдая местные обычаи, но теперь должен все узнать. Кто безумен — он или планета?

Две женщины шли рядом по дороге, влача неизбежные ноши. Атон загородил им путь и с мучительным предвкушением сорвал вуали с обеих.

Одинаковые лица встретили его взгляд. У каждой — длинный поток огненных волос и темно-зеленые глаза. Близнецы — отражения его возлюбленной.

— Кто вы? — закричал он вслух и знаками.

Ему ответила двойная улыбка разрушительной красоты.

— Меня зовут Боль, — просигналила одна.

— Жуть — мое имя, — сообщила другая.

Наконец Атон понял.

К вечеру обряд милосердия был совершен. Беззвучно висел выпотрошенный труп, медленно улетучивалась вонь от сгоревших внутренностей. Пустые глазницы Розового Утеса взирали на друзей, сидевших на душистой траве площади, — они оказали ему услугу и теперь отдыхали.

Атон стоял на краю площади, не совсем понимая, в чем смысл этого не-сатанизма. Розового Утеса никто не порицал — просто нужно было очистить его от низких чувств. Несомненно, последний остаток любви был вырван с кровью до того, как он умер. Теперь прекрасные миньонетки, отбросив вуали, восторженно пели хором — изумительным хором — заключительный гимн обряда. Атон затрепетал от звуков этой песни. С самого детства он не испытывал такого очарования — хотя под его поверхностью таилась неуютная иномирянская горечь.

Мужчины Миньона, нахмурившись, сидели отдельной группой. «Понимаю, — подумал Атон. — Вы исполнили вынужденный спектакль и теперь сердитесь, что понадобилось ваше искусство, сердитесь на своих красавиц-женщин, на свое общество. Вы всегда сердитесь».

Наконец миньонетки надели вуали и присоединились к своим хозяевам. Хмурые взгляды и проклятия растворились в сумерках. «Наверняка эти женщины рады при удобном случае покинуть планету, чтобы служить нормальным мужчинам. Но побуждения Злобы вряд ли были столь ординарны».

Одна женщина молча стояла перед трупом в молитвенной позе. Атон подошел сзади и взял ее за руку. Это была вдова Розового Утеса.

Она привела его в хижину на окраине и покорно отступила в сторону, пропуская первым. Она восприняла перемену без малейшего сопротивления и удивления. У нее был мужчина, который ее любил; теперь мужчина, который ее не любит. Вот и все.

Темное пространство пахло свежим сеном. Глаза привыкли к мраку, и оказалось, что комната просторнее, чем можно было подумать — очень чистая и уютно обставленная. У задней стены располагалась лежанка из мягкой травы, по ширине годная для двоих. Рядом, на низком столике, лежали взбитые подушки, свеча и плетень.

— Я голоден, — властно прожестикуюлировал Атон, и женщина принесла ему хлеб и воду. Он сердито отшвырнул еду, и она вышла, чтобы заменить ее. — Я устал, — пожаловался он, и она нежно раздела его и повела к лежанке. Положила его и умело поправила подушки.

Миньонетка покорна, миньонетка сильна.

Разум Атона с ужасом припомнил сходную сцену. Он не хотел ее вспоминать, но ничего не мог с собой поделать. Когда-то давно он оказался наедине с женщиной, с миньонеткой. Но тогда он раздевался сам.

— Скажи свое имя, — ему нужно уничтожить воспоминание.

— Невзгода, — просигналила она в ответ.

Ему показалось: «Злоба». Он опять увидел замкнутый пузырь жилища на астероиде — космotelь. Они вдвоем пришвартовали челнок, перешли из корабельного шлюза во входной и дальше в роскошные покои. Он тотчас же снял плотно облегающий защитный костюм, обнажившись перед ней в полумраке. Злоба была спокойна и флегматична — и едва ли напоминала то искрящееся существо, что он похитил недавно с заставы Ксеста. Раздеваться она не стала.

— Хочешь знать мое имя? — «Бессмысленный разговор, едва видимый в наступавшей ночи. Как убить это жуткое воспоминание?»

Невзгода ответила:

— Если хозяину это доставит удовольствие.

— Черт! — взорвался он, бросив взгляд на вуаль и обнаружив пустую маску космокостюма, скрывавшего ее красоту. — Раболепная пустышка! У тебя есть хоть одно собственное желание?

Он говорил вслух, забывая сигналить; он знал, что никто из местных его не поймет. Но Невзгода отреагировала блаженной улыбкой, заметной даже сквозь темную вуаль.

Сердитый и встревоженный, он сорвал вуаль. Попался ли он...

Волосы у нее были тусклые, глаза — серые. Невзгода напоминала скорее Капитана, чем нимфу. Она продолжала улыбаться, но уже безучастно.

«Я глупец, — подумал он. — Если бы она поняла мои слова, то она бы не улыбалась. Это и впрямь местная девушка, воспитанная отвечать на грубость виноватой улыбкой.

Однако мужчину, любившего ее, замучали до смерти».

— Можешь звать меня «Каменное Сердце», — сказал он, подлаживаясь под очевидный обычай планеты. Он все еще сердился, как, вероятно, сердились все местные мужчины... на женщину, на общество, которое она представляла, на его мерзкую и угрюмую тайну. Эта ситуация всплывет в жутких воспоминаниях, будучи несправедливо похожей.

— Почему ты некрасива? — теперь он был намеренно зол, и его раздражение обернулось на самого себя. — «Гнев порождает гнев?»

Невзгода лишь улыбалась.

— Сними одежду, — приказал он. Он едва различал ее в темноте. — Сначала зажги свечу. Я хочу тебя видеть.

Она вяло повиновалась.

Ее тело было великолепно. Длинные волосы ниспадали на плечи и прекрасно вылепленные груди, а его взгляд следовал за складкой космокостюма, когда тот соскользнул с узкой талии и широких бедер. Наедине с ней, совершенно наедине, впервые...

«Но это же воспоминание! — подумал он. — Я смотрю на Невзгодку, а не на Злобу! Не на Злобу. Не...»

Нет, не подданный какой-либо планеты, но здесь, в непреложной уединенности космостеля — платного временного жилища новобрачных и богатых космических путешественников. Роскошное место, роскошное тело, наконец-то оковы сняты.

«Невзгода!»

«Я люблю тебя, Злоба, и ты — моя».

«Невзгода!»

«Почему ты не отвечаешь, Злоба?»

«Воспоминание...»

«Почему молчишь?»

«Злоба...»

«Почему отодвигаешься? Ты больна? Злоба, Злоба...»

Но она была лучезарно здорова, волосы ее все горели и горели, глаза никогда не были так глубоки; естественная, нормальная, не считая того, что она, казалось, знать его не знает.

«Поговори со мной!»

Она молчала. Что за невидимая рука наложила на нее чары, лишила дара речи в час торжества? Что это — постгипнотическое состояние или приказа отданный неведомым врагом ради его уничтожения? Не его ли долг вырвать сейчас ее, спящую красавицу, из этого состояния одним-единственным жарким поцелуем?

Атон поцеловал ее, но она не пробудилась. Ее губы были мягки, безответны.

Или требуется большее усилие? Должен ли он овладеть ею?

А ведь он еще не подарил ей хвёу!

Он поднял миньонетку — одна рука под ее плечом, другая под мышкой — и перенес безвольное тело на диван.

«Невзгода!» С жутким потрясением Атон вернулся в настоящее.

Невзгода лежала на соломенном тюфяке, нагая и прекрасная, открытая его ласкам. Он думал, что Злоба — единственная в своем роде, но вот перед ним ее копия, одна из десятков только в этой деревне, и сотен, тысяч на планете. Он ошибочно принял стандартные признаки вида за красоту, всю жизнь обманывая свои чувства.

Невзгода вновь улыбнулась, изогнувшись от удовольствия. Как странно, что эта женщина, которую он в общем-то не желает, так чутко реагирует на его небрежное прикосновение, тогда как Злоба...

«Злоба... — это амнезия?» Она не выказывала ни беспокойства, ни тревоги, ни смущения. Видела его, признавала — но как мебель, а не как мужчину. Она не пребывала в ступоре, но и не прикоснулась к нему, когда подвинулась.

Могла ли любовь миньонетки ослабнуть? Или ее вообще не было? Ее пламенные волосы и бездонные глаза отрицали и то, и другое. Ее любовь сильна. Она предназначалась ему; миньонетка никогда бы не пошла с ним без любви.

В космосе она была невероятно способным капитаном. Без веской причины она не сделала бы ничего. Должен быть мотив. Знала ли она что-то, чего не знал он? Что-то, чего не могла ему сказать?

Перед Атоном промелькнуло видение простенькой драмы. В чулане скрывается преступник с пистолетом в руке, готовый вот-вот похитить и обесчестить героиню. В дверях — ее любимый: сильный, красивый, умный. Но если она даст знать о своем предпочтении, любимый умрет первым. Она вынуждена молчать и как-то знаками передать ему, что скрывающийся незваный гость не остановится ни перед чем. Если она сумеет тайком передать это известие, задача решена.

Злоба лежала неприкрытая — руки вниз, ноги слегка раздвинуты — изумительно прекрасная. Дышала она ровно, глаза были закрыты.

Где же злодей? На навесном замке виднелась пломба владельца. Здесь не могло быть третьего, на этом заброшенном безвоздушном астероиде, куда кислород был подан перед самым их появлением. Не могло быть ни тайного подслушивающего устройства, ни дистанционного управления. В первую очередь владельцы продавали уединенность. «В КОСМОТЕЛЕ ВЫ МОЖЕТЕ РАССЧИТЫВАТЬ НА УЕДИНЕНИЕ», — рекламировала фирма, и у нее имелись средства для защиты своего доброго имени.

Злоба лежала без движения. Тайна глубже, чем... Атон не мог заниматься любовью с куклой. Его сбили с толку.

Вмешался душевный цензор. Воспоминание прервалось. С облегчением перенес он все внимание на Невзгodu.

При свече ее волосы заблестели. Эта женщина, если он понимал знаки, уже училась его любить — а он лишь обругал ее. Внезапно он почувствовал угрызения совести, теплое чувство к ее страданиям.

Невзгода отпрянула.

На этот раз он не сигнализировал, не говорил, но она отреагировала. Миньонетка была телепаткой! Он подозревал об этом и раньше, почему же вдруг забыл? Она могла читать его мысли или, на худой конец, чувства и отвечать на них, а не на слова.

Только одно казалось странным.

Атон собрал все свои душевные силы и обрушил на нее, как только мог, поток свирепости, ненависти и гнева.

Неожиданная радость осветила ее черты. Она привстала, схватила его за плечи, прижалась к нему и страстно поцеловала.

Чувства у нее перевернуты! Его ненависть — ее любовь!

Все совпадало: злодейства низкорослого человека на дороге — ответ на любое раздражение мужчины. А Злоба... она же была возбуждена, когда он сердился или тосковал, и холодна, когда он был настроен романтично. Неудивительно, что поладить с ней было невозможно.

Невзгода лежала рядом с ним, ее волосы блестели. Он ударил ее. Миньонетка качнулась от удара, ослепительно улыбаясь. Он схватил ее пламенные пряди и грубо потащил к себе, поражая ее ненавистью. Невзгода подскочила, чтобы встретить его дикий поцелуй. Он сильно прикусил ей губу, как ему показалось, до крови; она застонала от удовольствия, но крови не было.

Атон схватил рукой ее шею и осторожно сдавил. У него в уме возник образ нежных полей хвей — ждущая, льющаяся через край любовь, самозабвенно жаждущая своего предмета.

Невзгода выкручивалась и боролась, ее лицо исказило страдание.

— Да, — сказал он, — тебе больно, ведь так? Насколько было бы больнее, если бы любил тебя я сам, а не только хвей?

У миньонетки вырвался сдавленный крик.

Атон держал ее крепко, хотя она очень сильно вырывалась.

— Вот видишь, Невзгода, — я куда больший садист, чем ты думала. Я знаю, что тебе больно находиться рядом с любовью — и причиняю тебе боль тем, что люблю тебя. И ты должна с радостью вернуть любовь мужчины, который делает тебе больно.

Она прекратила борьбу и смущенно посмотрела на него. Она не понимала произносимых слов, но их настроение было разрушительным.

— Я пожалею тебя, — продолжал Атон, не выпуская ее. — Я пощажу тебя, ибо моя любимая меня не пощадила. Поскольку я не могу непосредственно воспринимать твои чувства, как ты мои. Поскольку ты не способна постичь парадоксальный склад своего характера. Поскольку я понимаю искренность твоих намерений и необходимость твоего вдовства. Поскольку хочу сделать тебя счастливой на то короткое время, что отпущено мне. Я награжу тебя, выплеснув весь свой гнев, который вызвала во мне твоя сестра. Я убью тебя, Невзгода!

Он держал голову Невзгоды в своих сильных ладонях, ухватив пальцами уши, и поворачивал ее. Миньонетка улыбалась. Его мышцы напряглись — он пытался медленно свернуть ей шею. Она целиком отдалась этой роскоши, невзгода напоминала куклу — мягкая, податливая и невероятно упругая внутри. Атона охватила ярость, и он погрузил ее головой в лежанку, словно собираясь закопать в траву.

Давным-давно изможденный, он осознал, что голых рук, как бы умелы они ни были, недостаточно, чтобы убить миньонетку. Она — создание кары, она для нее сотворена, она наслаждается ею.

Проиграв, Атон отдыхал; ее теплое тело прижалось к нему с лаской и любовью. Он не в силах был очиститься от того, что находилось в нем.

А нож проткнет эту хрупкую на вид плоть? Он боялся узнать. Старая плоть не оставляла на ее теле следов.

Но имелись и другие тайны. Все миньонетки словно были отлиты в одной-единственной форме; все извращенно реагировали на садистскую любовь, тогда как мужчины казались нормальными. Он не видел еще старух. Неужели они все молоды?

— Как долго вы живете, Невзгода? — на этот раз Атон спросил жестами.

Она ответила:

— Нет предела...

— Вы бессмертны?

— Нет.

— Как же вы умираете?

— Когда боль очень сильна, она убивает.

«А наша любовь — ваша боль, — подумал он. — Пока мужчина ненавидит вас, вы живете и становитесь все прекраснее, и ваши волосы пылают. Но когда он добр, когда любит, вы умираете.

Однако умер Розовый Утес, а не его жена».

— Ты знаешь смысл любви? — спросил он.

— О да, это мое существование. Я люблю...

— Ты любила Розового Утеса?

— Да... сначала он был хороший. Но у нас не было сына. Потом его душа вывернулась, и он стал причинять мне страдание. Я заставила бы его вновь полюбить меня, если б его не забрали.

Конечно. Миньонетка крепка. Она бы не утаскала в обычной женской беспомощности. Если мужчина «обижает» ее, она старается избавиться от боли, восстанавливая его изначальную установку. Она сделает все возможное, чтобы заставить его, в понимании мужчины, ее ненавидеть. Мужчины Миньона вряд ли позволили бы это. Линия между любовью и ненавистью кажется кому-то тонкой, но может быть устрашающе широкой — широкой как бездна Хтона. Ибо кто знает, как эти жуткие чувства проявят себя до того, как остановятся на избранном предмете?

Мужчины Миньона мудры. Они понимают, что под опасным факелом неуправляемых чувств накапливается разрушительный слой. Они совершают необходимый и милосердный шаг и гасят огонь до того, как миньонетка начинает действовать. Они по-своему добры — они пытаются вернуть мужчине естественную ненависть до того, как он умер, чтобы он унес ее с собой в мир своих духов.

Цивилизация большой галактики не так мудра. Она видит милосердие в воздержании от смерти. Она признает врожденную опасность любви миньонетки, но предпочитает отправлять жертву в вечную тюрьму Хтона, а не исполнять приговор непосредственно.

Но даже Хтон не содержит в себе зла этой любви. А сколько людей там умерло?

Почему Злоба вышла в галактику? Как? Что заставило ее искать Атону? Зачем она соблазнила его юношескую любовь — любовь, которая должна была мучить миньонетку с самого начала? Без Атона Злобе было гораздо лучше, а при ее высоком положении на Торговом Флоте и безопаснее. Или в родном мире, где все мужчины ее понимали.

Мозг Атона знал ответ, но не сообщал его сознанию. Она сказала ему, там...

— Невзгода, любовь воевого Утеса, до того как он изменился, была сильнее моей?

— Нет, Каменное Сердце. Твоя любовь сильнее. Сильнее, чем у любого мужчины.

«Потому что я из галактики. Потому что я представитель вида, не приспособленного к миньонеткам. Что за редкое наслаждение, когда женщина с этой планеты бежит в галактику, где любой мужчина воспринимает свои чувства со всей наивностью. Где, без знания о телепатической связи, каждый неотчетливый оттенок раздражения и боли притупляет его воображение.

Да, мои душевные движения сильны. Чувствительные хвехи улавливали их и росли в детстве ради меня, и Злоба поняла мои возможности — и что-то, еще — когда случайно встретила в том пасторальном мире маленького мальчика. Она совершила жертвоприношение, накинула на мальчика изящную сеть и отправила его прочь, пока распустившееся чувство не стало для нее слишком сильным. Злоба знала, что тогда моя любовь была еще не для нее, хотя она тягостно ее искушала. Я был безобидным развлечением, мигмом предвкушения, полем, не готовым для жатвы.

До тех пор, пока я не нашел ее, настолько измотанный крушениями и сомнениями бесплодного

поиска, что она не в силах была мне противостоять. Она пыталась смаковать меня тайком, близкая, но скрытная, пока картина ксеста не разоблачила Капитана и не раскрыла миньонетку.

...И обрекла нас обоих».

— Ну что ж, Невзгода, — сказал он. — Я одарю тебя сейчас такой любовью, о которой ты и мечтать не смела.

§ 400

10

Девяносто девять мужчин и сто сорок две женщины начали устрашающий Тяжелый Поход. Не со смелостью и отвагой, не решительно и бесповоротно в поисках своей судьбы, но испуганные, отчаявшиеся, гонимые — гонимые несомненным знанием об оставленных позади голоде и муках.

Переворот в нижних пещерах был предан, и каждому приходилось платить цену неудачи. Пищу из верхних пещер больше не опускали. У людей Счетовода достаточные запасы, множество драгоценных камней было накоплено именно на этот случай: они не смягутся.

Осколок голубого граната Влома мог бы выиграть им время, стань о нем известно пораньше. Вместо этого, он роковым образом засвидетельствовал, что они отрицают то, что предводители верхних пещер почитают за истину. Перед лицом этого факта у переворота не было шанса: он оказался лишь удобным предлогом, чтобы уничтожить все население преисподней.

Поход начинали с ощущением нависшей над ними судьбы. Никто не сомневался, что большинство вскоре умрет — и не своей смертью.

Их вела за собой легенда о докторе Бедоуре. Он отправился пять лет назад — самодельный рюкзак и снаряжение привязаны к жилистому телу, в руке острый камень. Он исчез в стране химеры, и больше о нем не слышали — пока Атон не принес весть, что он прорвался. Бедоур появился с обратной стороны здравую смысла — но могло ли его безумие заразить двести сорок одного сведущего и умелого путешественника? Они двигались по его маршруту, выискивали его следы, сели те вообще существовали; во второй раз будет легче.

Конечно же, они ошибались.

Атон в течение десяти часов шагал впереди отряда по просторным пещерам и туннелям, которые незначительно, но постоянно поднимались вверх. Стены расступались в стороны, потолки становились выше; а когда пространство расширяется, ветер становится слабее и прохладнее. Путешествие превращалось в почти приятную прогулку. Если бы не отсутствие еды, внешние пещеры были бы намного лучше для человеческого пребывания, чем уже известные.

Они отдыхали часов шесть, в их голодных желудках урчало. Стражу не выставляли. Приходилось двигаться всем вместе, жуткие подземные твари не рисковали приблизиться к такому большому отряду. И все же они надеялись на нападение — действуя сообща, можно убить даже химеру, в теле которой наверняка найдется мясо. Голод остановит путешествие в самом начале, если не будет обнаружено что-нибудь съедобное. Бедоур наверняка доставал в пещерах пропитание.

На третьем переходе от истощения и голода свалились первые люди. Их тщательно разделали и съели.

Атон стоял в смятенной толпе, когда Старшой показывал, как это делается он отрубил топором еще теплые конечности, другие мужчины оттащили их от торса. Брызнула кровь, покрыла лезвие топора, побилась на каменный пол и, густея, отвратительно потекла по тропе. Первоцвет развел костер из нескольких старых мехов; дым и вонь были тошнотворны, мясо обгорало, падало в огонь и вообще готовилось плохо. Впоследствии они будут довольствоваться сырой пищей.

Топор Старшого продолжал работу, разделявая конечности на маленькие куски и расчлняя туловище. Под конец в ход пошли ножи и камни.

— Кто голоден, ешьте, — сказал Старшой.

В первый раз это сделали немногие. Годные куски завернули в оставшиеся меха и отдали угрюмым носильщикам, поскольку Старшой мясо выбрасывать запретил. Кости и прочие отбросы оставили химере. Через несколько переходов все больше и больше людей сдавалось — и давилось сырым мясом, предпочитая его голодной смерти.

Через некоторое время все выжившие ели — так сказать, по определению. Особо щепетильных забирала смерть.

Щепетильность — не для Тяжелого Похода.

Во время четвертого перехода начались нападения. Отставшие громко кричали, затем их находили с вывороченными кишками. Для сбора пригодных остатков составили бригаду уборщиков. Но до основного отряда химера не добиралась и оставалась для него невидимой.

На четвертой ночевке Старшой нашел занятие предателю. Он привязал Влома к выступу недалеко от привала.

— Когда увидишь химеру, кричи, — посоветовал он. — Если хочешь, спи.

Атон слушал.

— ...знаю, я грешен. Я все время врал. Атон — хитрый, он врал только когда надо. Сообразил, наверное, что, если бы узнали, повязали бы обоих. Интересно, кто же нашел второй осколок голубого граната? Кто-то подобрал его и отослал в дыру. А я теперь расплачиваюсь за все мое мелкое вранье. Потому что я не в силах отважиться на настоящую ложь, хотя она — часть меня. Но я знаю, что должен платить, и единственный способ для этого — сваливать все, как он, на кого-нибудь другого, вроде Гранатки. Я должен нести наказание за ложь, которой не было, и надеяться, что это сделает добром ту ложь, которая была и которую я не способен отменить.

— Кто это? Я слышу тебя, тебе не спрятаться, я прекрасно слышу. Не надо меня дурачить. Я слышу... поступь твоих ног и... рев твоего дыхания, шуршание твоего хвоста и...

Сдавленные крики заставили прибежать людей. Они застыли, сдерживая тошноту, при виде того, что осталось от Влома. Кровь капала из пустых глазниц и изо рта, где когда-то был язык, текла меж разорванных ног.

Старшой осмотрел еще живое тело, взвесил в руке топор и одним ударом разрубил Влому шейные позвонки.

— Я сделал ему чуток легче, — словно извиняясь за слабость, проговорил он.

Другой мужчина отвязал труп от выступа.

— Не это ли и отличает людей от химеры, — сказал он. — Мы убиваем прежде, чем сожрать самые лакомые кусочки.

«Да? — хотелось спросить Атону. — В самом деле?»

В начале шестого перехода отряд вышел к реке — вероятно, километрах в ста от начала пути. Узкая, но глубокая и быстрая водяная струя пересекала пещеру, образуя небольшую расщелину. Первая река, которую они видели в Хтоне, и выглядела она, пожалуй, сверхъестественно.

— Жребий, — сказал Старшой. — Если мы сможем ее пить...

Достали и перемешали гранаты. Процедурой заправлял Первоцвет. Пока Старшой строил всех в очередь, он сунул обе руки в мех с камнями, вынул два сжатых кулака, протянул их в лицо первому подошедшему — сурового вида женщине. Она шлепнула по левому кулаку. Там лежал обычный красный гранат. Женщина взяла его, надменно бросила обратно в мех и невозмутимо отошла в сторону.

Первоцвет опустил пустую руку в мешок и снова вытащил ее сжатой. Следующий в очереди снова выбрал левый кулак: второй красный гранат. Он с облегчением ушел.

Атон был третьим. Он выбрал ту же руку — ему достался роковой голубой обломок.

— Один есть, — сказал Старшой. — Надо бы еще одного, чтобы наверняка.

Из очереди выступила женщина. Это была Гранатка.

— Я пойду, — сказала она. — Без всякого жребия.

Старшой нахмурился, но перечить не стал.

Очередь рассеялась — до первой подобной ситуации. Гранаты убрали.

Старшой указал на воду.

— Пейте! — приказал он. — Сколько сможете. И наполните меха. — Он обратился к остальным: — Останемся с конденсатором. Мы еще не уверены.

Предупреждение было излишним. Вода могла оказаться ядовитой, в ней могли водиться какие-нибудь крохотные, твари, убивающие человека, или большие, подкарауливающие, когда он неосторожно войдет в воду. Хтон никогда не был безопасен.

Атон и Гранатка пили. Вода не была холодна, но по сравнению с извлекаемой из воздуха — свежа и приятна. Если они останутся в живых, остальные поймут, что источник безвреден.

— Пойдем вдоль реки, — предложил Первоцвет, — тогда нам не понадобится конденсатор. И меха.

Старшой взглянул на него:

— Вверх или вниз по течению?

Первоцвет развел руками:

— Понимаю твою мысль.

— Зато я не понимаю! — вмешалась черноволосая знакомая Атона. — Мы пойдем вверх по течению, у нас будет вода, и мы поднимемся наверх. Что-то не так?

— Если мы пойдем вверх, — спокойно объяснил Первоцвет, — то рано или поздно выйдем к слою пористого камня. Сквозь него просачивается влага и капает вниз, пока ее не собирается достаточно, чтобы стать потоком.

— В таком случае пойдем вниз! — сказала черноволосая женщина с нарочитым безразличием.

— Как скоро, по-твоему, мы доберемся до поверхности, если пойдем **вниз**?

Она с недоверием посмотрела на него:

— Толстый бочонок! Мы должны идти или туда, или туда.

— Мы пойдем пещерами, — сказал Старшой, отменяя ее довод. — Пещеры

поднимаются, а ветер в них доказывает, что они **куда-то ведут**.

Отряд, уже не столь многочисленный, как прежде, перешел реку вброд и двинулся дальше. Туннели продолжали подниматься и расширяться. Свечение на стенах уменьшилось, воцарился полумрак; сзади и спереди на колонну все настойчивее нападали невидимые хищники. Атон и Гранатка шагали рядом где-то посреди, но поодаль от остальных. Такое положение не было случайным: проба воды окажется ни к чему, если они станут добычей химеры. Оба оказались в выгодной ситуации: пока не истечет изрядное время, никто к ним не приблизится. Болезнь, разносимая водой, без труда нашла бы слабые организмы...

— Ты меня больше не проклинаешь, Гранатка, — заметил Атон.

— Нет смысла, Атон. Я проиграла.

— Зачем же ты прикрыла меня? — язвительно спросил он.

Она закрыла глаза, двигаясь на звук шагов, как теперь мог делать любой. Вопрос не нуждался в ответе, но она заговорила ради другого:

— Потому что ты похож на **него**. — Первое ее упоминание о жизни до Хтона. — Не внешностью, а своим каменным сердцем. В таких мужиках, в таких демонах, как ты, нет жалости, только цель.

— Ты любила его и убила, потому что он разлюбил тебя, — сказал Атон. — А теперь любишь меня.

— Сначала я пыталась с этим бороться. Я с первого взгляда поняла, кто ты такой.

«О, Злоба, Злоба, неужели ты насмехаешься надо мной и над этой одинокой женщиной? Почему я должен причинять ей боль?»

— Разве ты не знаешь, что я никогда не стану твоим? Никогда не поцелую тебя? Никогда не полюблю?

— Знаю, — сказала она.

— Ты и меня собираешься убить?

Она продолжала идти, но говорить уже не могла.

— Или на сей раз себя?

Мсть была едкая, но это его не волновало. Гранатка — лишь пешка в его игре. Она обеспечила ему алиби в деле с голубым гранатом, подтвердив, что в это время они занимались любовью. Это было скорее приятным воспоминанием, нежели истиной: он изнасиловал ее и обнаружил в ней желание. Теперь Гранатка делила вину за смерть Влома и знала это.

— Не убежать, — сказал он то ли себе, то ли ей. — Я пытался вырваться из-под ее власти, но она настигла меня на расстоянии многих световых лет.

«Зачем я сообщаю свои тайны этой женщине? — гадал он. — В самом ли деле я изнасиловал Гранатку из мести или просто потому, что нуждался в контрасте и собственности — даже в Хтоне? Понимаю ли я свои побуждения?»

11

Еще два перехода привели их в огромные пещеры. Потолки скрывались высоко во мраке, а шириной туннели были в десятки метров. Ветер напоминал слабый шепот и стал совсем прохладным: в Хтоне это приводило в замешательство. Возникло ощущение, предвкушение: больше пещеры продолжаться не могут. Постоянный подъем должен привести отряд к поверхности.

Внезапно стены раздвинулись. Люди замерли на кромке перед огромной пропастью — настолько широкой, что дальний ее край терялся в темноте, и настолько глубокой, что звук от падения брошенного камня не был слышен.

Двести мужчин и женщин столпились в тревоге на краю пропасти: дальше пути не было.

— Зажгите факел, — рявкнул Старшой.

Зажгли головешку, испускавшую желтый свет с давно забытой яркостью. Вытянув ее в руке. Старшой встал на край и посмотрел вниз.

— Так гореть не должно, — пробормотал кто то. — Слишком ярко.

— Откуда ты знаешь? — возразил другой. — Ведь ты не видел настоящий свет уже три года, не так ли?

Когда факел подняли, обнаружился потолок пещеры. Он оказался ниже, чем думал Атон, на расстоянии метров пятнадцати: глыбы висячих пористых образований, напоминающих морское дно, из которых струились вниз потоки мутного пара. Картина была довольно зловещей. Что это за пар, который тяжелее воздуха? Но дальний край по-прежнему не был виден, а глубина, куда опускался пар, — скрывалась в темноте.

Старшой крикнул. Эхо вернулось через десять секунд.

— Есть один способ определить, насколько глубока эта штука, — предложил какой-то мужчина.

Старшой улыбнулся.

— Нет! — воскликнул Первоцвет, тяжело подпрыгнув, чтобы остановить его. Но опоздал. Старшой бросил факел в поток пара. Первоцвет смотрел на него с ужасом. — Это газ, дурак! — крикнул он. — Сейчас загорится.

Отряд как замороженный наблюдал за летящим вниз факелом. Падая, он разгорался все ярче и озарял крутую стену у них под ногами. Яркость была невероятной; факел стал как бы малой сверхновой звездой. Теперь он отражался от белесого облака, заполнявшего дно расщелины. Ближняя стена ничем не выделялась.

Факел упал в облако. Беззвучно, как зарница, вспыхнул свет и исчез. Затем последовала еще одна вспышка, открывшая в неоновом свете величие Хтона.

Атон глянул вниз и увидел на фоне огня и пропасти манящее лицо Злобы. «Поцелуй меня! — молча говорила она. — Вот обратная сторона песни».

Сильные руки оттащили его назад.

— Неужели ты хочешь так глупо умереть? — прошептала Гранатка.

Наконец свечение погасло, и пропасть снова потемнела.

— Недостаточная плотность, — проговорил Первоцвет, обливаясь холодным потом. — Слава Хтону, ты не взорвал нас всех к черту. Ты знаешь, что это такое?

Старшой воспринял замечание:

— Что?

— Круговорот огня, — сказал Первоцвет. Десятки лиц уставились на него. — Смотрите, с потолка спускается пар, своего рода природный газ, и скапливается в озере на дне. Вероятно, существует множество ущелий и трещин, отсасывающих смесь к пламени. Километры труб, наподобие тех, по которым двигались мы, только гораздо глубже. Все в целом — громадная паяльная лампа (если вы

помните старинный термин), выбрасывающая огонь и перегретый воздух с другого конца и нагревающая пещеры. По мере своего движения и расширения воздух охлаждается, снова попадает сюда и оmyвает эти насыщенные образования сверху, поглощая топливо.

— Все-то ты знаешь, — в изумлении произнес Старшой.

Это означало, как понял Атон, замкнутый круг. Водяные пары, кислород, горючее просачивались сквозь пористый камень, а физического выхода не было. Убежать здесь невозможно, даже если бы они сумели перебраться через пропасть. Сквозняк вел в никуда, они по-прежнему оставались в ловушке.

Отряд спал: мужчины и женщины, растянувшись на полу во всевозможных позах, набирались сил и смелости для возвращения назад, к реке. «Утром» неспособные или не желающие продолжать поход будут убиты и заготовлены на мясо: таков был заведенный порядок, и пока для его поддержания жребия не требовалось. Несколько добровольцев стояли на страже, хотя при нынешнем повороте событий химера ужаса уже не вызывала. Если бы она пришла, первый же крик вызвал бы дикую погоню — за ее мясом.

Гранатка не спала. Она молча и неподвижно стояла над отвесным склоном. Ее крупное тело за время голодного похода заметно похудело. Вскоре оно станет совсем тощим — но пока у нее прекрасная фигура.

Атон подошел к ней сзади:

— Я мог бы тебя толкнуть. — «Кончится ли это когда-нибудь?»

— По-моему, вода безопасна, — сказала она.

— Повернись.

Гранатка обернулась с угрюмой полуулыбкой. Атон положил ей руку на ключицу, касаясь пальцами шеи, ладонь посреди груди. Слегка надавил.

— Твое тело упадет в эту мглу, — сказал он. — Сначала будет кувыркаться, потом ударится о дно, и ни один звук не достигнет ушей, человека, а оно будет лежать там любовницей камня и газа, пока совсем не сгниет и не возгорится в пищу жертвенного пламени. Погребальный костер для Гранатки. Тебе нравится?

— Мы оба пили, и ничего не случилось. Хорошая вода.

— Возможно, сначала я овладею тобой, — размышлял он. — Затем ты должна будешь умереть. Все, чего я касаюсь, должно умереть.

— Да.

Он слегка толкнул ее, но Гранатка не уклонилась.

— Позади тебя глубоко, — сказал он. — Как в колодце.

— Я никогда не знал наверняка, как она путешествовала, — говорил Атон. Его рука скользнула вниз, чтобы сжать ее грудь, но продолжала удерживать Гранатку у края. — Я оставил ее на астероиде, запер в космотеде, а сам угнал челнок, так что ей приходилось или оставаться там, или раскрыть свое местоположение внешнему миру. Я отправился домой, потом — на Идиллию, но каким-то непостижимым образом она не покидала меня... и я вновь нашел ее на Хвее. Ода была в лесу со своей песней — песней, которую она так и не завершила. Тогда я понял, что должен ее убить.

Босые ноги Гранатой стояли на самой кромке.

— Но там, в окрестностях усадьбы, не было ни скалы, ни горы. Понимаешь, это должно было произойти как-то по-особому. Я привел ее к лесному колодцу — узкому и глубокому. Пусть паденье убьет ее, как убило оно мою вторую любовь, как разбило раковину.

Он шагнул ближе и, согнув локти, положил руки ей на плечи.

— Ибо смерть превращает любовь в иллюзию. «Поцелуй меня, Атон», — сказала она там на горе, там у колодца. А потом возникла песня. — Он тряхнул ее: — Скажи так и ты.

Глаза Гранатки были закрыты.

— Поцелуй меня, Атон.

Смерть была к ней так же близка, как и его губы.

— Преступление, этот бутон фантазии, должен расцвести в реальности. Я коснулся ее губ. — Он осторожно поцеловал Гранатку. — И швырнул...

Атон грубо приподнял Гранатку, и ее ноги оторвались от края. Она колыхнулась над пропастью и рухнула вместе с ним на пол. Атон гладил ее волосы.

— И она сказала: «Я знала, что ты не сможешь этого сделать, Атон, — не сможешь в реальности». И я не смог. Ибо любовь превратила смерть в иллюзию.

Он обнимал ее, неподвижную и онемевшую.

— О тебе, Гранатка, нет песни, — сказал он. — Но если б я любил тебя, песня бы возникла, и ты бы погибла, ибо мной правит лишь миньонетка.

— Миньонетка, — прошептала Гранатка.

Он обнимал ее, угадывая страх.

— А моя планета, мой дом, моя Хвея продали меня Хтону, потому что я ее любил. Теперь я возвращаюсь.

— Мы все умрем, Атон.

— Проверь, у меня нет выбора, — сказал он, поцеловал еще раз в лицо, в грудь — и ушел.

12

«Тяжелый Поход, — думал Атон, — извлек нас из мира бушующих ветров, в котором мы так долго пребывали, не догадываясь, насколько он уютен. Поход показал нам мир сердцевины печи, где родившиеся газы бросают свою мощь в обширную систему, подобно самой Земле, без малейших послаблений и сострадания, чтобы сгореть быстро и ярко и вернуться, наконец, обессиленными лишь для того, чтобы вновь возродиться и сгореть. А сейчас Поход открывает нам последнюю из могучих стихий — мир воды».

Атон стоял на берегу реки, задумчиво глядя в нее. «Раньше они ее отвергли, будет ли она теперь, как женщина, мстить им?»

Отряд находился в нескольких километрах отсюда, ниже по течению, а двое мужчин отправились в разведку — один вверх по течению, другой вниз. Каждый оставит за собой знаки, отмечая свою тропу; отряд последует за тем, кто не вернется. Это логично: какой человек, обретя свободу, посмеет вернуться в пещеры? Кто рискнет потерять надежный путь и повернет назад? Лишь неудача заставит его вернуться к собратьям.

Так Атон оказался наедине с истоком, поскольку его позыв к побегу был самым сильным. Он был вооружен, имел при себе мешок с сочным красным мясом и чувствовал, что Бедокур убежал именно этим путем. Где-то найдется его метка.

У воды свечение стало ярче. Атон наклонился, чтоб обмакнуть пальцы в чистую жидкость и коснуться сияющей границы у своих ног. Поверхность тропы была ровной и чуть скользкой. При ходьбе он оставлял на темном камне пятна, словно давил въевшиеся в него растения. Зеленое мерцание пробивалось сквозь толщу воды, с сюрреалистической красотой отбрасывало ему в лицо свой свет.

Вдоль одного берега тянулся узкий уступ, своего рода прорубленная тропинка в пятьдесят сантиметров шириной, прилепившаяся к отвесной стене. Атон придерживался ее, это было на удивление удобно. Иначе пришлось бы пробираться по поясу в воде против быстрого течения, доверяя голые ноги неизвестным речным тварям.

Он выбрал этот путь, хотя и не доверял ему. Никогда еще Хтон не предлагал вариант, который воспринимался бы как безопасный. По тропинке наверняка кто-то ходил, и этот кто-то наверняка был врагом. Атон двигался быстро, но не потому, что спешил, — хотя это могло быть и так, если расстояние до поверхности оставалось велико — а для того, чтобы нарушить планы чудовища, преследующего его сзади. Или напасть врасплох на кого-то, притаившегося впереди.

Пройдены километры, и — ничего. Никаких злобных пещерных зверей на пути. Никаких внезапных обрывов. Тропа тянулась ровная и твердая, рядом спокойно текла вода. Наконец стены раздались, позволив реке, перелиться через мраморные берега и залить почти всю пещеру. Тропа, впрочем, сохранилась, продолжая извиваться вдоль каменной реки, между редких завалов.

Пещеры стали разнообразнее. Появились сталактиты — большие каменные сосульки, нацелившиеся в пол, и сталагмиты, выставившие им навстречу свои чудовищные зубы. Река образовывала то шумные пороги, то тихие заводи среди отполированного камня успокаивающих оттенков. Мягкий свет, отраженный водой и гладким камнем, придавал всему сверхъестественную прелесть.

Атон замедлил шаг, пораженный незнакомой обстановкой, как если бы его взволновала красота неизвестной женщины. Ветра в пещерах не было, и его отсутствие слегка тревожило. Окружающие пещеры расширялись, сужались и вновь расширялись в змееподобном ритме — с коврами из скользких камней и стенами, покрытыми гобеленами из минералов. Внушительно возвышались колонны каменный лес, размыкавшийся лишь перед петлявшей рекой и ровной тропой, по которой шел Атон.

Очень подозрительно! Это вовсе не тот смертоносный подземный мир, который он знал. Где саламандры и химеры? Где хозяин тропы? Где красные зубы и когти?

Движение! Атон схватил обломок камня и начал подкрадываться. Ведь если это существо не убежит, оно само вскоре станет подкрадываться к нему. За каменными завесами он мельком увидел его: огромное волосатое тело, седое.

Волосатое? В пещерах?

Знак того, что выход близок?

Вскоре он смог разглядеть животное без помех — оно вовсе не было волосатым. Громадная ящерица, камнетеска, а не плотоядное животное; она щелкала по стене здоровенными зубами и пожирала зеленое свечение. Скорее всего, безобидная. Наверняка химера охотилась на **кого-то**, до того как открыла человека.

Атон подошел к ней сзади, выискивая уязвимую точку под чешуйками. Тварь была большая, с человека; она стояла на задних лапах, опершись передними о стену. Ящерица не повернулась: то ли не услышала Атона, то ли не распознала в нем опасности.

Атон воткнул самодельное лезвие под правую переднюю лапу ящерицы, туда, где чешуйки были тоньше. Оно с легкостью вошло в мягкую плоть. Камнетеска, ничего не понимая, беззвучно упала, схватившись за рану когтями другой лапы. Она тупо раздирала себя, пытаясь унять боль, а Атон, тяжело дыша, стоял и наблюдал за ней. Немного спустя он вырезал ей глаза и ушел. Когда он уходил, камнетеска еще трепыхалась и размазывала кровь по зеленому камню.

Стены вновь сдвинулись, река и тропа стали прежними. На этот раз он увидел на дне реки каких-то тварей: безглазых, словно из резины, с извивающимися во все стороны плавниками. Наконец-то водная жизнь!

Еще несколько километров пройдено без приключений. Внезапно туннель прервался. Вода, падая из высокой вертикальной шахты, пенилась в круглом озерце и вытекала в русло, вдоль которого он шел. Тропа огибала озеро и круглым ходом уходила в каменную стену.

Он заглянул в этот резко обрывающийся туннель и ничего не увидел. Потом приложил к стене ухо и услышал отдаленный стук, биение чьего-то сердца. Кто-то там был. Кто-то очень большой.

Атон глянул в озеро и глубоко внизу увидел странную шаровидную медузу, в метр диаметром, покачивавшуюся в выбоине как раз под водопадом. Он запрокинул голову и увидел... свет. Солнечный свет.

Стены шахты были не обработаны. Отдельные слои представляли собой концентрические круги. Некоторые из них выпирали из стены на несколько сантиметров, приближаясь к зеркальному столбу падающей воды. Одна сторона была сравнительно гладкой, словно вода когда-то размыла ее начисто, но с каждой стороны между стеной и водой оставалось сантиметров по тридцать.

Атон снял мех для воды — нелепую обузу при таких обстоятельствах — оставил его вместе с прочими вещами и приготовился к самому сложному восхождению в жизни.

Шахта была диаметром около метра и, похоже, слегка расширялась кверху. Атон прижался к гладкой стороне, раскинул руки полукругом, упершись в стену на уровне плеч, и поднял ногу, чтобы упереть ее о противоположную стену. Потом уперся другой ногой и стал медленно подниматься, так чтобы столб воды безвредно струился между его расставленными ногами. Он отжался руками от стены и приподнялся, после чего сделал два крохотных шажка по дальней стене. И так снова и снова, продвигаясь каждый раз сантиметров по пять.

Подъем поначалу не был труден, но впереди предстоял длинный путь.

Атон решил не беречь силы, поскольку даже отдых в таком положении был утомителен. Если он сумеет быстро достичь верха, там он найдет возможность для отдыха. Если же не доберется туда сразу, усталость вообще помешает ему подняться.

Он ускорил движение, до боли упираясь спиной о камень; мышцы его ног напрягались, расслаблялись и вновь напрягались. Первыми стали уставать руки, и он повернул их ладонями вниз, изогнув так, чтобы можно было продвигаться вверх; он обдирал себе локти, однако это мало его беспокоило.

Усталость нарастала, но Атон продолжал подъем. Его глаза не отрывались от неподвижного водяного столба, находившегося под самой рукой, позволяя его глубинам себя гипнотизировать. Ему хотелось отпустить стену, на мгновение обхватить эту совершенную форму и, целуя ее гладкую и чистую

поверхность, съехать по ней вниз. Внезапно он ощутил жажду: сильнее, чем когда-либо в жизни, до ужаса невыносимую — а холодная струя у самого лица изводила язык и горло танталовыми муками.

«Один глоток, — понял он, — и все кончено». Искал-то он чашу смерти, которой лишили его воздух и огонь, и никогда не находил ее так восхитительно близко, как сейчас.

Смерть. Почему он убил камнетеску? Это был акт чистого садизма, и он им наслаждался. Почему? Почему он хотел умереть? Что с ним?

В зеркале перед ним засияли переменчивые глаза Злобы, намекая на ответ, который он не смел понять. Она была в огне; она была в воде. Узники Хтона правы, что страшились его. Он влюблен в зло.

Но мощь облика Злобы его поддерживала. Раньше он не мог убить предмет своего страха, так сильны были узы детства. Но после тягот Хтона у него будут силы, и он сделает то, что необходимо сделать.

Во-первых, он разгадает тайну миньонетки, отправившись на ее родную планету, о которой рассказал, получив за это гранат, Первоцвет. Миньон — запретная планета, местоположение которой, как и Хтона, хранилось в тайне — из-за ее смертоносных жителей. Нет — они были людьми, но гениальная инженерия вызвала непонятные процессы в раковине человеческого тела и сделала их менее похожими на основу вида, чем многие нечеловеческие расы. Нет, Первоцвет утверждал, что не знает, что случилось с ее обитателями, и вдруг ушел, как будто расспросы Атона вызвали у него отвращение. Больше Первоцвет с Атоном не разговаривал; и никто не разговаривал, кроме немногословного Старшего да Гранатки. Но ведь сам-то он не с Миньона. Он только хотел знать. Что в нем отталкивало этих грубых заключенных?

Почему он убил камнетеску? Это Злоба нуждалась в убийстве. Он — враг миньонетки, и больше ничей. Не считая этой страсти, он наделен свободой воли.

«И каждый в тюрьме самого себя почти убежден в свободе», сказал древний поэт Оден в памятных глубинах ДЗЛ, которая сейчас хранится у Гранатки. «Почти убежден!»

Наконец Атон достиг почти самой вершины. Бесконечные туннели ждали его в двадцати метрах внизу и, кажется, ждали тщетно. Еще полтора метра вверх, и солнечный свет захлестнул его лицо, солнечный свет попеременно с льющейся водой. Зеленый свет исчез, не в силах встретиться лицом к лицу с солнцем: оно было ярче, намного ярче, чем за всю его жизнь — в любом из обитаемых миров.

Окажется ли он беспомощным перед сиянием свободы? Атон ждал, всматриваясь в него, заставляя свои глаза привыкнуть прежде, чем двинуться дальше.

Его голова поднялась над краем, и всего в полуметре от себя он увидел поверхность планеты. Жерло пещеры совпадало со сверкавшей поверхностью воды, засасывая ее вниз. В ней отражалось дерево — пальма. Запах свежего воздуха буйно бил в нос.

Из воды, образуя купол, поднимались созданные человеком сталагмиты: стальные прутья. Совершенная тюрьма: звук водопада заглушит любую попытку позвать на помощь, даже если ухо не принадлежит тюремному стражу. Путь, конечно же, не поддадутся нажиму. Любая попытка выломать или изогнуть их вызовет сигнал тревоги. Установленные внутри пещеры они не позволяли делать знаки кому-либо; вода, втекающая внутрь, не вынесет весть наружу.

Почти убежден.

Это не выход из Хтона. Это пайка Тантала.

Спуска Атон не помнил. Он обнаружил, что лежит на узкой тропе с болью в плечах, спине, бедрах. Ссадины горели по всему позвоночнику и на ступнях. Какое-то слово вертелось у него в голове, отдаваясь эхом в туннелях мозга. Он сосредоточился, и оно возникло: ручей.

И вдруг он с достоверностью, отрицавшей совпадение, узнал истинное лицо поверхности Хтона, обнаружил его поэтическую аллгорию и иронию своего отринутного искупления. «Что может находиться над адом, как не рай? Верно, верно, — говорил он самому себе, — что меня отвергли внизу, ведь меня бросили туда сверху. Тюрьма самого себя еще не готова к свободе».

Атон окунул руку в холодную воду и обтер лоб. Он знал эту воду, эту реку, этот ручей, что втекал с одной стороны горы — и никогда не вытекал с другой.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. МИНЬОНЕТКА

§ 402

ТРИНАДЦАТЬ

Миньонетка не спрашивала, как он освободился. Естественно, что у него, как и у нее, было для этого достаточно способов. Они гуляли вдвоем по лесу Хвеи, по их месту встречи, и осенявшие их толстоствольные деревья с радостью воспринимали игру их чувств.

Лесная нимфа явилась во всем великолепии; ее волосы пламенели на фоне светло-зеленого платья. Легкие ноги ступали по сухой листве стародавних лет, а пальцы с восторгом сжимали его руку. Она сказала, и он давно это признал, что не может быть женщины, сравнимой с ней. Отзвук прерванной песни окружал ее: мучение, восхищение, сущность, квинтэссенция...

— А у тебя в Хтоне была женщина? — спросила она, игриво сознавая, что любая смертная — всего лишь статуэтка.

Атон пытался вспомнить, представить себе другую женщину, любую другую; в присутствии Злобы это было невозможно.

— Не помню.

— Ты изменился, — сказала она. — Ты изменился, Атон, и это дело рук женщины. Расскажи.

— У меня была миньонетка.

Ее пальцы напряглись. Никогда раньше он не видел ее удивленной. Она молчала.

— Да, — сказал он. — Но у нее не было песни. — Вот и все, ни объяснения, ни монологи не нужны. Невзгода забыта после единственной ночи странного романа. Ни внешность, ни природа миньонетки не служили основой его любви — лишь женщина детского видения, родившая музыку и волшебство его юности. О радость!..

Лес кончился, открыв асфальтированное шоссе — горячие черные волны катились в океан. Вдали над шоссе поднимался космочелнок, готовый к полету для стыковки. Царство исследований и путешествий, военных и торговых флотов. Казалось, миньонетка шагает рядом с ним в форме: симпатичная, умелая, суrowая, беспощадная, женственная.

— Больше никакого космоса, Капитан?

— Никакого, Машинист.

— Ты могла бы вернуться, когда я отправился в Хтон.

Она уверенно покачала головой:

— Простодушные ксесты знали, а слух в космосе распространяется быстро. Для миньонетки смертельно опасно разгуливать в открытую среди мужчин. И...

— И?..

Злоба умолкла, и этого было достаточно. Космotelь...

Они пересекли черный жар, вышли в поле хвей, отцовское поле, и пошли среди молодых растений, которые, как и он, тянулись к предмету своей любви. Небо над ними отступало перед опускающимися тучами; зарождалась летняя гроза.

Из леса на космокорабль: Атон вспомнил первое путешествие — он со своей хвеей в поисках любви. Тогда он нашел корабль угрожающим, похожим на дракона, чей хвост, однажды ухвативши, вряд ли отпустишь.

Почему она пришла в тот первый день нового года к нему, хотя в поле ее действия были все мужчины

космоса? Могла ли быть случайностью та искусная встреча, на которой она очаровала его музыкой, подарила хвеву, поцеловала и навсегда привязала к себе?

Почему она скрывалась от него, раз его любовь была поймана? Почему приняла облик Капитана, понимая, каким мукам его подвергает? Сейчас, после опыта с Невзгодой, он знал ответ. Но даже это не объясняло полностью случай в космотеле — несчастный случай, обнаруживший основополагающее зло в ее природе и заставивший его бежать. Зло, выражающееся не в чувстве, нет.

Существовало молчаливое соглашение, тогда...

Тогда...

Замок его памяти открылся, и он наконец понял, что за ужас не подпускал его к себе три года. Если... если миньонетка была злом, значит злом был и он.

— Ты пыталась защитить местную девушку — ту, что бросила моего отца! — воскликнул он — сейчас и в прошлом космотеля.

Сейчас и в прошлом миньонетка не смогла ничего ответить.

— Когда ты отправилась в космос? — спросил он. Они оставили хвеи позади и сидели в старой садовой беседке — остроконечной крыше на четырех крепких столбах. Дыхание приближающейся грозы проникло к ним через отсутствующие стены, вызвало легкий озноб.

Душевный озноб усилился, когда Атон неверными шагами приблизился к истине, которую отвергал его рассудок. Они оба в замкнутом пространстве вроде этого, боролись за понимание вопреки сопротивлению личности. Никогда еще Атон не испытывал столь мощного конфликта культур.

— Я знаю ответ, — продолжал он. — Знаю, когда ты отправилась в космос. Я прочел дату в реестре дивидендов «Иокасты». Ты поступила в торговый флот на должность корабельного канцеляриста в начале § 375. Пять лет спустя перевелась на «Иокасту» в качестве члена торгового совета, несмотря на множество выгодных предложений с других кораблей, и устроила так, что на следующий год «Иокаста» встала на ремонт над Хвеей. Но суть в том, что ты отправилась в космос через несколько месяцев после моего рождения. Зачем тебе понадобился определенный корабль и график задолго до того, как ты стала им командовать, менее важно, чем твоя прежняя история. Где ты была до § 375? Как тебя звали? Реестр этого не сообщает.

Злоба не шелохнулась — ни в беседке, ни в космотеле.

— Ты была на Хвее, — сказал Атон, и она не стала это отрицать. — Ты знала Аврелия после того, как скончалась его жена из Династии Десятых. Знала обо мне. И... знала свою соотечественницу, на которой он женился. Девушку с Миньона. Ты хорошо ее знала.

Злоба сидела неподвижно, пристально глядя на него.

— На самом деле, — сказал он с непомерным усилием, — ты и была той девушкой!

Они сидели наедине с тем, что оба знали и о чем никогда не говорили.

— Той, которая бросила моего отца. Мачехой, которую я поклялся убить.

«О, Злоба, я мог бы простить тебя после того, как узнал твою природу. Но это не то зло, которое я искал. Не тот ужас, что отталкивал меня от тебя».

— Женщина Десятых умерла за два года до моего рождения, — сказал Атон, признавая эту истину в первый — и второй — раз в своей жизни. — У нее родился мертвый ребенок. У меня не было мачехи.

— Да, — сказала она, прервав наконец молчание. — Да, Атон... Я — твоя мать.

В прохладной тени беседки они смотрели на поле хвей. В это время там никто не работал, но растения были здоровы. Кто-то, обладавший великой любовью, заботился о них, как Аврелий уже не мог, и в душе Атон распознал эту манеру.

— Почему ты не сказала мне тогда, в первый раз? — спросил Атон. — До... космотеля. — И уже знал

ответ: единственный тогда, двойной сейчас. Она была его матерью. Как могла она сказать мужчине, полагавшему, что он ее любовник, о том... да и что могла она сказать ему, так потрясаяще перепутавшему ее любовь? Однако как смела она бросить его, ее сына?

Атон лицемерил. Она могла бы сделать это во время их первой встречи в лесу... но он, слишком юный, чтобы понять всю сложность положения, пошел бы к Аврелию и все разрушил. Отец еще пытался вернуть ее, и он был в силах. Когда же он узнал...

А второй раз в лесу Атон был достаточно взрослым, чтобы увидеть в этой чудной женщине частичку того, что видел его отец. Атон, как показали события, тоже был в силах.

Так лицемерно рассуждал он в космотеле, загнанный в вынужденное укрытие за фасадом разума. Он тогда и впрямь не понимал и подозревал, что не понимает, и был безмерно встревожен мнимым удовлетворением.

Теперь он понял вторую, более важную, причину и недостатки общественных условностей. Ибо для миньонетки наслаждение было болью, а боль — наслаждением. Она откликнулась на Аврелия, гостя своего мира, разрываемого тоской и ненавистью к себе — потому что его сын убил его возлюбленную. Миньонетка полюбила Аврелия, найдя неотразимыми его ужасную вину и ощущение предательства. Он носил траур по дочери Десятого, однако нашел Злобу привлекательной и страшно порицал себя за это. Таким образом, он покорила ее и, не ведая о том, сдался сам.

Злоба приняла обряды его культуры, мало значившие для чувственных телепатов, но без обмена хвеей, поскольку его вина не могла позволить этот знак чести. Она улетела с ним, наслаждаясь его тревожной радостью по поводу запрета, который он нарушил. Ни один из них не знал тогда причины запрета.

На Хвее она забеременела. Когда они узнали друг друга лучше, его боль ослабла, и постепенно он полюбил ее без чувства вины. Она поняла грозившую им опасность, но слишком поздно. Злоба родила ему ребенка и бросила его, так как в более продолжительной совместной жизни их обоих ожидали бы большие мучения. Ее неумиравшая любовь уничтожила бы его просто потому, что Злоба была такова, как есть, потому что она любила его по-своему и не могла заставить себя причинить ему боль так, как требует ее культура. Мужчина с Миньона все понял бы, но только не Аврелий.

Ее сын вырос в такой ненависти к памяти непутевой матери, что отказался признавать факты и предпочел воспоминания лишь о той матери, о которой хотел вспоминать. Никто не смог бы сказать Атону истину заблаговременно. Он был слеп.

Более того: те самые боль и гнев, которые он пестовал, дарили ей наслаждение, ибо она была миньонеткой. Даже в ребенке, не знавшем ее, она могла найти ненависть — идеальное чувство для ее вида. О да, она поцеловала мальчика, восхищенная его смущением, и отослала домой до того, как это чудесное чувство потускнеет. Когда Злоба встретила его четырнадцатилетнего, она повторила поцелуй от вины и подавленности от мысли о том, что он делает плохо, было достаточно.

Атон нашел ее на борту тщательно выбранной «Иокасты» (только теперь он понял, что это был знак, призванный направить его к ней, когда он станет достаточно зрелым) — и ее трудности усугубились. Он появился слишком быстро, но был полон безмерно привлекательной подавленности, и она не смогла удержаться. Игра продолжилась, втягивая ее еще глубже: его страх перед грузом тафисов, холодный гнев из-за того средства достижения цели, которое дало ей обнаружение у него реестра дивидендов, горе из-за женщины, которую он, как думал, потерял. Пока умельцы-ксесты, сами полутелепаты, не раскрыли ее хитрость и не сделали беспомощной перед наивной любовью своего сына.

Злоба сбежала с ним, так как сопротивляться было бесполезно, а ее положение на торговом флоте все равно было утрачено. Она сбежала с ним, хотя по-прежнему не знала, как справиться с грядущим кризисом. Она не могла сказать ему правду, ибо лишилась бы его навсегда, но не могла и покориться страстному объятию, которое было у него на уме. Она не могла остаться и не могла уйти.

И в результате, на бесповоротной точке — молчание. Только так могла она удержать его вблизи, но на некотором расстоянии, пока появится какая-нибудь другая, более продолжительная возможность.

Так рассуждал Атон — сейчас, а не в прошлом — и обнаружил, что даже это еще не все. Воображение отчаянно боролось, удерживая его от полного осознания. Душа вычеркивала из памяти весь эпизод столько, сколько могла, а сейчас с неохотой сдавала позиции. Ему необходимо открыть зло, зная, что оно существует, зная, что он недостаточно еще зрел, чтобы противостоять ему.

Эпизод в космостеле не был завершен. Им обоим приходилось разыгрывать его, в прошлом и настоящем, пока не раскроется вся подоплека его мучений.

Тайное стало явным: Атон влюблен в свою мать. «Начни с этого и вернись назад. Переживи вновь... если сможешь».

Назад... Так как она знала, что он вернется, он реагировал на известие с тоскливой нерешительностью. То, о чем он мечтал, не могло произойти. Его милые чувства, какими они могли показаться ее восприятию и которые заставляли блестеть ее восхитительные волосы, были пустой роскошью. Он уйдет и никогда больше с ней не встретится. Обойдется без нее.

Как мало он понимал миньонетку!

Скинув космокостюм, обнаженная. Злоба позвала его.

— Атон, — сказала она. Красота ее была абсолютна.

Он подошел к ней, как делал всегда, смущенный своими мыслями и ситуацией. Ему больно терять ее, ибо с первой встречи в лесу она — как женщина — жила в его любящем воображении.

— Атон, — повторила она. — На Миньоне, — в космостеле он впервые услышал название ее родной планеты, и название это осталось с ним, — на Миньоне культура не похожа на вашу. Я была неправа, что сбежала с иномиряннином, но тогда я была молода и не понимала... — Знакомым движением она взяла его за руки. — Атон... на Миньоне женщины живут долго, во много раз дольше мужчин. Миньонетка переживает своего первого супруга, даже если его вскоре не казнят, а затем принадлежит его ближайшему родственнику по крови. Ему она рождает еще одного сына, а тому — еще одного, из одного поколения в другое, пока, наконец, не становится слишком старой и не рождает дочь. Таков наш путь.

Атон молча опустил перед ней на колени, его руки — ее пленники. О чем она пыталась ему рассказать?

— Атон, ты наполовину миньон, ты — моя кровь.

Ужас начал охватывать его, тогда.

— Ты — моя мать...

— Да. Вот почему все так получилось. Вот причина, по которой я пришла к тебе еще мальчику, в лес и подарила музыку и хвее — чтобы в душе ты узнал то, чего не мог постичь из книги. Что ты — миньон, рожденный для миньонетки. Ты должен это сделать, а после тебя твой сын, ибо такова твоя культура и твоя кровь — кровь миньона.

Сопrotивляясь тому, что, как он уже знал, было правдой, Атон испытал колоссальное потрясение. Ибо хотя культура, которую он понимал, строго это запрещала, он, в перевернутом виде соответствуя чувствам Злобы — о чем тогда не знал — вырос с верой, что Злоба — самая желанная из женщин. Поскольку они с ней, согласно его неполным знаниям, не были родственниками.

Теперь он знал, что Злоба — по его собственным убеждениям, которые были основополагающими — запретна. И он нашел ее...

По-прежнему самой неотразимой и желанной женщиной, какую только мог вообразить. Она предложила ему себя — и он физически захотел ее сильнее, чем когда-либо. Что и разъярило его больше всего.

— До сих пор, — сказала она, — ты не был готов, Атон. Мне пришлось долго ждать, чтобы победить тебя. — Злоба лежала на диване, великолепная в своем спокойствии, прижав его к себе. Живое пламя ее волос разметалось во все стороны: на лицо и плечи, на изумительную грудь, высвечивая ее тело. Черно зеленые глаза, близкие как никогда, были бездонны.

— Так долго, — сказала она. — Так прелестно. Поцелуй меня, Атон, и приди ко мне. Сейчас, Атон... сейчас!

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

День был ветреный. Они вместе встали, покинули беседку и пошли навстречу ветру.

— Зачем в космотеле ты позволила мне открыть твою сущность? — спросил Атон. — Тому, чего ты хотела, легче было случиться, если бы я не знал.

— Атон, — сказала она, с нежным упреком покачивая головой. — Разве ты не был на Миньоне? Разве не видел, что делает с миньонеткой любовь, твоя любовь?

Он позволил себе забыть.

— Твоя любовь убила бы меня, как и любовь твоего отца, если б она была такой, какой ты ее вообразил, когда ухаживал за мной, — объяснила Злоба. — Лишь знание истины могло заставить тебя осуждать меня. Лишь посредством этого — по-твоему, отрицательного — чувства ты мог достичь меня физически. Ты должен был знать.

Атон сразу не смог ответить. Она долго ждала — но их встреча произошла слишком рано.

— Смерть и любовь для нас всегда связаны, — сказал он, не глядя на нее. — Смерть иллюзии, любовь к боли. Мне приходилось думать, что ты — воплощение зла, и ты заставляла меня верить в это. Но мое сопротивление оказалось сильнее желания. В конце концов, я оставил тебя.

— Разве, Атон?

Дорога стала круче, но ветер стих. Он помогал ей подниматься, хотя она в этом не нуждалась. Их разговор смолк, когда она, по-видимому, вновь преобразилась, чтобы присоединиться к одинокому шествию его воспоминаний. Теперь она несла рюкзак, а в ее светлых волосах трепетал ветерок. На запястье поблескивал серебряный браслет.

Атон почувствовал дурноту, захотев внезапно узнать, была ли интерлюдия с хорошенькой рабыней, вторая любовь, жалобно надеявшаяся сразиться с первой, — любовь, которая спасла бы его от Хтона, если бы он сумел на нее ответить. Была ли Кокена вообще реальной личностью? Или всего-навсего еще одним плодом его воображения? Терял ли он в самом деле когда-либо верность миньонетке?

«Тема раковины! Была ли ты частью прерванной песни? Была ли моя мечта тщетна даже тогда? Даже тогда...

Ничто не умирает на Идиллии — кроме надежды».

Они находились на вершине холма, заменявшего гору. Атон забыл сомнения. Под нависшими облаками вид был прекрасен, ярк особым цветом ранних сумерек. Раковина, песня — бесполезно понимать...

— Я люблю тебя! — закричал он и откуда-то издали услышал свой голос. — Я люблю тебя... — и вновь его чувство было искренним и сильным.

Волосы Злобы были алыми; они были черными; они извивались от боли, и она упала, как и должна была упасть, жестоко пораженная. Гром взорвал небо, и лес, и поле, и любовь; пошел дождь, заливая все вокруг и марая. И мелодию, что он любил, смыло и всосало в почву.

После Атон катился, кувыркаясь и подскакивая, по склону холма, потрясенный нечаянно нанесенным ударом, хватаясь за песню и находя лишь грязь и выдернутую траву. Любовь — запретна. Он никогда не обладал ни одной женщиной ради любви, лишь ради болезненной цели. Всегда песня кромсала любовь — а теперь он был по ту сторону песни; он ее потерял, прервал навсегда... и холодная вода, лившаяся на лицо, затопляла его.

Дождь прекратился — через час или через секунду, а Атон лежал в болоте у подножия холма рядом с вонючим прудом, ежегодно плодившим отвратительных головастика и смертельную ржу. У другого склона лежало тело — нагое, прелестное, но не мертвое, вовсе не мертвое. С темной поверхности пруда поднималось зеленое свечение, свечение Хтона, отбрасывая скользкие тени и выдавая зловещую рябь у берега.

Атона раздирали подавленные воспоминания, указания на ужас и жуткое убийство. Он был здесь раньше. Он был...

Немертвое тело потянулось, волосы у него были ни светлыми, ни огненными, но чем-то мокрым, неопределенного цвета. Очертания тела были не божественными, а просто женскими. Женщина шла к нему, огибая темный пруд, по узкому берегу.

Атон тоже встал на берегу, не в силах отойти от зловонного края. Нет способа избежать ее, кроме как беспомощно устремиться по этому кошмарному пути, не стараясь понять свой испуг. Он не сподобился даже на это; просто стоял и наблюдал, как она медленно приближается к нему своими маленькими, но тяжелыми шагами. Он наблюдал, как вслед за первым шаг в шаг шествует ее второе тело, а за ним третье: множество отвратительных тел...

Ужас праздновал победу. Он бросился от пруда — проливной дождь стоял стеной, изогнувшись над головой смутным куполом, который ему не пробить. Не вырваться.

Атон взглянул в пруд, и ему показалось, что там не длинные водоросли, а языки. Один — больше и ближе прочих: толстый круглый язык, слепо поднимавшийся в поисках плоти. Вскоре он его почует и устремится к нему.

Атон, поскользываясь, побежал. Но с противоположной стороны приближалось что-то еще — плотное и горизонтальное, какое-то острие... и выхода не было.

Атон прислонился спиной к ненадежной стене, поднял глаза к круглому куполу вверх и заставил себя думать. Мысли были нечеткие и неясные, рассудок тянулся к пище и, давась тошнотворностью окружающего, все же что-то переваривал, дабы сохранить утекающие силы и заставить мир застыть хотя бы на мгновение.

«Этот тупик, этот ужас — каким-то образом есть мое собственное создание. Он не может быть реальным в физическом смысле. Лишь в Хтоне такое существует буквально.

Мой разум облачил свое смятение в пугающую аллегорию, как делал и раньше. Он довел мой душевный конфликт до крайности, вынуждая меня или разрешить его, или перестать притворяться нормальным. Я стою на берегу застойного пруда, в нем нет никаких чудовищ и никакой стены вокруг; есть только зарождающаяся ржа и непрерывный ливень. Нет никаких размножившихся фигур, приближающихся ко мне, ни страшного острия с другой стороны пруда; только женщина, которую я люблю, а должен ненавидеть, соблазнительная миньонетка».

Но **конфликт**, насколько он знал, реален; пора принять решение — чем бы ни были составляющие этого конфликта и что бы это решение ни значило. Он пойман паутиной, сплетенной давным-давно, еще тогда, когда последовал в лес за чуть слышной мелодией и стал ее рабом. За всю жизнь он не мог ни завершить ее, ни избежать. Сам Хтон не решил этой проблемы. Теперь приходится самому созерцать отвратительные альтернативы и принимать на себя тяготы выбора.

Шествующие женщины — это Злоба во всех ее ипостасях: вездесущая, но неспособная принять обычную любовь. Его нормальное чувство было мечом, направленным на миньонетку. Должен ли он сразить ее своей любовью?

Или он должен ждать, когда с другой стороны приблизится ужасное острие: бесстыдная извращенность их связи? Насаженный на него, он стал бы источником постоянной ненависти, миньоном — его самость и цельность были бы похоронены в садизме. **Она бы** тогда расцвела; ее песня завершилась бы. Но он...

Атон всматривался в зацветшую воду и видел там непрерывное движение, слышал, как вблизи хлопает гибкий язык. Можно избежать выбора, бросившись в пучину этой воплощенной мерзости. Заразные нити слизи замарали бы его кожу и отпечатали на ней следы зловонной ржи, которую подхватил его отец. Это бы не было милосердно.

Жив ли еще Аврелий? Атон не знал.

Должна найтись какая-то другая альтернатива. Какой-то выход, освобождавший его или, на худой конец, откладывающий выбор. Канал, слив из пруда — какой-то засасывающий сток, ведущий в

неведомое, побег, облегчение. Сможет ли он его найти?

Когда Атон осознал потребность в нем, тот существовал: проем в неведомое. Он мог вести к смерти или к еще более мерзкому выбору, чем те, от которых он бежал. Раз сделав шаг, его уже нельзя отменить, как нельзя обратить вспять водопад. Атон медлил.

— Аврелий умер, — произнесла совсем рядом миньонетка. Она почувствовала, что старик скончался, побежденный наконец подлинным болотным чудовищем — ржой. Атон и сам ощутил потерю, снятие чувственных перегородок в полутелепатии, обладание которой раньше не подозревал. Это же чувство наводило на мрачную мысль, что он сам, хотя и непреднамеренно, сыграл определенную роль в смерти отца. Выло ли решение, которое он принял, всеохватывающим? Являлось ли оно ценой его побега?

Призванный теперь неясными обстоятельствами, он сделал шаг, отказываясь уточнять, чему равняется страшная цена. Он пройдет по границе душевного здоровья — ради угасающей надежды, которую та предлагала. Водоворот засосал Атона, его накрыла темная удушающая волна, уносившая его, в конце концов, к...

ПЯТНАДЦАТЬ

Атон оказался на поверхности астероида космолета — беззащитный между его глыбой и безмерностью космоса. Беззащитный, поскольку скала эта была безвидна, а ночь темна: притяжение не успокаивало его в своих объятиях, атмосфера не ласкала плотно облегающий костюм. Только статическое действие ботинок устанавливало слабый контакт с крохотной планеткой, связав их до тех пор, пока он не оттолкнется сразу двумя ногами. Пока не подпрыгнет.

Он огляделся, испытывая внутренний трепет от этого исключительного и по-своему приятного столкновения с неживой природой. Позади находился шлюз космолета, ведущий к челноку, на котором он собирался улететь, а также в плюшевые покои — к предложению, которое он не мог принять. Неважно, что она сказала и кто она такая, — она запретна. Он должен бежать от нее. Но сначала прогулка по астероиду, чтобы успокоиться.

Впереди — почти полное одиночество, а именно в нем он так нуждался. Очевиден был контраст между возможностями человека, пересекавшего сейчас глыбу, на которой он не мог жить: его измеримыми достижениями и безмерным уединением.

Астероид был плоским осколком какого-то большого небесного тела: он напоминал о древних днях Дома-Земли, когда запуганные, прикованные к своей планете предки думали, что их мир плоский. Они были бы правы, живи они здесь.

Безвидная плита была пустынна, как и пейзаж его жизни. Вокруг ночной ее стороны сверкали звезды, обещая волнение, приключения и уют в окружении их великого множества, если только возникала возможность подступить к их населению. Однако он уже **бывал** в дальних системах, страдал от их эфемерных обещаний и обнаруживал, что сердце его по-прежнему одиноко.

Широкие шаги несли его тело через плато, но одна нога всегда касалась поверхности; он стремился к краю равнины, от которого, как убеждал прозрачный вакуум, его отделяло несколько километров. Равнина завершалась обрывом, кромка крошечной планеты вырисовывалась на фоне звезд тонким перевернутым силуэтом. Атон бросится в забвение, чтобы вечно падать сквозь разверстые пространства своего бесплодного разума, в котором наконец-то произошло некое подайте зачатия.

Слишком быстро он достиг этой границы. Его душа откладывала попытку. «Моя плоть, — подумал он с горьким юмором, — хочет, но мой дух слаб».

Толчок, обманчивый при отсутствии притяжения, понес его дальше. Он обогнул обломанный край, и башмаки его прилипли к почве так же крепко, как его дух — к бесплодной жизни. Астероид был тонок; с этой стороны едва ли тридцати метров в толщину. Зазубренный искромсанный слой обнажал свою рану — здесь его вырвали из материнского тела и швырнули в забвение вечность тому назад. С какой жуткой болью начал он свои скитания — один, совершенно один!

Атон нагнулся и нашел окаменелость: крупный, больше ладони, листок, вдавленный в камень. Останки живого существа, более прелестного в своей смерти, чем в жизни. Ибо красота его не угаснет, сущность никогда не умрет.

Пальцы в перчатках ласкали твердые зубцы затянувшегося товарищества. Будет ли окаменевший Атон путешествовать по космосу с таким же безразличным блеском?

«Смерть! Где твое...»

Чтобы стряхнуть это настроение, он начал взбираться на солнечную сторону астероида. Листок наверняка рос когда-то под солнцем. Если бы удалось войти в былой рай этой окаменелости, увидеть трепещущую листву, коснуться могучего дерева?.. Пустить вспять метроном материи, разрешить все сомнения в нежном слиянии истоков жизни.

При приближении к солнечной стороне высветились изломы горизонта. Еще один толчок, за второй угол...

Атон купался в теплом сиянии солнца; свет, всюду свет, изгонявший всякую тьму и всякие сомнения. Защитный механизм костюма мгновенно скомпенсировал перепад температур. Атон осмотрелся и увидел

атмосферу, сверкающие в ней пары, а на земле — растения с крупными зелеными листьями.

«Для меня эта страна роскошна и прелестна, выпуклости холмов высокий изящны, долины между ними мягко закруглены в ожидании...»

Атон встряхнулся, герметичный костюм сдвинулся вместе с ним, как вторая кожа. Что с ним? Здесь ведь нет атмосферы; значит, не может быть деревьев, поэзии. Голый кусок скалы, кружащийся по орбите вокруг пронумерованной звезды. Галлюцинация далеко не безопасна. Если он и впрямь забудет, где находится, смерть грубо ему об этом напомнит.

«Там внизу, за томящимися горами, где блестят тихие воды, меня ждет источник жизни, в то время как я...»

Потрясенный Атон вновь повернул и зашагал к окаменелости у края планеты. Каким-то образом он машинально прошел по долине дальше, убаюканный намеком на неистовый восторг, которому он не смел отдаться. Что-то уговаривало его, соблазняло, тащило вперед на невообразимое свидание.

За горами были воды, густые и теплые, как свежепролитая кровь.

— Люба! — закричал он. — Уйди из моего воображения! — «Я бежал от твоей жестокости десять лет назад; я едва помню тебя; это не твое место; я боюсь того, что ты символизируешь: это прикосновение крови к моей руке, звук смеха в моих ушах. Ты скажешь, что это — не кровь... не кровь, но блаженство, подаренное моим четырнадцать годам...»

Тяжело дыша, Атон повернул еще раз, желая обрести предметность каменного листка. Это была критическая точка. До сих пор он управлял собой.

Действительность пришла в себя, явив конические обнажения породы, которые он уже миновал раньше, и отбрасываемые ими в лучах далекого солнца мерцающие тени. Пока он наблюдал за ними, тени оплывали, затуманивались. Холмы зеленели, источая блаженство.

Перед ним лежало изогнутое поле, которое вело вниз, в долину, укрытую среди нежных округлых утесов. Там притаилось укромное озеро, более волнующее, более зовущее, чем мираж в пустыне. Наслаждение, которое оно скрывало в своих глубинах, более не отталкивало Атона. Его кровь пела от потребности насладиться этой жидкостью, полностью в нее погрузиться. Он ушел от нее; он вернется к ней.

Нет! Но видение уже проникло внутрь и почти на нет свело его сопротивление; осталось лишь слабое приглушенное возражение, звеневшее где-то далеко позади. В четырнадцать шагов достиг он озера, но замешкался, боясь перейти безымянный рубеж в себе. Вода манила, звала его, но крошечная оскопленная совесть, проклятая где-то позади затвердевшего листка, молила его не жертвовать тем, кем он был, ради того, кем он станет. От напряжения его лицо покрылось потом. Атон знал, что исход предрешен, но все еще боролся, желая сохранить образы былой невинности.

Его рука медленно поднялась, чтобы расстегнуть ремни на шлеме. Разве костюм его собственный? Застежки открыты, пломбы сорваны, шлем слетел с головы. Но он не умер! К нему ворвался воздух долины — мускусный и сладкий, оживляющий своей свежестью и запахом цветов. Вскоре остатки ненужного костюма были сброшены, нагим он вбежал в воду.

Еще раз гаснущее сомнение пыталось удержать его: сомнение, вполне дозволенное, ибо захватчик чувствовал себя в безопасности. Сопротивление приятно возбуждало, придавая поступку некий лоск, господствующее чувство по-кошачьи играло с его робкой совестью и давало ей волю думать, что она вольна. Атона обуяло чувство неминуемого завершения. Прикосновение воды к голым ногам электризовало тело. Он больше не видел эту жидкость. Лишь плоть ведала о ней, сладострастно скользившей по его щиколоткам, окутывавшей их в зарождающееся наслаждение: поначалу раздражающее, но сладостное под конец.

В Атоне возникал основополагающий смысл — единственное выражение которого должно быть пагубно сильным толчком, столь мощным, что сдвинет горы и оплодотворит озеро...

Тепло поднималось все выше, окутывая голени, колени, бедра; оно ритмично омывало тело, нежными касаниями вытягивая из него глубочайшую силу. Прилив неуклонно возрастал, втягивая его в воспоминание о юношеской руке, путешествующей вверх под девичьей юбкой и касающейся запретного

соединения. Но на сей раз липкость ничуть не тревожила; бурная страсть увлекла Атона вверх и внутрь.

Две шкалы — плоти и жидкости — слились под наложенным образом нониуса, оказавшись в фокусе перед его закрытыми глазами. Не в силах более сдержать себя, Атон погрузился в воду целиком. Вода, местность, вселенная звенели от его нараставшего желания, а из глубин его самых сокровенных притязаний явилась сущность жидкой среды: восходящая, кружащаяся, подвластная громадному давлению, вламывающаяся мощным ураганом и, наконец, взрывающаяся в мучительном наслаждении, которое измощаёт плоть, сокрушает кости и насыщает дух по ту сторону времени. В Раю, вы слышали... Любовь построила... О радость! радость! радость!

Какая-то сила извне подкинула его, подняла сквозь вздымавшиеся потоки муки высоко-высоко к свету. Это была ее рука — тепло на его ладони — уводившая от забвения, к которому вела Атона двойственная страсть. Темный бог ждал в конечной точке; существо, для которого страсть и вина — лишь орудия; бог, которому нормальный человек не мог бы служить.

Бог, которому служил бы Атон, если бы весь подтекст притчи об астероиде достиг его сознания.

Дождь кончился, чудовища и замкнутые стены исчезли. Солнечный свет падал не на разбитую колонну, как он отчасти ожидал, а на мерцавшую в сумерках местность: радостную, зеленую и удивительно привлекательную.

— Ты... победил, — сказала Злоба, выбирая не совсем точное слово. Но она была женщиной леса, нимфой любви. — Я не могу позволить тебе уйти туда, к столь великому злу. — **Она говорила** о зле не о том, что они сделали в космостеле, но о боге, которому он должен был служить. О боге, предложившем ему святилище.

Фантасмагория закончилась. Призраки, кем бы они ни были, исчезли, и Злоба вновь стала нетронутым гляncем грез Атона. Вернулась прекрасная дама детства; предмет всей его любви никогда более не будет замутнен.

Его чистые чувства окружили ее со всех сторон. Он поцеловал ее, услышав наконец завершение мелодии. Никогда его любовь не была так сильна.

Он почувствовал, как холодеют ее губы. Она была мертва.

§ 400

13

Вниз по реке: она опять превратилась в извилистую, бурную стремнину, стены с обеих сторон сдвинулись, образовав узкий туннель. Но тропка тянулась дальше над уровнем воды, достаточно широкая, чтобы по ней прошла колонна людей.

Старшой шагал впереди, высматривая отметки человека, пошедшего на разведку и не вернувшегося.

— Если еще сузится, — сказал он, — придется плыть.

Никто не отозвался. Плыть здесь было опасно. Любое неосторожное движение отправило бы беспомощное тело по течению через возможные пороги, в пасть к речным хищникам или еще кому-нибудь, стоявшему наготове для защиты недоброго имени Тяжелого Похода. При пешем переходе они чувствовали хотя бы частичную безопасность, и каждый поворот, открывавший взору продолжение пути, встречался вздохом облегчения.

Туннель был достаточно высоким, чтобы рослый мужчина шел, не сгибаясь, но очень узким. Тропинка занимала четверть основания, быстрая река — все остальное, стена то и дело грозила столкнуться беспечного путника в воду. Так продолжалось километр за километром: туннель вел вниз.

Вернулся Атон и с неохотой доложил: сверху выхода нет, лишь непреодолимый водопад. О другом туннеле, за водопадом, он не сказал. Заглянув в него, он услышал отдаленный стук и ощутил угрозу, которую невозможно встретить лицом к лицу. **Как он** это понял, сказать он не мог, но был в этом уверен.

Мало кто считал, что шансов вниз по реке больше — но Старшой поощрял их истерическую надежду. Возможно пересечение с другим потоком, русло которого **могло вывести** на поверхность. Ведь в конце концов, пещерные твари **где-то вошли**, а Бедокур выбрался. Где еще он мог пройти, какие здесь? Если бы он оставил знак!

Внезапно все кончилось. За последним сужением, с почти совершенным дверным проемом, туннель резко расширился. Все столпились в красивой куполообразной пещере с большим озером посередине.

Озеро было тридцати метров в поперечнике, а купол в верхней точке достигал метров пятнадцати. Таинственный путь огибал озеро по выступу шириной с полметра, в каком-то метре над поверхностью воды. Стены над выступом и под ним были отвесные или наклонялись внутрь; их не портили ни выбоины, ни трещины. Голый человек не смог взобраться с тропки вверх. На противоположной стороне озера выступ постепенно снижался до уровня воды. Там виднелся верх отверстия около полуметра в поперечнике, в которое жадно ввергалась вода.

Озеро было глубоким. Зеленое свечение виднелось на глубине нескольких метров и терялось где-то в черных глубинах. Вода была холодной; жребий определит первых кандидатов для мытья и плавания.

Отряд расположился вокруг озера. Старшой поставил у входа стража и разрешил всем отдыхать. Мужчины и женщины сидели, как дети, на берегу, болтали ногами в воде и шутили. Впервые за время Похода воцарилась беззаботная атмосфера. Оказалось, жребий не нужен: люди, почти забывшие, что такое плавать, резвились с нескрываемой радостью.

Но Атону было почему-то не по себе. В отличие от других он чувствовал позади огромную опасность. Она возникла в туннеле за водопадом и послала биение своего сердца за ним, вниз во реке. Его душа таинственным образом угадывала ее голод, ее колоссальный аппетит: не только на еду. Опасность находилась в километрах отсюда, медленно приближаясь. Она приближалась.

Где же выход? Пещера возникла, должно быть, при подъеме гигантского пузыря газа — давно, во времена расплавленного Хтона, — пойманного постепенным охлаждением и отвердением окружающей породы. Потом ее нашла река, пробилась внутрь, заполнила и пробила себе выход. Это означало, что второго выхода глубоко под водой нет, иначе пещера не была бы заполнена. Поток, выходящий через видимое отверстие, судя по всему, вполне соответствовал входящему.

Нырять в этот сток было рискованно. Обуздать завихрявшееся течение не удастся, человек окажется беспомощным — как это наверняка случилось с первым разведчиком, ибо он исчез.

Конечно, длинная веревка от дыры в верхние пещеры, прихваченная с собой, выдержала бы человека — если он сумеет внизу дышать. Но разве они были уверены, что там, за печатью воды, **есть** воздух?

Время летело, и если кто-то и разделял сомнения Атона, то их не выказывал. Даже Старшой безмятежно отдыхал, наблюдая, как плавает Гранатка. Мужчины ныряли глубоко в воду в поисках рыбы или другой водной живности, но выплывали с пустыми руками. Кто-то спал, устроившись у стены; то и дело сосед в шутку устраивал ему холодную ванну.

Казалось, в этом куполе Хтон приближался к естественному раю.

Но Атон в рай не верил. Он нырнул на пять метров, на десять, настолько глубоко, насколько мог, и не обнаружил дна. Выныривая, он взял чуть в сторону, и его подхватил водоворот. Через секунду он миновал водоворот, целый и невредимый, но встревоженный. Ощущение нависшей угрозы стало острее. А что если второй сток внизу был?

Он подплыл к противоположному берегу, держась подальше от завихрений у видимую выхода. Здесь тоже имелось небольшое течение. Иными словами, подводный поток по всему периметру озера. Это было зловеще: откуда он в почти стоячей воде?

Разве только кто-то крупный поднимается снизу, отсасывая воду от краев.

Старшой наблюдал за ним. Атон указал на берег, и тот кивнул. Он тоже заметил.

Остальным ничего не сказали. Какой смысл поднимать тревогу, пока опасность неизвестна — если опасность вообще существует? Но необходимо было немедленно исследовать сток. Он может скоро понадобиться.

Послышался крик стража у входа. Кто-то напал!

«Значит, это не только воображение, — подумал Атон. — Моя душа не утратила связи с действительностью».

Схватка, хриплый возглас — и два тела упали в озеро. Одно из них — страж: невредимый, он подплыл к берегу и вновь вскарабкался на тропу. Другое — чешуйчатая камнеедка, раненая и умирающая.

Насколько Атон знал, эти твари не были плотоядными. Слишком медлительные, они никогда не приближались к человеку, так как легко становились его добычей. Что случилось с этой камнеедкой?

Появилось второе животное, потом третье... Озеро покрывалось трупами, по мере того как неуклюжие твари напарывались на каменные ножи людей. Что их сюда гнало?

Старшой подошел к Атону, стоявшему у входа.

— Послушай, — сказал он.

Далеко вверх по туннелю послышался новый шум — не похожий ни на один, который они слышали в пещерах раньше. Это был топот строя — множество ног, шагнувших в такт.

Все переглянулись, воцарилось общее молчание. Обученная армия — здесь? Лакая чушь? Верхние пещеры не могли организовать поисковой партии — они не сумели бы обеспечить ее провиантом на такой долгий путь. Если выход на поверхность близко, здесь могли оказаться люди, и они, конечно же, могли идти строем, **но не оттуда, откуда пришел отряд заключенных?**

Топот раздавался все настойчивее, приближаясь по туннелю к пещере, — размеренный ритм с нарастающей громкостью. Вот что, чем бы оно ни было, гнало перед собой других животных?

Теперь все в куполе слышали топот. Спящих растолкали, и они тревожно прислушивались к звуку, которого не могли понять.

— Хтон Великий? — воскликнул страж, в ужасе отступая. Марширующий звук возрастал. Тот, кто маршировал, огибал последний поворот, хотя люди в куполе по-прежнему его не видели.

Наконец он появился. Гигантская шутовская голова высунулась из туннеля. У нее были огромные фасеточные глаза и усы толщиной с палец и длиной в полметра. Голова медленно поворачивалась, осматривая собравшихся; топот стих. Затем двинулась вперед — в их убежище.

Голова вжималась в узкую шею. Следом вылезло тело: приземистый горб, опирающийся на две толстые ноги, которые рывками поднимались и опускались. Люди поблизости испуганно отшатнулись, освобождая место.

Тело сужалось в хвост диаметром сантиметров пять. Затем, к всеобщему изумлению, появилось второе тело, похожее на первое. Третье, четвертое! Чудовище состояло из сегментов!

Теперь люди, оказавшиеся перед головой, в ужасе отступали назад, отчаянно стремясь убежать, но не находили места для отступления. Некоторые при неумолимом приближении твари прыгали в воду.

Всеобщая свалка началась, когда тех, кто не умел плавать или боялся, грубо столкнули с выступа, чтобы дать проход гусенице. Атон и Старшой стояли ближе всех к громадной голове. Топор Старшого был наготове, но куда он выбирал, как отступить, а не как нападать. Еще не было достаточно известно, что это за зверь.

На выступ высыпала толпа. Здесь и раньше-то места не хватало, а длина чудовища была значительна. Десять, пятнадцать тел... но появлялись все новые сегменты, пока оно не заняло почти четверть окружности. Когда же оно кончится?

Атон заметил, что последние части гусеницы были бесформенны, гротескны — даже по сравнению с предыдущими. Они уже не были единообразны, их объединяло лишь синхронное движение ног. У некоторых сегментов имелись лишние конечности, которые без всякой пользы свисали с боков и болтались. У некоторых, похоже, были сморщенные головы, словно они принадлежали к разным видам.

Один сегмент выглядел совсем по-человечески.

Какая нелепость! Атон отступал от громадной головы.

Как же она питалась? На передней части рта не было видно, а сегменты находились в положении, неудобном для приема пищи. Они все появлялись и появлялись, занимая всю ширину выступа. Теперь стало понятно, для кого вырублена удобная дорожка.

Люди лезли друг на друга и, в безумных попытках бежать, падали в воду. Те же, кто удержался на ногах, столпились на участке менее полукруга — а тварь все наступала. Самые удаленные от уродливой головы сегменты были странно сморщены, словно из них высосали все соки. «Если ее охватывает голод, — подумал Атон, — он движется от хвоста к голове».

Наконец она показалась вся целиком. Раздался общий вздох облегчения: всех в воду тварь не загнала.

Последний ее сегмент заканчивался иглообразным жалом, выступавшим метра на полтора.

Над царившим дурдомом раздался вопль. Все невольно обернулись. Внимание каждого было приковано к гусенице, и развитие событий в озере прошло незамеченным.

Медленно поднимаясь из глубины, там появилось существо, похожее на кита. Оно заполнило озеро от края и до края; необъятное тело пухлой черной медузы в тридцать метров величиной! Последние капли скатились с ее выпуклой вощеной поверхности, обнаружив огромное круглое отверстие: рот.

Теперь Атон распознал ее — действительно медуза, но разросшаяся до небывалых размеров. Он сильно подозревал, что она плотоядна. Тела камнеедок исчезли где-то в стоке реки, однако непосредственных доказательств пока не было.

Доказательство не заставило себя долго ждать. Рот разинулся шире, обнажая белесый внутренний канал, изрыгающий пену, пузыри и желтые желудочные испарения. Высунулся трубчатый язык. Он выбросился почти вслепую, затем шлепнул по телу женщины, плавающей в воде, и втянул ее.

Между тем гусеница тоже занялась делом. Голова возвышалась у выхода воды, а хвост отрезал вход и пятился вдоль противоположного берега.

Мощная игла гусеницы пугала людей куда больше, чем ее голова. Внезапно хвост выскочил,

удлинившись на добрых полтора метра. Он пронзил ближайшего мужчину, дурашливо замахнувшегося обломком камня, вошел ему точно в живот и вышел из спины. Мужчина жутко заверещал и затих, но тело его держалось стоймя на острие. Жало сократилось, подтолкнув труп к завершающему сегменту гусеницы.

«Какая жуткая мощь! — подумал Атон. — Жало протаранило внутренности, мышцы, позвоночник и вышло наружу».

После чего часть трупа отвратительно вернулась к жизни. Голова и руки мужчины вяло повисли, но его ноги подхватили размеренный ритм сегментов. Других сегментов.

Хвост вылетел вновь, настигнув бегущую женщину. Острие прошло ей спину и вышло из живота. Как и первая жертва, женщина потеряла сознание или умерла; как и первая, она отдала свои нижние конечности безостановочному ритму марша.

Атон осознал, наконец, ужасную природу этой ловушки. То, что казалось невинным прибежищем, в действительности, служило местом одновременной кормежки двух самых хищных обитателей Хтона. Жертва могла выбрать своего убийцу — не более того.

Целый отряд забрался в ловушку и чувствовал себя в ней как дома. Теперь не было времени думать, прикидывать, изучать. Гусеница включала в себя новые сегменты как попало — задом, передом, боком, сложенные пополам — как им довелось встретить пронзающий хвост. Китомедуза неуклюже всасывала всех, кто упал, нырнул или был сброшен в воду. Она могла позволить себе неуклюжесть. Прием пищи займет немало времени — но в ее наличии она была уверена.

14

Старшой взялся за руководство. Ухватив двумя руками топор и топорищем расталкивая людей, он расчистил место и шагнул вперед — на поединок с головой гусеницы. Атон последовал за ним, догадавшись о его намерении.

Старшой встал в боевую стойку и размахнулся — заиграли мышцы на его спине. Лезвие топора вошло в резиновую морду гусеницы. Из раны потекла зеленая вязкая жидкость. Тварь издала отчаянное шипение каким-то клапаном за торчащими усами и отступила. Движение передних ног волной пробежало к хвосту. Старшой ударил еще раз, целясь в выпученные глаза, но гусеница моргнула.

Моргнула: блестящие прутья из покрытой металлом кости изогнулись над глазами защитной маской. Она не использовала голову в схватке, но, тем не менее, умела защищать ее от добычи, посмевавшейся сопротивляться. Такое грубое оружие, как топор, могло ее разве что вспугнуть, но не убить.

Старшой ударял снова и снова, поражая края разноцветной головы, и она пятилась все дальше. Во при этом наступал хвост, а это было гораздо хуже. Круг почти замкнулся, длинное тело гусеницы простиралось неумолимо и беспредельно.

— Мы должны убить ее или прогнать прочь, — закричал Атон. — Или столкнуть в воду.

Для чудовища это означало бы конец. Гусеница тонет и расплескивает воду шагающими ногами; китомедуза давится нескончаемым куском, который ей не проглотить. Погибнут обе.

На самом деле все было не так. Согласованное нападение отряда выгнало бы гусеницу. Люди могли бы окружить ее и, схватив бесчисленные ноги снизу, столкнуть с выступа; или же взобраться к ней на спину и отпихнуть от стены. Да — ее можно победить. Но не испуганной толпой. Необходимой организованности из-за общей паники не достичь. Явный, очевидный побег — лишь он мобилизовал бы орущих людей.

— Река! — закричал Атон, указывая на бурлящее отверстие. Старшой услышал его среди шума и оглянулся. Поняв мысль, он отступил к берегу и встал настороже, готовый помешать наступлению гусеницы.

— Туда! — завопил Старшой, указывая вниз. — ТУДА! — Какой-то мужчина увидел знак и прыгнул в мелководье между горбом китомедузы и краем озера. То плывя, то шагая по пористой плоти, он прошлепал к сливу и нырнул. Поток воды протолкнул его внутрь.

Пауза: затем еще один мужчина исчез из вида до того, как водяное чудовище его обнаружило. После него женщина, а остальные тем временем выстроились в очередь, предпочитая неведомую дорогу видимым ужасам.

Шестым человеком в дыре оказался Первоцвет. Он весил, по его собственным словам, сто восемь килограммов. Слишком поздно обнаружилось, что его туша велика для дыры. Голова и плечи исчезли в ней, дрыгающиеся ноги — нет.

— Вытащите оттуда этого ублюдка! — заорали обезумевшие люди. Голова и хвост гусеницы начали наступать, вытягиваясь из тела. Водяное чудовище шарило языком вблизи дыры. Если помеху быстро не убрать, все погибнут.

Атон прыгнул в воду и схватил дергающуюся ногу. Он нащупал камень, уперся в него и напрягся, но вода с силой давила на толстое тело, вжимая его в дыру. Атон сменил тактику: он попробовал протолкнуть его, но и это ему не удалось, тело не двигалось ни туда, ни обратно. Похоже, вытащить Первоцвета невозможно.

Старшой глянул вниз с мрачным лицом. Голова гусеницы находилась недалеко от отверстия, но проход к нему еще оставался.

— Не теряй времени! — рявкнул Старшой. — Пусти.

Атон отплыл, поглядывая на Шевелившийся позади него язык. Старшой прав — времени в обрез.

Широко расставив ноги. Старшой резко махнул топором. Он ударил по торчащей из дыры нижней части тела. Полные ноги Первоцвета перестали дергаться. Старшой взмахнул еще раз, глубже врубаясь в

рану, словно валил дерево. Окрашивая воду, обильно хлынула кровь.

«Твою ли смерть я ощущаю сейчас, старина?»

Толстый язык китомедузы почуял кровь и подобрался ближе. Чтоб избежать его. Атон отчаянно поплыл прочь; скользкий холодный язык шлепнул его по ноге, обвинил бедро, но искал он не Атона. Определив источник приятного вкуса, он лизнул разрубленное тело, обвинялся вокруг. Старшой, наблюдавший за ним, наметил удар, чтобы отрубить язык.

— Не надо! — закричал Атон. — Остановись!

Сбитый с толку, Старшой замешкался. Сначала он собирался разрубить тело Первоцвета на части, которые могли бы проскочить через дыру и таким образом открыть проход. Но если была альтернатива...

Огромный язык напрягся. Чудовище приподнялось. С хлюпающим звуком жирная красная куча покинула дыру и поплыла ко рту китомедузы. Голова Первоцвета безвольно болталась, как бы кивая Атону.

Вода рванулась вниз неистовым водоворотом. Путь был свободен. Китомедуза их спасла.

Атон прыгал одним из последних. Когда подошла его очередь, он вдруг почувствовал иррациональный страх. Куда вел путь побега? Как уверить себя, что этот шаг менее опасен, чем жуткие альтернативы позади? Но, чтобы освободить этот проход, умер Первоцвет: и ничего не оставалось, как лезть туда же.

Атон нырнул с открытыми глазами и рассмотрел проход, пока тот всасывал его. Вода толкала, продвигала Атона вперед; дыхания не хватало. Едва стены начали расширяться, он мощными гребками выплыл на поверхность.

Слишком рано — он стукнулся головой о низкий потолок и почти без сознания поплыл по бурному потоку. Через секунду чья-то сильная рука схватила его за волосы и вытащила голову из воды, чтобы он смог отдышаться. Когда в голове прояснилось, Атон понял, насколько своевременной была помощь — впереди ревел водопад.

Отплевывая розоватую воду, он выбрался на берег. Только теперь узнал своего спасителя: Гранатку.

Большинство спаслось таким же образом. Других отнесло к водопаду. Когда стало ясно, что больше никто не появится, они начали спускаться по причудливым скальным образованиям к большому озеру в шести метрах ниже водопада.

Озеро было полно людей. Те, кто не пострадал, уже выбрались на берег. Не умевшие плавать дико и бесцельно бились в воде. Некоторые уже и не бились.

Гранатка первой взялась за дело. Она подцепила за ногу барахтавшуюся поблизости женщину и вытащила ту на мелководе. Потом отправилась за другой. Плавала она превосходно.

Те, кто был в силах, последовали ее примеру. Вскоре вытащили все тела. Но страшная пошла была оплачена.

Сто шестьдесят человек вошли под тихий купол пещеры: сейчас здесь стояло тридцать восемь. Еще семеро были слишком плохи, чтобы идти; их придется умертвить — гуманным ударом топора.

Ниже по течению раздался крик. Усталые головы повернулись, чтобы узнать, какая еще грозит опасность. Но это был крик открытия.

На плоской глыбе возвышалась пирамида из камней — произведение разума. Рядом нацарапана буква «Б» и стрела, указывающая вниз по течению.

Тропа доктора Бедокура.

15

Дальше было легче. Выжило девятнадцать мужчин и девятнадцать женщин: самые достойные, по определению природы, из обитателей нижних пещер. Уменьшившись численно, отряд стал управляемым и действенным, а предприятие в целом — более увлекательным и менее грязным. Воздух был свеж, вода чиста, температура низка.

Знаки Бедокура появлялись через равные промежутки, указывая вниз по течению. Как он дошел так далеко один, им никогда не узнать; но он явно сделал это, пребывая в здравом уме — и этого было достаточно.

— Как он выглядел? — спросил Атон Гранатку, когда они перелезали через груды каменных изваяний.

— Очень умный, — сказала она. — Маленький и хитрый. Слабые глаза, но за ними ум, как скальпель. Он пригодился ему для побега...

— Но если он добрался так далеко, что свело его с ума?

— Наверное, увидел химеру.

Люди продолжали исчезать — причем одни мужчины — без следа. Предполагалось, что химера по прежнему преследует отряд (как она прошла через купольную пещеру?) и настигает неосторожных. Непрерывный шум реки заглушал отдаленные крики.

Поход продолжался. Река расширилась, питаемая притоками, которые их больше не интересовали, и при этом расширялись и окружающие ее пещеры. Туннели-воздуходувки пропали. Вместо них отряд шел через скальные образования, водяные отстойники и размывы, леса древообразных сталагмитов и пещеры из белых кристаллов. Порой река распадалась на несколько рукавов, петляя среди сочлененных сводов с темными потолками и неопределимыми границами, и вновь соединялась.

Наконец она раздалась до размеров широкого озера с медленным течением. Отряд шел по левому берегу. Воду приостанавливал крутой утес метров пятнадцати в ширину, выгибавшийся вверх в трехмерный лабиринт. Берег был ровный, с пляжем из белого песка. Само озеро оставалось чистым и холодным — наслаждение для купающихся, но на одном из знаков Бедокура стоял череп со скрещенными костями. Они приняли его на веру.

Вновь пещеры Хтона являли свою красоту и покой. Но на сей раз в рай никто не верил.

Открытая тропа постепенно сужалась по мере того, как стена приближалась к озеру. Стена с другой стороны отступала, оставляя место для пляжа на том берегу. Берега поменялись своими очертаниями — или, скорее, река просто перенесла русло к ближней стене.

Наконец они подошли к знаку, указывающему на воду. Пора переправляться на другой берег.

Но на середине реки они увидели белый бурун от большого речного животного. След, который сопровождал им в течение нескольких переходов. Изобретательный Бедокур мог приготовить химикаты, чтобы отпугнуть тварь. Отряду приходилось искать другие способы.

Старшой долго не размышлял:

— Жребий!

Подошла Гранатка.

— Знаю, чего ты хочешь, — сказала она мрачно. — Я согласна. Я хорошо плаваю.

Старшой оттолкнул ее.

— А не собираюсь тебя ни о чем просить! Жребий.

Она не двигалась.

— Ты не смеешь больше разбрасываться мужчинами. Я хорошо плаваю. Я согласна.

Старшой долго изучал ее. Потом отвернулся.

— Останься здесь, — кинул он через плечо. — Пятый, пойдем со мной.

Атон отправился с ним подальше от отряда, туда, где стена резко изгибалась, оставляя на берегу открытое место.

— Я хочу потолковать с тобой, Пятый, — сказал Старшой, кладя топор у воды и снимая остальное оружие. Атон, зная, что грядет, сложил свои каменные орудия.

— У каждого из всех нас — своя причина, по которой он оказался внизу, — продолжал Старшой. — Ни один из нас не вправе судить других. Но сейчас мы должны принять решение. — Он стоял, упершись руками в бока. Его мышцы, более крепкие, чем перед походом, слегка блестели от пота. — Не знаю, из-за чего ты сюда попал, мне спрашиваю об этом. — Всего-навсего стандартная любезность: слух об Атоновой миньонетке ходил уже давно. — Но после того, как мы покинули рудники, ты вызвал больше неприятностей, чем десяток людей из отряда. Ты ловкий, крепкий — но я тебя раскусил. Я давным-давно понял тебя. Будь моя воля, я привязал бы к камню приманкой для химеры тебя, а не того испуганного человечка, у которого на крупные опасности кишка была тонка. Ты должен был застрять в той дыре и получить удар топором, а не единственный человек с мозгами, способный нас вывести. Ты поплывешь по реке в одиночку.

Старшой вовсе не был невежествен, как полагал Атон. Насколько сильны были его подозрения?

— Ты обвиняешь меня в преступлении Влома?

— Я — человек простой, — сказал Старшой. — Я не знаю, что творится в людских умах, и мне понадобилось много времени, чтобы все это понять. Но я уверен, что Влом и пальцем бы не тронул своего единственного приятеля. Он указал бы на своего злейшего врага, чтобы спасти виновного друга. Но он **не знал**, кто взял вторую половину голубого граната. Он решил, что ты невиновен, поскольку виновен был он. Влом надеялся, что ты предоставишь ему алиби, но ты этого не сделал, и это означало его конец. У тебя была одна причина так его вломить. Ты понимал, что мы ни из кого не вытянем признания, потому что они никогда этого не делали: вторые полграната

подобрал **ты** и сунул их в корзину для Счетовода. Предатель — ты!

Тугодум Старшой казнил Влома до того, как понял правду — и теперь должен был признать свою ошибку.

— Очень жаль, — с сочувствием произнес Атон. — Ты вешаешь на меня и вину за смерть Первоцвета?

— Ты хитер! — Старшой оставил без внимания иронию Атона. — Рассчитал, что дело кончится Тяжелым Походом, а этого-то тебе и надо было. Другие умирали вместо тебя. Ты не осилил бы поход в одиночку. Все, кто здесь умер, умерли из-за тебя.

— Даже жертвы химеры?

— Когда мы слышали крик Влома, тебя поблизости не оказалось. Тогда-то я и начал размышлять. Ты явился с той стороны туннеля. Химера должна была пройти мимо тебя. Но ты ничего не сказал! Ты хотел смерти Влома, чтобы он ничего не сболтнул, ведь ему, возможно, кто-нибудь бы и поверил.

— Точно! Колдунья-миньонетка наделила меня истеричной силой. Я могу в мгновение ока убить голыми руками. Могу схватить человека за жилы на шее и разодрать их. Могу засунуть пальцы ему под ребра и вырвать грудную клетку. Могу воспользоваться длинными ногтями, по-кошачьи впиваясь в лицо своей добычи, могу ломать шеи и откручивать головы. Могу точно воспроизводить порезы и царапины, оставляемые когтями животного, а также полусжеванные, полурванные следы нападения. У меня в тайнике есть специальные приспособления, чтобы подражать следам призрачной химеры, и делаю я это в считанные секунды. Я не сумел протащить эти приспособления вниз и потому изготовил их сам, в тайной лаборатории, где у меня имеется крепкий металлический пресс и небольшая доменная печь для плавки железной руды. Камень, сам понимаешь, для этого неудобен. Я пробил дыру на поверхность, чтобы незаметно выпускать дым и гарь. То и дело приходилось подниматься вверх и отгонять от дыры ротозеев, потому что я не хотел, чтобы кто-то совал нос в мои личные дела. Моя лаборатория звуконепроницаема, чтобы никто не слышал грохот. А еще у меня есть собственная железная дорога, параллельная нашему пути в Тяжелом Походе, так что я могу подвозить свои орудия всякий раз, когда возникает нужда в очередной казни. У меня есть особые устройства для уничтожения кровавых следов, и, конечно же, я ношу

закрывающую все тело одежду, наподобие космокостюма, уберегающую от кровавых брызг; я снимаю ее и прячу, оставаясь нагим, и никто не может распознать, что я сделал. Ведь мне нужно немедленно присоединиться к отряду, чтобы никто не заметил моего отсутствия, когда раздается первый крик жертвы. Должен признаться, что с Вломом я немного замешкался, но все равно сделал все в лучшем виде. Всего несколько секунд. Чем не охота? Если бы ты знал, как это увлекательно...

Старшой продолжал, не тронутый навязчивым сарказмом Атона:

— Я вижу, что ты сделал с Гранаткой. Она — грубая баба, но не заслуживает того, как ты с ней обходишься. Ничем не могу помочь в остальном. Но с ней ты все уладишь.

«Да, пришло время решения».

— Ты в этом уверен?

— Уверен, — подтвердил Старшой. — Есть одна штука, которую может сделать хвеевод. Гранатка должна умереть, но пусть она умрет счастливой. Ты позовешь ее по-хорошему, приведешь куда-нибудь, где вас никто не увидит, сочинишь ей всю ту чушь, на которую покупаются бабы, и все с ней уладишь. Пусть она получит то, что вполне заслужила. Остальные будут отдыхать и готовиться к переправе.

Атон внимательно посмотрел на него. Старшой говорил серьезно.

— Думаешь, она этому поверит? — он готов уже был сдаться.

— Она поверит тому, во что хочет верить. Я прекрасно ее знаю. И ты ей в этом поможешь. Когда надо, ты — отличный болтун, — Старшой позволил себе легкую улыбку. — Почему она торчит на тебе, мне не понять. Но ради тебя она готова на все. Сделаешь все как надо и до конца... или на этот раз будешь приманкой **ты**, а не она. Если не веришь мне...

Атон не верил. Привыкнув не предупреждать, он развернулся и нанес удар босой ногой со всем смертоносным умением своего боевого искусства. Креллевод запоздал с нравоучением.

Ребро стальной ладони отмело выпад Атона в сторону. Казалось, Старшой чуть шевельнулся, а уже провел боевой прием. Его мозолистая ступня ударила по другой ноге Атона снизу. Сила болезненного падения на каменный пол была удвоена весом Старшого. Под тонким слоем оставшегося жира креллевод был тверд, как стена пещеры. Свободная рука зажала голову Атона, мощная ладонь ухватила руку в мертвый замок. Пальцы нащупали челюсть.

Атон дико рванулся. Заорал. Взрыв невыносимой боли в горле, невольный и бесполезный рывок из удерживающих его рук, вопящий мрак над миром.

После легкого прикосновения стальных пальцев к скрытому нервному центру, мир вернулся к нему на удивление нереальный. Голос мягко спросил:

— Детка задумал поиграть?

Старшой отпустил его, оставаясь настороже.

— Скажи Гранатке, что мы дрались из-за нее, и ты победил, — посоветовал он. — Не хочу, чтобы ты выглядел потрепанным, космогард все-таки. — Старшой продолжал настаивать на своем.

Так они разыграли втроем сцену жертвоприношения Гранатой:

Старшой ждал с обмотанным веревкой кулаком, зная, что любовные звуки поддельны, хотя его сострадание охотно сделало бы их истинными;

Атон смутно обнаруживал, что познание смерти порождает мелодию, а мелодия — удивительно реальную страсть;

Гранатка принимала добровольную смерть как единственный способ вызвать эту страсть и, вероятно, на какой-то миг подлинную любовь и преодолеть свои невзгоды.

А белый бурун ждал...

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ХТОН

§ 403

ШЕСТНАДЦАТЬ

Атон медленно приходил в себя. Календарь на противоположной стене комнаты был открыт на Втором Месяце, § 403 — почти через год после запавшего в память ужаса. Он поцеловал миньонетку, и... почти год!

«Где я был? Что делал в этот промежуток?»

Он огляделся. Первым предметом в уютной комнате, привлечшим его внимание, было деревянное кресло с твердой спинкой: мощное кресло Аврелия, охранявшее выход. Напротив стоял плюшевый диван, тоже слишком знакомый — диван, который он всегда воспринимал как материнский. Над ним по-прежнему висел портрет дочери Десятого в раме, не вызывавший ныне никакой вины. Рядом с ним...

Рядом с ним висела паутиная картина художника-ксеста: мать и сын.

Атон выкинул из головы комнату и стал рассматривать себя. На нем была светлая рубаша, чистый комбинезон и мягкие сапоги хвеевода: тот, кто его одевал, знал как. Мог ли он при подобной амнезии одеться так сам?

В соседней комнате кто-то находился. Аврелий? Нет, он умер, так же как умерла лесная нимфа, как умерли все, кто заботился о нем. Кто занимал дом пятого? Поступь была легкой, знакомой.

— Тема раковины? — воскликнул он, внезапно обрадовавшись, очень обрадовавшись. Он думал, что она тоже мертва, если она вообще существовала вне его грез. Он убил ее — но это была символическая казнь, отречение от второй любви, а теперь символика исчезла.

Она вошла в комнату: волосы были длиннее, чем в воспоминаниях четырехлетней давности, и отсвечивали серебром на фоне зеленой хвеи в полуденном солнечном свете. Изящные черты лица тверды, на запястье — ничего.

На Идиллии не существовало физической смерти, и они оба знали об этом. Однако он столкнул ее с горы в момент восторга. Она не была телепаткой и не могла знать, что его поступок означал отречение не от нее, а от миньонетки. Для Кокены это был его второй отказ... но трепещущая хвея, которую она по-прежнему носила, показывала, что ее любовь к нему не ослабевает.

Быть достойным такой женщина...

— Дочь Четвертого, — сказал он, — я люблю тебя.

Она подняла глаза:

— Атон?

Он с трудом встал. В своем теле он почувствовал силу — значит, он не провел весь год в постели.

— Кокена, ты меня не узнаешь?

Она внимательно на него посмотрела.

— Атон, — повторила она, наконец, улыбнувшись.

Он шагнул к ней. Она отступила.

— Пожалуйста, не дотрагивайся до меня, Атон.

— Кокена, **почему?**

Она стояла за широким креслом Аврелия.

— Все может быть не таким, каким ты это помнишь, Атон.

Он вернулся к своему стулу и сел.

— Разве мои мечты ошибались, милая ракушка? Ведь на Идиллии никто не умирает?

— Нет, Атон, нет — не то. Но тебя... не было... долгое время. Я должна быть уверена.

— В **чем уверена?** — спросил он. — Миньонетка мертва, а я люблю тебя. Я любил тебя с самого начала, но пока я не победил миньонетку...

— Атон, позволь мне, пожалуйста, сказать. Тебе будет тяжело, а времени не так много.

Ее рассудочность изумила его.

— Кокена!

Она не обратила внимания на его восклицание и заговорила чуть быстрее, чем раньше, словно читая лекцию.

— Я ходила в лес до того, как ты освободился из Хтона, и говорила с миньонеткой, говорила со Злобой. Я показала ей хвею, которую носила, а она взяла ее и показала, что любит тебя так же, как и я.

— Она любила по-своему, — сказал Атон.

— Она была прелестна. Я улавливала ваше семейное сходство. Она рассказала о тебе все, что мне следовало знать, и я смогла позаботиться о тебе во время твоего выздоровления. Она предупредила меня, что из Хтона явится некий злодей и что я должна защитить тебя от него. Она сказала... она сказала, что вскоре уйдет, и оставила мне песню.

— Песню!

— Она хотела, чтобы ты был счастлив, Атон, но видела, что кровь миньона разрушает тебя, а злодей из Хтона ждет, что от тебя останется. Она подарила тебя мне, Атон, ты не победил эту великолепную женщину!

Мысль об этом ужаснула его.

— Все это... случилось **до того**, как я бежал из Хтона?

— Мы любили тебя, Атон.

— Злоба **знала**, что она умрет?

— Да. Ее имя в понятиях ее культуры означает «Сострадание», и она любила твоего отца настолько, что оставила его, а тебя настолько, что умерла ради тебя. Когда Аврелий увидел, как ты идешь с ней по полям, он понял все и прекратил свою долгую борьбу с болотной ржой. Вскоре умерла и она. Приехал брат Пятого, и мы похоронили Аврелия в лесу рядом с ней.

— Песня, — выговорил Атон, не в силах более сосредоточиться.

Кокена мельком взглянула на него.

— Мне пришлось разбудить тебя... рано, — сказала она. — Песня... — Она решилась: — Вот песня.

Она запела, и это была мелодия его детства. Голосу Кокены не доставало богатства голоса миньонетки, но сейчас это не имело значения. Ведь это была та самая **песня**.

Она пропела ее до конца, но чудо исчезло.

— Песня не прервана, — сказал он, только теперь понимая, что ее истинная привлекательность — не в самой мелодии, а в том, что она не завершена — точно такими были и его отношения с миньонеткой. Не песня, **но прерванность** влекла его за собой. Почему он не понимал этого раньше?

Кокена пристально наблюдала за ним.

— Теперь, Атон, песня для тебя ничего не значит?

— Извини, — сказал он, понимая, что это выражение неуместно. — Ты могла бы избавить себя от неприятностей.

— Нет, нет, — сказала она с более ясной улыбкой. — Все хорошо. Значит, миньон в тебе умер. Ты

опять выздоровеешь, если только...

Эти таинственные намеки раздражали его.

— Если только **что?** Что еще за «выздоровление» и какой такой «злодей»? Где я был и что делал весь этот год? Почему ты не подпускаешь меня к себе? Почему тебе вообще пришлось будить меня? Я спал?

— Теперь я могу тебе сказать, — Кокена обошла кресло и села в него, поодаль от Атона. — Полуминьон, получеловек, ты не мог жить ни в одном из двух миров. Злоба предупредила меня о страшных последствиях, если бы ты бежал до разрешения этого конфликта. Но после того, как она принесла себя в жертву, ты обезумел и рыскал по лесу в диком слепом гневе. Твой дядя — Вениамин — вытащил тебя из аэромобиля и привел ко мне. Пришлось воспользоваться наркотическими препаратами. Мы не смели извещать власти, иначе тебя выдали бы Хтону. Мы поддерживали твой разум пустым до тех пор, пока ты не выздоровел. Миньонетка предупреждала меня, что может пройти два года до того, как потрясение от ее смерти оставит твою душу и ты снова станешь нормальным человеком. Мы знали, что, все это время мы должны удерживать тебя от деятельности. Но...

— Наркотики! Целый год?

— Больше ничего не оставалось. Добавляли в пищу. Вениамин вел хозяйство, я ему помогала и ухаживала за тобой. Ты, Атон, стал растением — вот почему сейчас я не могу к тебе привыкнуть. Я водила тебя на прогулки...

— Как зверька на поводке!

— Подробность про выгуливание собак! — огрызнулась она. — Пожалуйста, дай мне закончить. Мы скрывали твое присутствие, но один злодей, похоже, это знал. Его бог — телепат, сильнее миньонетки. Этот злодей приходил за тобой, утверждая, что отныне ты принадлежишь Хтону. Он знал... очень многое. Он сказал, что только в Хтоне ты в безопасности, что бог Хтона восстановит твой разум. Он пытался забрать тебя.

— Посланник из Хтона? — Атон недоумевал.

— Хвеи его не любят, — сказала Кокена, словно это снимало вопрос — как, вероятно, и было. — Я... я сделала ему больно, и он убрался. Теперь сидит в космодоразе и дожидается твоего пробуждения. Говорит, что ты придешь к нему, когда вернешься в сознание. Я его боюсь. Тебе придется встретиться с ним до того, как ты к этому готов, я слишком рано прекратила давать тебе лекарства.

— Кончился запас? — Атону не радовала ни одна из составляющих его странного положения.

— Нет, — больше она ничего не сказала, а вместо этого указала на дверь. Он подчинился ее жесту.

Опускалась ночь, над сумрачным горизонтом виднелись облака — пепел на небе. Он никогда не видел свою родину более прекрасной.

«О радость! — подумал он. — В нашем...»

— Ты должен пойти к нему, — настаивала Кокена. — Тебе придется сразиться сегодня ночью, пока есть время. Пожалуйста, иди.

Атон смотрел на нее, рассеянно отмечая ее прелестную бледность.

— Сразиться? Зачем? Я ничего о нем не знаю, об этом «злодее». Что за спешка? Почему ты молчишь?

— Прошу тебя, — сказала она, и на щеках ее блеснули слезы.

— Позволь мне коснуться моей хвеи, — сказал он, выигрывая время, чтобы понять тайну. Кокена стояла неподвижно, как кукла, пока он вынимал цветок из ее волос: знак любви, который ему придется постоянно приручать, когда они пожениются. Кокена любила его странно, такими могли показаться и ее поступки; но хвея подтверждала ее любовь. Сейчас она действовала так же необъяснимо, как давным-давно миньонетка в космодоразе. Были ли причины ее поступков так же обоснованны?

Хвея на его ладони завяла и умерла.

«Час убывания любви нас посетил», — подумал он пораженный. Но потерянная ДЗЛ теперь не

утешит.

Кого хвоя не может любить...

Атон уставился на бессильную зеленую веточку. Она осудила его как недостойного быть любимым, и просить ни о чем было нельзя. Неужели все его стремления нашли в этом свое завершение?

Облака тускнели в гаснувшем свете: зола на небе.

СЕМНАДЦАТЬ

Охладевшая Кокена не сказала ему, где искать злодея, но Атон целеустремленно шагал по полям в знакомом направлении. Три километра ходьбы в сумерках привели его к черному силуэту корабля Хтона.

Этот человек ждал его почти год — не как рука правосудия, но как посланник бога. Сила Кокены оттолкнула его. Кокена не преувеличивала, когда говорила — давным-давно, когда ее любовь только зарождалась — о своей способности побеждать нападавших мужчин. Но ей не дано покорить мощь Хтона, стоявшую за спиной посланника. Это удел самого Атона.

Он ни в коем случае не собирался вернуться в тюрьму.

Замок не был заперт. Глупец, позабывший о собственной безопасности! Атон нашел трап и полез вверх.

Его голова поднялась до уровня люка, что напомнило ему прошлое восхождение и прошлую надежду. Что-то кольнуло его в лицо. Атон замер, ощупывая глазами потемки.

Это был небольшой нож с тонким лезвием, который кто-то держал с четкостью хирурга. Чуть поблескивая, глаза сидевшего на корточках человека внимательно следили за ним, а Атон знал, что сильные контактные линзы позволяют видеть и в темноте. Ниже — губы, сложенные в беззвучном свисте, немелодичном отклонении от нормы.

— Привет, Соучастник, — сказал Атон.

— Соучастниками мы еще станем, — ответил человек. — Но не такими, какими были. Вы меня уже знаете. — Нож не шевелился.

— Да, — сказал Атон, ставя ноги поудобнее. — Миньон Хтона, пришедший забрать меня обратно. Вовсе не случайность привела вас в дремучие леса Идиллии, планеты Хтона, чтобы найти меня и провести через открытия, не оправдавшие моей пригодности вашему хозяину. Отличные слова: никто не убегает.

— Никто, — согласился человек, которого красноречие Атона ничуть не впечатлило. Лезвие не отодвинулось.

Атон понимал, что отступить нельзя — ни словесно, ни физически. Если бы его не обуревали другие вопросы, он бы давным-давно разглядел Соучастника насквозь. Тот был слишком терпелив, давая ему время на Земле, на Миньоне, на Хвее; он стусевывался, пока Атон исследовал собственную природу. Соучастника не интересовали ни гранаты, ни рудники, где их добывали; всего лишь удобный предлог, чтобы усыпить подозрения. У Соучастника имелся уже ключ и от рудников, и от всего Хтона.

Атон помедлил, прежде чем сделать очередное заявление, не уверенный, заставит ли оно убрать нож или воткнуть его. Потом бросился с головой.

— Не случайность. В самом деле, мы очень похожи... доктор Бедокур!

Лезвие исчезло.

— Входите, — сказал доктор.

Атон залез в каюту. Тесное жилое помещение оставалось таким же, каким он помнил его по нескольким совместным путешествиями запасы воды и пищи располагались вдоль одной короткой стены, откидывающиеся койки — вдоль другой. Любительский корабль, предназначенный для полетов на пикники и развлекательных путешествий. Место, отводимое обычно для груза, было незанятым. Площадь пола составляла роскошных восемь квадратных метров.

Бедокур взмахнул рукой, и со стен замерцал мягкий зеленый свет: свет пещер Хтона. Атон как будто этого не заметил. Соучастник, скрывая свою личность, страдал от обычного освещения, но теперь маска была отброшена. Какова истинная связь между этим человеком и Хтоном, и почему раньше он утаивал свою историю?

— Что такое «Микса»? — спросил Атон.

— Слизь. Это было не очевидно?

— Не в то время, — сказал Атон, думая о Хтоне и тамошних ужасах. «Тяжелый Поход поберег худшее на самый конец. Какого рода человек мог полюбить его настолько, чтобы задавать академические загадки тем, кто идет следом?» — Вы знаете, сколько погибло, пытаясь бежать? Как вам удалось это в одиночку?

Бедокур сидел на корточках, прислонившись к стене, словно находился в пещерах, по которым он явно скучал. Атон был убежден, что его скальпеле не на виду, но наготове. Неосторожный человек не переживет опасностей похода. И нормальный. И не безумный.

— Безумие в наши дни, конечно же, узаконенная выдумка, — сказал Бедокур, решив прежде всего разделиться с подразумеваемым вопросом. — Биопсихические методы официально искоренили эту проблему, подобно тому, как лекарства победили физические болезни, за исключением озноба и двух-трех других. — Атон оценил ироническую ссылку на страшнейшую из всех болезней — озноб. — Тем не менее, для общества остается необходимым заточать в тюрьму определенных... э-э... неконформистов. Когда я оказался в Хтоне в качестве заключенного, мой — позвольте назвать это комплексом побега — мой комплекс побега активизировался. У меня была цель. При таких обстоятельствах я вынужден был стать нормальным. Вы следите за мной?

— Нет.

Бедокур нахмурился.

— Человек, который приспособился к ненормальной ситуации, но живет в «нормальном» обществе, имеет тенденцию к невыживанию. Но поместите этого человека в ситуацию, созвучную его личным склонностям, и его черты станут необходимыми для выживания, тогда как нормальный человек погибнет. Вот основания для поговорки; что не безумному человеку из Хтона не убежать. Хтон не ориентирован на душевное здоровье. Конечно, шансы против совместного наложения искаженных изображений...

Атон замотал головой. Он не обращал особого внимания на слова, понимая, что это лишь разговорная прелюдия к грядущему отчаянному поединку. Ему противостоял здесь такой смертельный враг, с каким он не встречался за всю свою жизнь — из тех, кого приходилось убивать. От их сражения зависело будущее Атона, хотя исход был неясен. Поражение означало возвращение в Хтон и новую нормальность; победа — возвращение к погубленным надеждам умершей хвеи. Вероятно, он боролся, скорее всего, за сохранение за собой права запятнать себя самоубийством.

— Бросьте рыбу в воду, и она поплывет, — резко произнес Бедокур. — Оставьте ту же рыбу на суше...

Атон кивнул, не желая продолжать эту тему.

— Хтон был моей стихией, — беспощадно продолжал Бедокур. — Я проложил себе путь наружу. Я выплыл. Тамошние чудовища были ничто по сравнению с чудовищами в моей голове. Но когда я вернулся в мир, я стал тонуть в воздухе, как тонул и раньше. Мое отклонение быстро указало на мое положение, и я вновь был арестован. Вторично меня в Хтон не отправили, поскольку решили, что я выведу всех. Меня нельзя было ни игнорировать; ни выпускать. Они предпочли приложить небольшое целебное безумие к своему собственному разуму и объявили, что из Хтона убежать невозможно, а потому я — сумасшедший, назвавший себя знаменитым доктором Бедокуром. Это, по-своему, вполне справедливо. Как бы там ни было, меня положили в «больницу» на «обследование». Очередное заключение вновь активизировало мой синдром побега, и я опять стал способен действовать. После Тяжелого Похода их стены и охрана были детской игрой.

Атон с циничным видом наблюдал за ним.

— Если вы знали, что свобода будет стоить вам душевного здоровья, зачем вы боролись за нее?

Бедокур широко улыбнулся.

— Еще одно романтическое помешательство. Мы полагаем, что проблему личности можно ликвидировать посредством ее понимания — как будто для того, чтобы поднять гору, человеку достаточно подумать, что она тяжела. Нет, понимание — не синонимично решению. Я лечу к свободе, как мотылек к свече, и ничто столь несущественное, как Разум, не свернет меня в сторону.

Атон подумал о собственном опрометчивом стремлении соединиться с миньонеткой: ее алые волосы — страсть, черные — смерть. Разум — как он мог надеяться преодолеть разверстую холодную и

мрачную пустоту, потерю исцеленной песни, разбитой раковины? Мотыльку больно, поскольку его крылья превратились в пепел, но он еще не понял, что больше не может летать. Какой смесью метафор сумеет он себя проанализировать? Гусеница, ползущая в ад?

— Но теперь вы здоровы и свободны. — «Не похоже».

— Ни то, ни другое не естественно, — сказал Бедокур. — Впрочем, да: теперь у меня больше здоровья и свободы, чем когда-либо, и вот их-то я вам и предлагаю.

— Свобода и здоровье — в **Хтоне**? Экая чушь? — сказал Атон и приготовился к действиям.

— Неужели вы полагали, — сказал Бедокур на удивление спокойно, — что можно бросить вызов легким и желудку Хтона и не быть подотчетным мозгу?

— Вашему богу я не подотчетен. Я выиграл свою свободу.

— Еще нет, — сказал Бедокур. — Хтон пожаловал вам отсрочку приговора. Вы ее не завоевали.

Слова звучали очень знакомо. Как много, сил воображало, что они управляют его жизнью? Или они всего-навсего воображаемы?

— Как вы заметили, — продолжил Бедокур, — мы очень похожи. По нормальным стандартам я безумен. Лишь поручение от Хтона сохраняет мое равновесие. Хтон заботится обо мне неким способом, который вы скоро поймете. Но вы...

— Я был осужден как душевнобольной преступник, — признался Атон. — На Хвее этот термин еще в моде. Но все это было до смерти миньонетки. Сейчас я в полном порядке. — Ложность этого заявления тут же поразила его. Хвее его больше не Любили, а это значило, что он совершенно испорчен, неважно, сознает он причину этого или нет. Подозревала ли Кокена? Не потому ли она держалась от него на расстоянии? Почему же в таком случае она все время заботилась о его теле? Зачем послала победить «злодея»? Слишком многое неразрешимо.

Но он совершил бы одну вещь ради нее, ради любви, которую, по его мнению, он ощущал, хотя понимал, что теперь это мелкая эгоистическая вещь — любовь, недостойная ее. Он бы сделал ей подношение, поскольку она, похоже, этого хотела: безжизненное тело Бедокура.

— Ваше личное безумие произрастает из биологической почвы, — сказал Бедокур. — Оно неизлечимо. Свою наследственность вам не переделать. Вы и дальше будете садистски убивать, потому что миньон в вас жаждет телепатического наслаждения от боли невинных жертв. Вы и дальше будете забывать свои преступления, потому что человек в вас не может принять преступных наслаждений, которых требует ваше второе Я. Вы и дальше будете оправдывать решение тех, кто наложил запрет на Миньон, ненавидя себя больше, чем кого-либо, — и по праву. О да — теперь вы знаете о своем безумии, не так ли, миньон?

— Я убивал, — сказал Атон, — но не садистски. Мои поступки исходят из справедливости и милосердия. Я — не химера.

Бедокур не смягчился.

— Я не говорю о честных убийствах, миньон. Конечно, в Хтоне убивать порой необходимо. И не ваши ошибки я имею в виду: девушку на Идиллии, месть миньонетке, пещерную женщину. Вы пытались их всех убить, но пребываете в таком раздоре с самим собой, что не способны действительно ни любить, ни ненавидеть. Нет, не эти поступки. Но вспомните один особый случай: своего дружка Влома. (Да, мой бог рассказывает мне все.) Вы утверждали о своей невинности, потому что формально не пролили его крови. Зато вы предали нижние пещеры и опозорили его, и подставили его под казнь. И были там, подслушивая, когда придет химера. Ваша чувствительность миньона уловила дикий умишко подкрадывавшейся химеры, и вы поняли, что она идет за Вломом. Вы могли позвать людей и спасти его — но не сделали этого. Вы были там, смакуя его боль, когда химера напала, и по-прежнему не дали сигнал тревоги. Только его предсмертный крик призвал остальных — слишком поздно. Вот что вы делали в Хтоне, и не единожды! Вы использовали химеру для удовлетворения своей звериной страсти. Это и есть ваша справедливость? Ваша... нормальность?

Атон вспоминал... Хтон, где его похоть к боли усилилась заключением. Люди, смерть которых он смаковал; чудовищные пытки над ними существа, которые он мог остановить, но не останавливал, пока они истекали кровью. Греховный восторг, что страшил его; почти религиозная радость, завершаемая судорогами наслаждения, когда наступала предсмертная агония.

Он вспомнил суд на Хвее: эксперты свидетельствовали, что его отклонение было биологическим, а не психическим и что оно неизлечимо. Что его не убьют, но и не выпустят — ради безопасности человечества — на свободу. Что даже полная промывка личности не удалит запретные побуждения. Он вспомнил приговор: Хтон.

Особенности миньона проявились у него в зрелости, но какое-то время были целиком направлены на поиск миньонетки. Когда ее влияние ослабло, начался ужас. Его любовь к Кокене стала последней борьбой в нем человеческих качеств — проигранной борьбой.

Хвее все знала. Ее не было с ним в период его безумия. Она любила того, кем он был раньше; но когда после Хтона он коснулся ее рукой смерти...

— По этой причине, — сказал Бедокур, — вы и вернетесь в Хтон. Там вы будете в безопасности и от собрата-человека, ибо вы вне закона, и от самого себя, Хтон лучше поддержит ваше душевное здоровье, чем вы сами. Хтон будет вашим богом, а вы и я станем братьями — всегда в безопасности, всегда свободны.

Это искушало. Атон увидел, что вся его взрослая жизнь была разрушительным кошмаром страсти и боли, заражавшим все, чего он касался. Миньонетка была частью этого кошмара — естественной и непременной. Но Кокена... для нее было бы лучше, поступи он с жестокостью миньона и вышвырни ее из своей жизни. Ей было бы лучше, с себе подобными. Любовь, которую он зародил в ней, нашла бы самое прекрасное воплощение в потере.

Но миньонетка умерла, чтобы дать ему человеческое подобие. Она его прекрасно знала, знала о его связи с Хтоном и во всеуслышанье высказывалась против нее. Злоба и Кокена, миньонетка и человеческая женщина, его первая и вторая любовь — они были не соперницы, а искренние сотрудницы в деле на его благо. Они поняли, что у Атона есть шанс, и обе поставили на него свою жизнь. Мог ли он теперь их предать?

Возможно, обе ошибались — но они верили в его выздоровление, и ради них он обязан пойти на крайность, отказаться от легких путей. Он не в силах был зачеркнуть свои преступления, бежав от жизни. Он обязан был жить, чтобы искупить вину, чтобы как-то уравновесить чаши весов. Он должен был встретиться лицом к лицу с тем, кем он был и что сделал — и искать пути исправления. Это и есть настоящая битва: против капитуляции, так привлекательно предложенной доктором Бедокуром.

— Нет, — сказал Атон.

Выражение лица Бедокура изменилось.

— Я покажу вам, кто вы такой, — хрипло проговорил он. Зубы торчали из его рта, как у пещерной саламандры. — Вы схематизируете, вы чересчур обольщаетесь надеждами на свою грядущую праведность. Но ваше истинное желание осталось прежним — убить себя, ибо вам известно, что вы — соучастник в преступлении против своей культуры. Вы пытались свалить вину на миньонетку, но действовали-то именно вы! Да вы и сами знаете, что я имею в виду, миньон.

Отношение Атона, пока он слушал, неуловимо менялось. Сейчас он был на грани взрыва и не мог ни приостановить его, ни перетерпеть. Лезвие Бедокура было настороже. Обучение в космосе научило Атона приемам против ножа — но не в руке безумного хирурга. Нормальных рефлексов здесь недостаточно.

Бедокур продолжал:

— Вы очень удобно для себя забыли свои кровосмесительные страсти. Не двигаться! — прохрипел он, едва Атон пошевелился. — Я не буду убивать вас, пока в вас нуждается Хтон, но не надейтесь на полную безболезненность моей хирургии.

Это была последняя попытка Бедокура. Мог ли он отказаться от нее? Он был дьявольски умен.

— Там в космостеле, — настойчиво зашептал Бедокур. — Когда вы это сделали. Когда миньонетка была наедине с вами, и вы знали, кто она. — Блестящие линзы сверкали в окружении зеленого мерцания, как раз над направленным лезвием. — **Когда вы изнасиловали свою собственную ма...**

Нож упал на пол — миньон нанес удар с силой и скоростью телепатии. Бедокур уставился на утраченную вещь — воплощенная химера.

— Моли своего бога помочь! — прошептала она; горячие зубы обнажены, когти рядом с выкатившимися глазными яблоками, готовые вырвать их из глазниц. — Он поможет тебе умереть.

Последовала немая сцена — молодой воин и старый. После чего химера исчезла. Атон, не трогая Бедокура, дал ему упасть.

— Я не тот, кем был, — сказал Атон, — и я никогда не был **физической химерой**. Вы искажаете то, чего не понимаете. Но я не убью вас за это.

Бедокур лежал там, где упал — у ног Атона. В нем не было ничего угрожающего — просто усталый старик.

— Вы сразили свою химеру, — сказал он.

— Сразил.

— Утром я возвращаюсь в Хтон. Вы свободны.

Атон подошел к люку и, распахнув его, ногами нащупывал ступеньки.

— Позвольте мне сказать по-простому, — сказал Бедокур, приостанавливая спуск Атона. — Хтон желает от вас службы, а не смерти. Никто на вас не обижается. Хтон поможет вам победить в другой битве.

— Нет.

— Тогда послушайте. Если бы меня любила такая женщина, как Кокена, Хтон был бы мне не нужен. Одиннадцать месяцев назад она сломала мне руку — я не знал, что она владеет боевым искусством — эту женщину вы не сможете заменить. Вы потеряете ее, если не...

Атон спрыгнул на землю и пошел прочь.

— Подумайте, подумайте о дате! — кричал вслед Бедокур. — И о хвее! Иначе...

Его голос затерялся вдали.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Доктор Бедокур, нынешний выразитель воли Хтона, почти доказал, что Атон бежал лишь телом; но жертвоприношение миньонетки и забота дочери Четвертого нарушили равновесие и помогли цивилизованному человеку в нем победить. Его пробудили слишком рано; еще немного времени — и он стал бы сознать болезненные истины, которые он не видел, ослепив себя. Слепота не решила проблем Эдипа, как и ритуальное ослепление жертв не решало проблем у мужчин Миньона. Атон был одержим слепотой — физической и духовной.

Еще немного, и Бедокур вообще не смог бы пробудить умирающую химеру. Она была скрыта — слишком скрыта. В чем смысл этой преждевременной битвы? Неужели Кокена хотела его поражения?

Нет, сомневаться в ее побуждениях было невозможно. Кокена добра, она любит его гораздо сильнее, чем он того заслуживает. Именно ему всякий раз чего-то не хватало. Он отверг их помолвку до того, как встретил Кокену. Столкнул ее с горы, убил хвею.

Подумай о хвее и о дате. Что за таинственное сообщение передал Бедокур?

Как все-таки мало он знал Кокену! Краткое время, проведенное с ней на Идиллии, было счастливейшим в его жизни. Если бы он сумел тогда остаться с ней, а не преследовать свои навязчивые идеи! Он знал, что у него много общего с дочерью Четвертого. Ее воспитание, естественно, было схожим с воспитанием сына Пятого. Она — интеллектуальная хвеянка высшего сословия на планете, где о демократии и знать не знали; она, как небо от земли, далека от девушек последних Династий. Прелестная раковина! Почему он никогда не заглядывал внутрь? Как прекрасен выбор Аврелия!

«Подумай о хвее...»

Но ведь хвея умерла. Вся его жизнь была кошмаром, кроме Кокены — но хвея приговорила и ее. Неужели он выиграл битву за будущее лишь для того, чтобы провести его в одиночестве?

«Подумай о дате...»

Датой был Второй Месяц, § 403: ничем не отличимый от любого месяца и любого года на уравновешенной Хвее — планете без времен года. Какая-то загадка без отгадки...

В хвее же был определенный смысл. Бедокур мог не знать о последнем эпизоде с хвеей, ибо тот произошел всего за час до их столкновения. Но он знал, что это **произойдет**, когда бы Атон ни коснулся цветка. И предупредил, что Кокена будет потеряна, если не...

Атон уже сожалел о своем пренебрежении к посланнику Хтона. Что такого было в хвее, которая могла спасти Кокену для недостойного ее человека? Свойство, которое мог предсказать знающий третий?

«Подумай...»

Атон думал. Быстрым шагом он двигался по знакомой с детства местности. Вдыхал слабый запах поцарапанных стволов деревьев, развороченной земли, вырванных сорняков, диких лесных цветов. Видел черные очертания высоких деревьев на фоне звездного неба и слышал яростную ночную драку хулиганов-подростков. В нем всколыхнулись воспоминания: мелочи жизни, обретшие вес лишь потому, что они были невесомы. Запах сухой листвы, дуновение ветерка — все чудесное отодвигалось по мере взросления в сторону. Сейчас он минует то место, где встретил миньонетку, где получил в подарок дикорастущую хвею.

Миньонетка сорвала ее, а он, зная слишком много для семи лет, не позволял ей это сделать. «Хвея — только для мужчин!» — утверждал он, и она подарила ее ему, и хвея была у него до самой помолвки. Была и после, ибо она не стала бы жить у женщины, которая его не любила. Хвея любила своего хозяина и не противилась его возлюбленной до тех пор, пока продолжалась любовь, и пока он был достоин любви.

Миньонетка сорвала ее.

Миньонетка!

Хвея выбрала ее! **Миньонетка была ее хозяйкой!**

Внезапно все сошлось. Он любил ее, вернее, его кровь миньона любила ее достаточно, чтобы сохранить растение. В конце концов, это она была достойна, а не связанное с ней зло. Хвея отзывалась на искренние чувства и не замечала извращений. Ненависть, которую, по мнению Атона, он ощущал позднее к миньонетке, была ложной ненавистью. Хвею не ввести в заблуждение.

Смерть миньонетки забрала с собой не только злую химеру, но и добрую хвею — вот только хвея, которой владела возлюбленная возлюбленного, не знала, что предмет любви умер. Кокена видела мертвую миньонетку, но не сообразила, что это — хозяйка хвеи, а хвея приняла ее невинную веру за свою собственную. Сущность хвеи была любовь, а не разум. Даже ее ясное суждение о достоинстве — обманчиво. Она любила мужчину, который, в своей основе, любил самого себя, и отвергала того, кто воистину себя ненавидел.

Если бы даже хвея принадлежала Атону, она бы все равно умерла.

Но он не был осужден. Хвея умерла, ибо он знал судьбу миньонетки и знал о ее связи с хвеей, хотя и не признавал этого. Когда хвея вернулась к нему и его знанию, ей пришлось умереть.

Атон мог бы взять вторую хвею и подарить ее Кокене. Эта бы не умерла.

Он уже видел дом. В окне горел неяркий свет.

Его продолжали мучить сомнения. Почему Кокена послала его раньше времени? Почему отказывалась прикоснуться к нему? После того, как она посвятила три года жизни заботам об умирающем отце и слишком живучем сыне, перед самым концом своих мучений... — почему она плакала?

«Подумай о дате...»

Да, дата была преждевременной. Но **почему?** Бедокур наверняка что-то имел в виду.

Атон подошел к дому и без промедления отворил дверь. Какой-то незнакомый человек обернулся ему навстречу — рослый мужчина лет пятидесяти, в расцвете сил, с серьезной внешностью и натруженными руками. В его поведении угадывалась сила — ненавязчивая, но непоколебимая. Это его дядя — Вениамин Пятый, которого он почти забыл.

— Где ты был, Атон? — строго спросил Вениамин.

Его голос был невероятно похож на голос Аврелия. Позади него на диване лежала женская фигура.

— Кокена! — воскликнул Атон, в неуважительной спешке минуя Вениамина. Кокена не шевелилась. Ее светлые волосы безвольно падали с края дивана, почти касаясь пола. — Кокена... я подарю тебе другую хвею...

— Слишком поздно, молодой человек, — сказал Вениамин.

Атон не обращал на него внимания.

— Кокена, Кокена — я выиграл сражение! Злодей побежден. — Ее веки дрогнули, но она не произнесла ни слова. — Кокена! — Атон положил ей на руку ладонь.

Рука была холодна.

«Подумай о дате... Это был год и месяц озноба. Озноб!

Она умирала, пройдя точку возврата».

— Ты думал, племянник, что ее любовь слабее, — пробормотал Вениамин, — потому что она протекает ровно?

Атон наконец понял. Озноб поразил Хвею в первом месяце § 305 и, соответственно, ожидался вновь во втором месяце § 403. Кокена это прекрасно знала, как знал всякий обитатель Хвеи, и могла покинуть планету — не будь у нее на руках в сущности инвалида. Вне планеты не было места, где она могла бы спрятать Атона, — не удалось бы избежать тщательной проверки служащих карантина, которой все еще подвергали каждый корабль, покидавший обреченную планету. Кокена осталась, рискуя заболеть ознобом, — и проиграла! Вместо того чтобы покинуть Хвею к новому началу болезни. Кокена осталась ухаживать за ним и вынуждена была разбудить его, так как один бы он не проснулся — беспомощный, с

помраченным сознанием, а то бы и просто умер от наркотиков без присмотра.

Нет, ее любовь не была слабее.

Кокена хотела, чтобы он выиграл свободу, пока она жива и поддерживает его.

Озноб. Атон опознал бы озноб сразу, коснувшись ее, ибо во время их разговора болезнь зашла уже слишком далеко. Кокене наверняка стоило больших усилий не терять сознание и настраивать его на поединок, смысл которого она сама не вполне понимала. И вот поединок завершен, ее роль сыграна — и она прекратила борьбу.

Если, конечно, не сделала этого раньше, когда увидела, что хвоя умерла.

Атон нескончаемо долго стоял перед Кокеной на коленях и, взяв в ладонь ее руку, смотрел в спокойное лицо. Знала ли она, что в третий раз он ее не предал? Слезы навернулись ему на глаза, когда холод перетек из ее руки в его руку, в его дух.

«Моя любовь к тебе, — думал он, — моя любовь к тебе не слабее. Все, что раньше ты делила с миньонеткой, принадлежит теперь тебе одной. Моя вторая любовь сильнее первой».

Она лежала без движений.

Атон, сраженный, опустил голову.

— Цена свободы слишком велика, — пробормотал он.

Раздался настойчивый стук в дверь.

— Это Хтон, — сказал Атон Вениамину, не скрывая более свою полутелепатию.

Вошел Бедокур и сразу же направился к умирающей девушке.

— Кончена, — проговорил он.

Атон кивнул. Последняя загадка Бедокура была разгадана. Наступил черед Атона принести себя в жертву.

— Я буду молиться вашему богу, — сказал он Бедокуру, — если только она выживет.

Бедокур одобрительно кивнул:

— Мы должны отправиться немедленно.

Атон встал, подsunул руки под окоченевшее тело Кокены и поднял ее. Он понес ее к двери. Вениамин не двинулся с места.

— Кажется, ты продал свою душу, — сказал он.

Атон шагнул в ночь. Над головой светили яркие звезды — звезды, которых он больше не увидит.

— «Умерьте свет свой золотой!» — тихо процитировал он. — «Моя возлюбленная спит!..»

§ 400

16

В пещерах было тихо, ни малейшего ветерка. Даже течение воды прекратилось. Она замерла неподвижно в заводях, слишком мелких для купанья. Скальные образования приняли необычный оттенок — неестественно серый, а гротескная форма расходящихся туннелей вызывала отвращение.

Дурные предчувствия росли, пропитанные предчувствием тупика. Некогда могучая река постепенно иссякла, а увлекательное путешествие выдохлось. Отряд вновь голодал. Скоро в ход пойдет жребий, если кто-то сам не станет добровольцем, рухнув без сил. Последняя отметка Бедокура находилась в двух переходах отсюда. Если в конце этого перехода не найдется новой, придется вернуться по тропе назад.

Четырнадцать женщин и шесть мужчин пережили тридцать отрезков Тяжелого Похода... Пока. Несчастные случаи и переутомление все еще брали свою дань, и химера продолжала преследовать отряд, хотя ей очень редко представлялся шанс для нападения. Они были дальше от поверхности, чем когда бы то ни было — и между ними и выходом пребывала в ожидании Немезида, сведшая с ума Бедокура.

Переход подошел к концу. Все остановились на привал, сгрудившись вместе, чтобы защититься от зловещих скоплений неведомых сил. Эти пещеры исполнены угроз.

— Сколько же еще? — пронзительно спросила одна женщина, обращаясь к мрачным туннелям. Атон согласился: «Какие еще тяготы нужно вынести, чтобы Хтон нас выпустил?»

Крик. Кричала одна из женщин-разведчиц. Пока отряд отдыхал, группы из нескольких человек выходили побродить по окрестностям. Химера никогда не нападала на бдительный отряд.

Все собрались вокруг пирамиды Бедокура с нацарапанным на полу сообщением. Камень здесь мягкий и легко резался.

— Что это значит?

Типичное указание на опасность — с черепом, но без скрещенных костей. Под ним одно-единственное слово.

Атон произнес вслух корявые буквы: МУХА.

— Кажется, медицинский термин, — сказал он.

— Микса, — пробормотал Старшой. — Для меня это ничего не значит. Не похоже на него оставлять рисунок незаконченным.

— Если его что-то не спугнуло... — предположила женщина.

— Или здесь есть какая-то Микса, которая не совсем убивает, — закончила другая.

Они стояли переглядываясь. Никто не зная. Но одно казалось несомненным: Бедокур шуток не любил, и пренебрегать его предупреждением было нельзя.

— Лучше побыстрее идти дальше, — решил Старшой. Все устали, но никто не возражал. Здесь опасно.

Через четверть часа, схватившись за горло и голову, упала одна женщина. На нее никто не нападал, и с виду все было порядке.

Остановились для короткого обсуждения. Жизнь в этой точке возросла в цене. Если снова будут потеряны люди, малочисленный отряд не преодолеет оставшиеся испытания. Должны быть группа разведки, группа охраны и смена для них, а также люди для особо неприятных заданий. Если порядок рухнет, гибели оставшихся участятся. Забота о слабых была чем-то новым — но необходимым.

Они остановились на привал и поудобнее уложили упавшую женщину. Ее тщательно осмотрели. Что с ней?

Дыхание было затрудненным, хриплым. Постепенно стала белеть кожа. По всему телу выделилась скользкая слизь, издававшая запах испражнений. Женщина пала жертвой какой-то болезни — первой

болезни, встретившейся в Хтоне.

— Лучше убить ее прямо сейчас, — убеждала одна из женщин, — до того, как болезнь распространится.

Старшой обдумывал предложение.

— Не стоит труда, — сказал Атон. — Мы все были ей доступны.

— Где она такое подхватила?

— Не видел ничего подобного.

— Оставить ее здесь и убираться, — крикнул какой-то мужчина. В его голосе слышалась заразительная нотка паники.

Упала вторая женщина.

— Слишком поздно, — сказал Старшой. Суть очередной опасности они всегда понимали слишком поздно. — Лучше сплотиться и бороться.

— С кем бороться? — спросил тот же мужчина.

Вопрос был чисто теоретический: повалилась третья женщина.

Женщины падали одна за другой и лежали с кожей, измазанной белым. Кажется, после первоначальной судороги у них ничего не болело: но отвратительный покров становился все хуже. После того, как кожу вытирали начисто, он возникал заново и был повсюду.

Атон, Старшой и остальные четверо мужчин беспомощно стояли рядом. В походе мужчины больше рисковали и умирали чаще, да и химера, похоже, предпочитала их. Теперь, когда таинственная зараза превратила женщин в мумии, счет перевернулся. Старшой сделал все, что в его силах. Ухватив одну женщину за ноги, он подтащил ее к ближайшей заводи и принялся отмывать слизь. Кажется, это помогло: женщина села и стала обливаться сама — медленно, но с явной пользой.

То же самое сделали с остальными, погружая их в воду, а голову удерживая за волосы на поверхности, пока те не оживали. Кризис, казалось, миновал.

После чего то же самое началось у мужчин.

Нападение на мужчин, словно в отместку за потерянное зря время, было куда более яростным. У всех почти одновременно начались судороги. Кожа выделяла быстро затвердевающий пот. Теперь женщины стали сестрами милосердия. Вскоре все пораженные находились в заводи, и вода приобрела молочный оттенок. Если бы болезнь была смертельной, умерли бы все.

Но Бедокур не нарисовал кости.

Атон первым из мужчин пришел в себя. Не считая напряжения в горле, мешавшего дышать, боли никакой. Зато сильнейшая усталость, желание опустить руки и отдаться воле волн — стряхиваемое, впрочем, холодной водой. Атон испытывал отвращение. Не к нелепой коммунальной ванне, а к своей неспособности сопротивляться болезни.

— Микса! — воскликнул он. — Наверняка об этом и предупреждал Бедокур. Какой-то вирус.

Женщина рядом посмотрела на него. Та черноволосая, уже не такая симпатичная, как до похода, но все еще привлекательная. При Гранатке она его сторонилась, но Гранатка скормила себя существу под белым буруном, пока остальные в безопасности переплывали реку, и теперь место было свободно.

«Если бы все когда-нибудь кончилось так легко, чтобы позволить вдохновенную расплату...»

— Наверняка в воздухе, — сказала она. — **Лучше отсюда убираться.**

«А я так и не узнал ее имени».

Ожил Старшой.

— Ага, — согласился он.

Двинулись дальше, пытаясь бежать от заразы, которую наверняка несли с собой. Но далеко не ушли.

И вновь началось с женщин. На этот раз у них поднялась невероятно высокая температура. Ни термометров, ни градусников не было, но простое прикосновение к телу убеждало, что температура на несколько градусов выше нормы. Жар возрос до предела человеческой выносливости. Потом еще выше.

Идти больше не пытались. Было очевидно, что они не могут ни обогнать болезнь, ни спрятаться от нее. Туннель расширился в купол-пузырь, еще один реликт возникновения Хтона, совершенно неуместный в этой части пещер, зато как раз для их беспомощного положения. Основание на небольшую глубину заполнено чистой водой — удобно и относительно безопасно. Все расположились в озере и на берегу в ожидании, что произойдет дальше.

«В какой момент, — гадал Атон, — произошло умоповреждение? Наверняка жар сварил нервные клетки своих жертв. Вопреки мнению врачей, нет предела температуре, которую может вынести тело, но **такой жар** действительно опасен. По этому ли пути направлялось безумие Бедокура? Если да, как пережить болезнь? Можно ли снизить жар, когда болезнь в разгаре?»

Атон вглядывался в воду. Она была холодна; отряд находился гораздо ниже огненного кольца. Полностью погруженный...

Нахлынул жар. Атон сполз в озеро и лег на дно, устроившись так, чтобы одно лицо выступало над водой. Наступило блаженное облегчение. Но кровь в нем кипела, ткани клубились. Пекло голубого граната вряд ли было так горячо, как это.

Атон смутно слышал вокруг себя плеск и бултыхание. Что-то происходило, но он боялся сесть и посмотреть, боялся покинуть воду из-за бессознательного страха, что вспыхнет, едва это сделает.

Он должен. По какой-то причине стало трудно дышать. Что-то мешало.

Атон сел, коснулся ладонью рта и обнаружил, что тот забит толстым слоем вонючего клея. На этот раз внутри, в носоглотке, а не на коже. В носу непроходимая пробка. Атон сунул палец в рот и выскреб оттуда комок желтой слизи — прогорклой и тухлой, тотчас же затвердевшей на воздухе. Неудивительно, что дышать так трудно. Слизь засоряла дыхательные пути, застывая на них.

Он попытался оглядеться и обнаружил, что такой же гной обволакивает его глаза, почти заклеивая их. С другими было то же самое: с мужчинами и с женщинами — болезнь не различала более полов. Кого то уже рвало из-за тошнотворных отложений. Один мужчина отодрал от слизистой оболочки огромный твердый кусок: на нем была кровь. Позволять гною накапливаться — значило выбирать между увечьем и удушьем. А жар неистовствовал по-прежнему.

Атон погрузил лицо в воду, пытаясь избавиться от этой мерзости. Помогло: комья рассосались. Он сплюнул густую смолу, снова, ощутил во рту зловонную пробку и вновь окунулся. Вода спасла во второй раз.

Остальные последовали его примеру. Для троих делать что-либо было уже поздно. Некоторые еще колебались и наверняка вскоре задохнутся. Помочь ближнему ни у кого не было времени. Казалось, от этого нападения нет защиты — лишь временное прерывание симптомов постоянным полосканием.

Озеро смердело.

— Передвинемся... немного, — прохрипел Старшой.

Они передвинулись, но лишь настолько, чтобы оказаться в чистой воде. Даже недолгая ходьба неимоверно их утомила. Болезнь высосала из людей все силы.

Она продолжалась беспредельно долго. К концу почти все просто переползали с места на место, не в силах более ходить. Судя по чувству голода, Атон оценил время со вспышки болезни в полтора перехода — но субъективно оно казалось во много раз дольше.

Наконец началось выздоровление. Женщины заболели раньше и первыми вернулись к нормальному состоянию. Постепенно симптомы исчезли у всех.

Выжило одиннадцать женщин и трое мужчин. Троих из них болезнь не отпускала: Атону, Старшого и черноволосую женщину. Увидев это, Атон что-то понял, но тут же потерял мысль, так как начал бороться с очередной волной головокружения и тошноты.

Выздоровление: но те, кто выздоровел вполне или, по крайней мере, настолько, что исчезли видимые симптомы, другим не помогали. Просто замерли в летаргическом состоянии, ожидая... чего-то. И не произносили ни слова.

Наконец пришли в себя оставшиеся трое и вылезли на берег, уже не чувствуя жара. Одиннадцать стояли поблизости с пустыми лицами и смотрели на них.

— Ладно, — крикнул Старшой, хотя его голос был лишь тенью прежнего. — Надо идти к следующему озеру.

Он показал пример, но одиннадцать за ним не последовали.

— Что с ними? — спросила черноволосая.

— Почему вы не идете? — крикнул Атон.

Ответа не было.

— Смотрите! — сказала женщина. — Они ведут себя как зомби.

В том-то и дело. У стоявших людей, казалось, вообще отсутствовала воля. После тягот похода Атон их всех хорошо знал. И хотя завзятыми индивидуалистами они не были, они по-прежнему должны были...

Проявилась его предыдущая мысль. Индивидуализм: лишь трое самых независимых из оставшихся членов отряда были способны теперь передвигаться. Те, кто всегда говорил сам за себя, кто действовал на основании собственных побуждений, кто обычно требовал объяснений.

Дальнейшие догадки были сорваны очередной вспышкой болезни. Они втроем доплелись до озера и рухнули в него, борясь холодной водой и с жаром, и со слизью. Остальные одиннадцать тупо наблюдали за ними и ничего не делали.

В горячечном бреду Атону показалось, что он не в силах управлять своим телом. Руки реагировали медленно, мышцы были вялые, неуверенные. Это была грань болезни, которая только теперь стала проявлять свой извращенный смысл.

Но мысль о Злобе взбодрила его. Ее песня не завершена. Он не должен отдыхать, пока не обретет ее. Ничто иное уже не волновало. Огонь в его крови не такой неистовый, как в ее волосах; вода освежает не лучше ее бездонных глаз. Ее любовь одна...

Приступ закончился. Теперь Атон чувствовал себя сильным. Легче сопротивляться, когда помнишь о цели. Двое других были менее удачливы. Они с тревогой смотрели на него, но подняться не пытались. Придется ему проникать в тайну зомби.

Десять женщин и один мужчина избежали последнего приступа. Атон направился к ним.

Они враз отступили — как один. Неуклюже, ходульно, в унисон зашаркали прочь. Никаких сомнений: они одержимы и управляемы. На сей раз это не гусеница, по крайней мере, внешне, хотя по сути — то же самое.

— Убей их! — прохрипел Старшой из воды. — Они больше не люди.

Атон догнал единственного мужчину: это был человек среднего сложения, всегда усердно работавший и до сих пор близкий ему по духу.

— Очнись, — сказал Атон, ткнув его в плечо.

Мужчина упал навзничь и во весь рост растянулся на земле. Встать он и не пытался.

Атон наклонился, чтобы пощупать ему пульс. Человек не дышал. Сердце его не билось. Он был мертв.

Женщины продолжали отступать. Он пошел следом — и был остановлен третьим приступом — еще более напряженным, чем раньше. Атон с трудом заставил себя дойти до ближайшего озера. Ноги хотели шагать в том же ритме, что двигал строем женщин. Свертывающаяся во рту слизь усиливала отчаяние.

Он добрался до воды и бросился в нее вниз головой, ни на миг не задумавшись, что может утонуть.

Вновь возникла Злоба — прелестное видение — и ненасытная тоска по ней не без труда сбила жар. Это было единственное, что укрепляло его волю к сопротивлению. Жар был так велик, что долго его вряд ли выдержать.

Все прошло: он невероятно ослаб и задыхался. Рядом, уставившись на него, стоял одеревеневший Старшой с глазами, налитыми кровью. Атон испугался, что главаря одолели, но из перекошенного рта донесся все же голос — невнятный, сиплый голос Старшого.

— Я... не могу больше бороться, — сказал Старшой. Его рука с трудом опустилась в воду и вынула сверкающий топор. — Возьми... убей меня, если я пойду...

Атон взял топор. Он встал и еще раз пошел к оставшимся. Женщины опять зашаркали прочь, некоторые даже не увидев его, но механически двигаясь вместе с другими. И вновь ударил жар.

Он осознал, что жаром кто-то управляет. Когда он отошел к озеру, жар спал; когда направился к зомби, нахлынул. Приказ был ясным: оставь их.

Атон тоже ответил предельно ясно. Он сосредоточил разум на господствующем образе своей любви, недоступной миньонетке, и продолжил наступление. Свободной рукой он ударил ближайшую женщину; координации движений, необходимой для взмаха топором, у него не было. Та молча рухнула, как недавно мужчина. Напряжение от ходьбы так, вероятно, ослабляло зомби, что любой толчок был для них смертельным. Атон мог убивать одним ударом.

«Убивать?.. — подумал он. — Но это ведь те самые люди, с которыми я пережил самые ужасные приключения в своей жизни. Как я могу их убивать?»

Но он знал ответ, и разум убеждал его подорванную психику: «Убивать можно, эти существа больше не люди. Они отдали свой разум и волю Хтону, такому же коварному, как чудовищная гусеница, и смерть для них милосердна». Он понимал это рассудком и каким-то образом чувствовал душой: «В зомби не осталось личности. Убивать можно».

Невидимое нападение на Атона усилилось. Его дыхание прервалось, в глазах помутнело, но он боролся, наступал и почти вслепую бил снова и снова, то и дело соприкасаясь с твердой плотью. Вокруг него безмолвно падали женщины. Это была бойня: один удар означал одну смерть, а ударов было много.

Наконец давление на него усилилось настолько, что Атон упал. Не в силах подняться, он попытался перекатиться к воде. Но оттолкнулся слишком далеко. Он уступил — не одержимости, забвению.

Уступил...

— **Твоя мечта тщетна, — казалось, говорил голос. — Миньонетка — запретна: лишь когда ты вдали от нее, твои чувства реальны. Ты не можешь свести полюса: они объединяются только в несчастье.**

Он сосредоточился на сплошном зеленом, и появились листья и лепестки: цветок хвеи. Губы лепестков вновь заговорили:

— **В твоей песне нет никакого волшебства. Лишь потому, что она прервана, она тебя очаровывает. Лишь потому, что твоя любовь не завершена, она продолжается.**

— **Нет!**

Но каким-то образом это начало действовать, предопределение поднималось как прилив, легко смывая идеалистические замки из песка. Ибо хвея не лгала своему хозяину.

— **Ты — не мой хозяин. Ты только...**

Атон выбросил из сознания этот образ, боясь тех слов, которые он может сказать. Цветок заколебался и померк. Это оказалось свисавшее с потолка образование — расколотый кристаллический сталактит, похожий на чудовищную раковину.

Женщины неумелыми и неловкими движениями обмывали Атона в воде.

Атон отпрянул. «Они же зомби!»

Топор лежал на зоиле там, где Атон потерял сознание. Сам он не мог добраться до воды. Неужели он

тоже зомби?

— Нет!

Атон вскочил, выбрался из воды, поковылял к оружию. Он хлопнул по топору рукой, словно опасаясь, что тот ускользнет. Теперь он вновь вооружен; он не зомби.

Женщины механически следовали за ним. Атон отошел, колеблясь после их доброго отношения к нему. Он уничтожал их, почему же они щадят его?

Кто-то коснулся его. Повернувшись, Атон увидел мужчину. Это был стоявший на берегу Старшой. Кожа у него была чистая. Глаза — пустые.

Атон знал, что нужно делать. Он поднял топор.

И тут же начался приступ. Сопротивляясь, он напряг разум и взмахнул потяжелевшим вдруг топором. Огромное лезвие, слишком тяжелое для него, с трудом поднялось над головой. Он медленно наклонил его вперед, направляя удар, пока притяжение не подхватило его и не обрушило вниз. Топор зацепил Старшого за череп, и тот упал, упал.

«Я вернул тебе свой долг и... прости».

Мощный приступ давил на него, как удушающее покрывало, но когда он, пошатываясь, отступил, тот вновь ослаб. Вокруг лежали мертвые женщины; только две, опекавшие его, были живы. Он мог убить и их...

И бродить по бесконечным пещерам Хтона в одиночку. Неужели все должно кончиться этим? А если и он превратится в зомби, кто тогда убьет **его**?

Так вот куда завела его любовь Злобы!

— Перемирие, — трескучий голос слышался из озера позади него. Он забыл о черноволосой женщине — последней из несломленных.

Она выходила из воды. Он был не один.

Она приближалась к нему, двигаясь угловатой походкой одержимой. Глаза смотрели прямо перед собой.

Последний из покоренных зомби шел к нему — легкая добыча для топора или кулака. Что это значит?

— Перемирие, — повторил зомби.

Женщина могла говорить. За полусмертью Миксы существовало мышление! Череп без скрещенных костей.

Теперь оно готово было вести переговоры.

18

Атон держал в руках топор, не желая совершать действия, которое оставило бы его в пещерах в полном одиночестве. Мышление, даже враждебное, было более приятным противником, чем одиночество.

— Перемирие, — согласился он.

Зомби-женщина безразлично остановилась перед ним.

— Не убивай, — сказала она.

Хозяин зомби хотел спасти оставшихся покоренных! Он предлагал сделку. Разум Атона исследовал возможности.

— Кто ты? — спросил он, не столько из любопытства, сколько чтобы выиграть время для размышлений. Мог ли он сыграть на этом и добыть себе свободу?

Глаза женщины моргнули. Она отошла, не сводя их с топора.

— Что случилось? — жалобно спросила она. — Почему ты...

Она сбросила одержимость?

— Ты не помнишь?

Она увидела двух застывших зомби.

— Я... я проиграла? — произнесла она нерешительно. — Я погибла. Вся боль и ужас исчезли... но не совсем. Я не совсем... — она замолчала, показывая на других.

Неполное превращение? Что-то здесь не так. Чьим посредником она сейчас служит?

Женщина выпрямилась, вновь цепenea:

— Я — Хтон.

Хтон — на сей раз имя, а не место. Разум Миксы.

Хтон научился умеренности. Абсолютные зомби для него бесполезны, ибо они теряют способность управлять своим телом. Но, не касаясь человеческой воли, он воздействовал на центр речи и, вероятно, на память и рассудок. Но кто он, сам Хтон?

Атон спросил.

Хтон не знал точного ответа. Несмотря на сбивавшие с толку смены образов, постепенно вырисовалась надоя общая картина. Геологические силы прорыли под поверхностью планеты Хтона пещеры — сотни и тысячи кубических километров: каналы горячей лавы, извилистые водяные пути, гладкие воздушные туннели. Доследующие причуды природы подняли и перевернули изощренную структуру, сдвигая и разрушая туннели и начиная весь процесс с начала. Лава текла снова и снова, вода вырезала слои, подобные сотам, русла рек размывались, холодные озера осаждались расплавленной породой. В трещинах возникали всевозможные кристаллы, они неимоверно разрастались, лишь для того, чтобы снова быть погребенными. Постоянное давление на них порождало незатухающие токи, ибо некоторые были полупроводниками; появлялись и рассыпались диоды; электроны двигались по металлическим жилам, оставшимся от прежних процессов плавки, и разряжались в потоках воды, сваривали разрушенные сети, и разгонялись посредством естественных электромагнитов. Искры воспламеняли скопившийся газ и взрывали улетающие пузыри. Установилась непрерывная циркуляция, нагревавшая и ломавшая холодный камень и испарявшая просачивающуюся влагу, и все это регулировал, меняя режимы, огонь. А кристаллы продолжали расти и меняться в новом окружении, и некоторые из них преобразовались в формы, которые вряд ли были естественными, а ток создавал в них цепи и обратные связи, аналогичные соседнему огненному циклу. Наконец, тем неопределимым способом, каким слизь превращается в живую слизь, совершился переход от электрического тока к сознанию без посредничества жизни, и был сотворен разум Хтона.

— Чего ты хочешь от нас, — спросил его Атон, — от людей? Зачем мы тебе понадобились?

Женщина запнулась, перешла в состояние зомби, и снова стала человеком.

— Он хочет, чтобы я объяснила то, что у него нет... нет движущихся частей. Это все... электроника, компьютер. Он может думать, но не способен ничего **сделать**, если не управляет подвижными элементами. Местные животные для этого не годятся. Они не выполняют сложных предписаний, а Хтону трудно приспособиться к их нервным системам. Ему нужны элементы, имеющие... рассудок.

— У него два зомби, — заметил Атон. — Три.

— Они... бессильны. У них нет... требуется большая сосредоточенность, чтобы заставить их тела двигаться, потому что... цепи менее знакомы, чем у животных. Чужды, ему нужны... элементы с волей.

Атон особых эмоций не испытывал.

— Какая нынче цена на «элементы с волей»?

— Спокойствие. Здоровье, — сказала она.

Атон рассмеялся.

— Мои условия таковы: я не буду убивать то, что осталось от этих «здоровых» и «спокойных» людей, если он безопасно проведет меня на поверхность.

— Согласен, — сказала она.

— Согласен? — Атон не верил, что все может быть так легко. — Хтон согласен?

— Да.

— Прямо сейчас? — Он искал ловушку. Отвлечь его внимание, похитить всех зомби, а затем возобновить приступы? — Мы пойдем вместе — все четверо, — внес он поправку, — или я убью их немедленно.

— На это потребуется... шесть переходов, — ответила она. — Остальные не смогут уйти так далеко. Они умрут.

— Угу. Я готов сократить их невзгоды.

— Ты умрешь... если Хтон позовет... зверя... и раскрепостит его душу.

Политика силы. Этот компьютер быстро обучается. Мог ли он привести сюда химеру или это был обман? Атону в голову пришла еще одна мысль.

— Если Хтон может повелевать зверями, проблема решена. Пускай он призовет кого-нибудь, на ком можно ездить.

Переговоры продолжились; но вскоре Атон уже восседал на спине огромной камнеедки, упершись коленями в мелкие чешуйки на ее боках, ухватив руками за толстые шейные складки. Ящерице с всадником приходилось передвигаться на всех четырех лапах, но крепкое животное легко везло его на себе. Остальные расселись сходным образом. Началось долгое путешествие, оцениваемое при таком способе передвижения всего в два перехода.

Это был Легкий Поход.

Камнеедки неслись быстрым аллюром. Громадные псевдорептилии, освобожденные на этот раз от непосредственного управления Хтона, делали добрых пятнадцать километров в час. Они опались по лабиринту однообразных серых пещер. Атон понимал, что в одиночку он ни за что не нашел бы пути отсюда. Глаза его начали слипаться, но уснуть он не смел. Он боялся, проснувшись, обнаружить, что зомби исчезли. Станный поворот судьбы, сделавший этих обременительных полулюдей такими Ценными!

Однако здравый смысл подсказывал ему, что поймать зомби практически невозможно, если их скакуны уклонятся в сторону. Они потеряются в несколько секунд, а Хтон оглушит свое домашнее животное и предотвратит погоню. Если заложники пропадут, ни о какой сделке говорить не придется. Он пребывал во власти пещерного бога в большей степени, чем ему казалось.

Атон огляделся. Прошло немало времени, от постоянного напряжения его ноги свели судороги. Окружающие пещеры изменились, и он понял, что или уже спит, или вот-вот заснет. Но зомби

по-прежнему скакали рядом с ним. Хтон держал свое слово. Удивительное, неправдоподобное развитие событий! Хтон вряд ли глуп. Почему же он ему потакает?

Очевидно, у Хтона были в отношении него какие то свои замыслы. Соглашение — лишь уловка для достижения временного сотрудничества. Атону ничего не оставалось, как подыгрывать и ждать, когда тот покажет свое... лицо.

Они продвигались по туннелю, напоминающему подход к залу китомедузы, только с высохшим руслом. Пологий путь поднимался все выше и выше, извиваясь, но не кончаясь. Атон вспомнил транссистему космокорабля и на миг задумался, не встретится ли им на каком-нибудь перекрестке поперечное движение. Однако Хтон отозвал всех животных, в частности, гусениц.

Прошло еще некоторое время, неутомимые твари мчались дальше. Все тело Атона ныло, но его стремление к свободе подавляло телесную боль, и он не просил остановиться. Ему хотелось разве что знать, насколько тяжелой будет его борьба за обладание свободой, когда настанет решительный момент. Так просто ее не подарят.

Внезапно пошел дождь.

«Мы на поверхности! — подумал он. — Выбрались из пещер! Остановитесь — я хочу слезть здесь!»

Но время еще не пришло. Это был первый переход, и они по-прежнему находились в глубине. Через несколько минут камнеедки скрылись от непогоды под выступом скалы, и Атон понял, что это еще одно чудо Хтона: подземное пространство настолько обширно, что в нем существуют разные метеоусловия. А может быть, осадки постоянно выпадают с холодного потолка или просачиваются сверху из какой-то реки? В любом случае, это удивительно.

Звери снова нырнули в дождь, и Атон плотнее прижался к мокрой спине. Что-то в этом дожде его тревожило. Возникло предчувствие гибели, ужаса и конца любви. Странно — никогда раньше дождя он не боялся.

Взгляд натыкался на короткие вспышки необычной растительности. Мерцающие сады, светившиеся зеленым и голубым, были окружены под дождем клубами пара.

Атону жалко было покидать эти места.

Наконец переход подошел к концу. Всадники с трудом спешили, надеясь отдохнуть. Атона терзал голод; он был голоден и до начала таинственной поездки, а сейчас его подташнивало. Атаки Миксы лишили его последних сил.

Полуженщина заговорила:

— Если хочешь, разожги костер; звери — съедобные.

Так вот для чего еще они были предназначены! Атон обнаружил, что в мясе зомби-животных нет ничего дурного.

Путники расположились на привал в незнакомых туннелях-воздуходувках. Возможно, они — часть системы, противоположной той, которую они знали, когда были заключенными по другую сторону огромного газового ущелья. Атон занялся бы исследованием туннелей, если бы издавна не знал о его тщетности. Что можно здесь найти, кроме новых пещер?

Все спали: Атон — положив руку на полуженщину, не из телесного желания, а чтобы сохранить ее в качестве заложницы — только для этого она и годилась. Он полагал, что из покоренных она самая ценная, поскольку ее разум почти не тронут. Предполагаемая сделка будет заключена, пока у него власть над ней. Будь у него другой способ, он бы вообще к ней не прикоснулся: мысль о столь чуждой одержимости его отталкивала.

«Путру» их ждали свежие «лошади», и четыре всадника возобновили путешествие. Туннели остались позади, путь лежал теперь через лес бурых и бесцветных сталагмитов. Новое окружение слегка взволновало его: вид древовидных колонн, вздымавшихся из пола, напоминал леса его детства на Хвее — всегда дружелюбные, наполненные невыразимыми предчувствиями. Атон почти сомневался, покидать ли защищавшие его пещеры с их всевидящим богом. Он боялся того, что может обнаружить снаружи.

Он отбросил эти мысли. Вероятно, Хтон скрытно давит на его разум. Но ничто не удержит его на пути к миньонетке.

На втором переходе животные вдруг замедлили движение, и двинулись едва ли не на цыпочках. Атон, более бдительный, чем раньше, подозрительно огляделся по сторонам и обнаружил вздымавшуюся тушу какого-то огромного спящего монстра. Поперек дороги лежал дракон подземного мира с туловищем слона. Они миновали его логово — недавно прорытые в камне трехметровые проходы носили следы исполинских когтей. Но зверь крепко спал, наверняка под влиянием Хтона.

Система пещер была еще огромнее, чем представлялось Атону — наверняка величайшее подземное царство во всей галактике. Независимый человек мог бы жить здесь вызывающе спокойно.

Животные ускорили бег. «Вернемся к безопасной скорости», — подумал Атон и улыбнулся. Чудеса продолжались, их было больше, чем мог воспринять мозг за одну скоротечную поездку. Когда-нибудь ему придется вернуться сюда — исследовать пещеры и разрабатывать копи. Здесь несметные богатства и, что гораздо важнее, знания. Жизнь, посвященная описанию неисчислимых подземных сокровищ, разве не славная жизнь?

«Не пытайся отвлечь меня от миньонетки. Она — моя жизнь, а не подземные сокровища».

Возможно ли все это картографировать? Трехмерный мир, уровень над уровнем, климат над климатом, изобилующий разнообразием. Одной жизни вряд ли хватит.

Час за часом. Продвижение замедлилось, подъем стал круче. Свечение на стенах померкло и вскоре совсем пропало. Атон оказался во тьме. Камни, шурша, катились в стороны, выбиваемые неуклюжими лапами бредущих вслепую животных. Это было самое странное место — слишком отдаленное, чтоб освещаться. Оно пугало Атона. Он был беспомощен.

— Животные не выносят дневного света, — послышался впереди голос полуженщины. — Мы должны остановиться.

Дневной свет?

— Пешком. Следующий поворот, — сказала она. Атон услышал, как она вместе с зомби спешила, и присоединился к ним. Отпущенные животные тут же убежали. — Мы не пойдем туда, — сказала женщина. — Ты должен идти один.

Один! К судьбе, которую замыслил для него Хтон.

Босые ноги расшибались о валуны. Атон с трудом двигался среди них, нащупывая путь вдоль шероховатой стены; наконец нашел роковой угол. Повернул.

Сверху лился свет — не зеленый, а белый. Он был ярок и прекрасен, тогда как бледный пещерный — уродлив. Свобода?

Атон глянул вверх и увидел силуэт. Какое-то животное ходило между ним и светом — странная птицеподобная тварь с длинным острым клювом, кончик которого был слегка загнут. Когда тварь раскинула крылья, на них показались страшные когти; крепкие ее ноги напоминали клешни.

Химера.

Это ли обещанная Хтоном свобода?

Атон мог повернуть назад, присоединиться к зомби, оставить мечту. Забыть миньонетку. Поклоняться Хтону.

Или направиться к химере — твари, которую он не надеялся одолеть, — и умереть смертью, которую она предложит. Без глаз и внутренностей он прожил бы несколько мгновений свободы на поверхности планеты Хтона: прелестной Идиллии.

— Я забыл ДЗЛ! — воскликнул Атон. — Оставил свою книгу в пещерах, где начались приступы Миксы. — Придется вернуться за ней...

Но вдруг он увидел за химерой манившую его миньонетку. И пошел к ней.

Беззвучно взмахнув огромными крыльями, химера исчезла, а вместе с ней исчез и другой образ. Путь был свободен. Хтон его выпустил.

ЭПИЛОГ

Как отличить танцора от танца?

Вильям Батлер Йетс, «Среди школьников»

Да — мы его выпустили.
Мы позволили Атону вновь посетить жизнь.
Он был мертв, когда пришел к нам, —
Говорит его культура.
Но он был не закончен.
А он нужен нам — целиком.
Мы отдали его нашему полубезумному миньону Бедокуру
И ждали его возвращения.

Атон, Атон — ты искал зло?
Ты покинул своего отца в час нужды ради преследования
любимой иллюзии?
Ты отказался от искренней любви из-за кровосмесительной страсти?
Ты предал своих собратьев во время мора?
Ты, в конце концов, совершил сделку с самим адом, который
символически изобразил как Хтон?
И был осужден:
Не отцом
Не первой и второй любовью
Не братьями
Не Хтоном.
Где зло, которое ты ищешь?
Как отличишь его от себя?
Как сможешь осудить себя
За то, что ты такой?
Мы думали спасти из твоей культуры добро философии
И уничтожить зло существования;
Но находим, что они друг другу сродни.
Мы думали завербовать агента по истреблению,
Чтобы очистить нашу галактику от жизни.
Но этот агент приносит нам ДЗЛ
И дразнит наш разум этическими понятиями.
(До этого мы видели лишь твою нездоровую стихию.)
Как нам отличить предопределение жизни от нашего
предопределения?
Не сродни ли мы, друг другу в наших поисках завершения?
Как ложно осудишь тебя
За то, что ты разделял наш идеал
Со своей перевернутой точки зренья?

Таким образом, мы должны принять тебя вместе с твоей женщиной;
Мы должны изгнать из раковины озноб
И научиться тому, что в милосердии —
Наша собственная сверхновая.
Ибо, пока изучаем озноб, мы открываем чудо:
Не естественное
Не вредное
Не случайное

Но возбуждение, укорененное внутри нашей галактики,
Прочные воздействия которого на жизнь непреднамеренны:
Сигнал.
Послание каждому разуму с силой, достаточной, чтобы понять;
Мы — не одни во вселенной.
Боги-разумы ждут ответа.

Примечания

1

Атон на слух воспринял фамилию Wordsworth как Words-Earth

2

Резеда (*фр., англ.*)

3

Minion (*англ.*) также означает «любимец», «ставленник».